

Талант — это профессия
и Билл Клинтон
и Кэти Перри
и даже поэт Виталий

ВИТАЛИЙ ГЛАДКИЙ

СЕРИЯ «СЕРИИ»

**ОКЗАННЫЙ
ТАЛАНТ**

Виталий Гладкий

Окаянный талант

Пролог

1697 год, начало сентября. Великое посольство царя Петра I в Европу. Нидерланды, город Утрехт, ясное осеннее утро, мастерская живописца. За мольбертом придворный художник короля Англии и статхаудера Нидерландов Вильгельма III Оранского знаменитый портретист Готфрид Кнеллер по прозвищу Годфри. Это энергичный мужчина с пронзительным взглядом и длинными волосами, собранными на макушке в пучок и стянутыми серебристой парчовой лентой. Ему позировает молодой царь Московии Петр Алексеевич, который прибыл вместе с Великим посольством инкогнито – как волонтер Петр Михайлов.

Петр томится. Он сидит возле круглого столика на резной ножке и нетерпеливо – даже зло – покусывает нижнюю губу. Иногда его блуждающий взгляд останавливается на собственном портрете в полный рост, краски на котором еще не высохли, и смягчается.

Полотно пока без рамы, на одном подрамнике, но, судя по выражению лица молодого царя, он доволен работой иноземного мастера. Он изобразил двадцатипятилетнего Петра с крупными чертами открытого лица, мужественным и полным энергии взором больших красивых глаз, с длинными вьющимися волосами, в металлической кирасе и перекинутой через правое плечо царской мантии, опушенной горностаем.

Кнеллер пишет другой портрет москвитя. Это небольшого размера погрудная парсуна. Она почти в точности повторяет первый портрет, но, кроме размера, в ней есть и некоторые другие отличия.

Художник, обычно быстрый в работе, на этот раз почему-то очень сосредоточен и медлителен. Годфри впивается цепким взглядом, горящим внутренним огнем, в юное лицо Петра, едва познавшее процесс бритья, и кажется, что он не просто водит кистью по полотну, а колдует.

Душа молодого царя еще чересчур чувствительна; она ощущает сильный напор чужой энергии, но Петр никак не поймет, почему сегодня ему вдруг стало неудобно в большой и светлой мастерской художника, где так приятно пахнет краской и лаками. Он зябко пожимает узкими плечами и переводит взгляд на столик. Там, возле вазы с яблоками и дорогим заморским виноградом, стоит пустой бокал с остатками мальвазии[1] на доньшке.

– Алексашка! Где ты там... черт!

– Здеси я, мин херц!

Алексашка Меншиков, денщик и наперсник царя, зевает и потягивается. Он немного придремнул в уголке, где лежат загрунтованные холсты и подрамники. Белки его блудливых глаз в красных прожилках – вчера был прием у аглицкого короля, разошлись только ближе к рассвету.

– Плесни... – Петр глазами указывает на кубок.

– Момент... – Алексашка сноровисто подхватывает стеклянный кувшин, наполняет его из небольшого бочонка, и светлая искристая мальвазия пенным потоком устремляется в довольно вместительный чеканный кубок.

– Недурно... – Петр осушает бокал до половины одним могучим глотком и с удовлетворением облизывает полные чувственные губы. – Король аглицкий знает толк в винах, ничего не скажешь.

– Вильгельмушка из кожи вон лезет, чтобы нам угодить, – посмеивается Алексашка. – Хочет сравнить нас с французами.

– Молчи, дурак, в морду дам! – Молодой царь, раздувая от гнева ноздри, опасно смотрит на художника. – Не твоего ума это дело.

– Мин херц, да он по-нашенски ни в зуб ногой, – понимает опасения государя Алексашка.

– Все равно помалкивай. Мало ли чего...

Человек в темном кафтане, который наблюдает через небольшое отверстие в стене за царем московитов, хищно ухмыляется. Его угрюмое худое лицо землистого цвета с впавшими щеками и длинным большим носом, напоминающим орлиный клюв, выдает в нем аскета или воинствующего адепта какой-нибудь тайной секты.

Он таится в крохотной комнатухе, примыкающей к мастерской художника. Человек вооружен – у него за поясом торчит длинный нож в замшевых ножнах. В комнате мерцает одинокая свеча, возле которой лежит кусок пергамента. На нем таинственной соглядатай записывает разговоры Петра с Меншиковым.

1697 год, конец сентября. Великое посольство царя Петра I в Европу. Нидерланды, город Амстердам, поздний вечер, высокое старинное здание, напоминающее и замок, и кирху. Замок – потому что здание из-за массивности стен и узких окон, похожих на бойницы, может выдержать длительную осаду, а кирху – по причине отсутствия замковых стен и наличия шпиля, как у соборов готического стиля.

Однако, к зданию подойти не так просто. Оно находится на крохотном островке, и соединяется с «большой» землей узкой дамбой и подъемным мостом. Дамба вымощена булыжником.

Из здания выходит царь Петр. Навстречу ему откуда-то из темноты выскакивает, как черт из табакерки, встревоженный Меншиков. Он вооружен до зубов, в руках держит обнаженную шпагу.

– Мин херц, я уже думал брать сию фортецию приступом.

– Да... задержался я, – бросает на ходу Петр, шагая своими длинными ногами по журавлиному – быстро, широко и почти не сгибая их в коленях.

Алексашка, сам не обиженный ни ростом, ни статью, едва за ним поспевает.

– Вот... дали мне оружие... – Царь смеется коротким нервным смешком и передает Алексашке коротенькую, с виду бутафорскую, шпажку. – И белые перчатки. Теперь я рыцарь-тамплиер, принят в шотландскую степень святого Андрея. – Он снова по-кошачьи – носом – фыркает.

– Так ведь для дела...

– Для дела. Мне нужен союз с Вильгельмом. Край нужен! Масоны обещали помочь.

– Как же, помогут... Врут они все, мин херц, ей-ей, врут. Обманут.

– Врут, Алексашка, я и сам это чувствую. Может, и обманут. А куда денешься? В Европе масоны правят бал. Что касается Вильгельма, то у него сейчас много других забот. Знаю... знаю! Советует нам Швецией заняться. А по поводу Порты почему-то темнит... Надо письмо написать австрийскому канцлеру графу Кинскому. Спросим его напрямую, безо всякого политесу – вы нам союзники супротив турок, или нет?

– Дерьмо вся эта дипломатия, мин херц, ох, дерьмо... Врут так складно и проникновенно, глядя на тебя честными глазами, что впору заплакать от умиления и облобызывать лжеца.

– Что ты понимаешь в дипломатии?! – вспыхнул Петр, но тут же и остыл. – Про обряд посвящения в масоны – ладно... – Он вдруг коротко хохотнул. – Назначили мне степень главного надзирателя, а в скором будущем сулили званье Великого Мастера Кейт. Ну да пес с ними. Мне эти масонские степени за плечами не носить. Лишь бы дело сдвинулось с мертвой точки. Плохо только то, что я оставил им свою парсуну... ту, которую писал Кнеллер. Жалко. Я на ней вышел как живой. Думал Аннушке[2] привезти в подарок. А первую парсуну – ту, где я изображен во весь рост, – пришлось презентовать Вильгельму. Очень просил.

– А... чего там жалеть? Найдем и у себя хорошего мазилу... знаю одного. Он сколько хошь патретов намалюет. За медную полушку. А этому... Кнеллеру мы целый кошель серебра насыпали.

– Его работа того стоит!

– Кто бы спорил... Мин херц, может, заглянем в наш любимый трактир? В горле пересохло, пока ждал.

– Уже поздно. Трактир закрыт.

– Обижаешь... – Алексашка звонко хохотнул. – Я настоятельно попросил, чтобы нас подождали. Там как раз гуляет плотник Гарри Кист и его друзья из Саардама. Все наши хорошие знакомые. Завтра у них какой-то праздник намечается. Тебя звали...

– Что же ты раньше не сказал?! Ходу, Алексашка, ходу!

Две высокие фигуры москвитов быстро растворились в темноте, кое-где подсвеченной уличными фонарями. Вслед им, торопливо семеня короткими ножками, тенью метнулся человек, который до этого шел за Петром и Меншиковым крадучись и прячась за домами. Его башмаки обмотаны тряпьем, поэтому шаг бесшумен.

Небо прояснилось, и на Амстердам из космических глубин посыпался звездный дождь...

1725 год, январь месяц, Санкт-Петербург. Царю Петру Алексеевичу сильно неможется. Морозный зимний вечер. Царские палаты. За окнами выюжит. Свечи у ложа самодержца горят слабо и чадят.

Александр Данилович Меншиков, не смыкавший глаз уже третьи сутки, с тревогой и душевным смятением думает: «Не к добру... Ох, не к добру... Черный дым над свечой – тяжелая болезнь... наемдни ведунья Малашка сказывала дворовым по секрету. Ведьма! Надо приказать, чтобы взяли ее в Тайную Канцелярию. Пущай поспрашивают, не она ли порчу на государя навела. А если не она, то кто?»

– Данилыч... – Голос Петра слаб и невыразителен. – Данилыч, ты слышишь?

– Слышу, государь. Я рядом.

– Испить бы чего... Сушит...

– Вот... морс. Вкусный. Государыня сама готовила... Может, лекаря кликнуть? Они тут все... – Меншиков кивком головы указывает на входную дверь. – И почти весь двор.

– Воронье... воронье! Уже слетелись... Поживу чуют... Но мы еще поборемся. Поборемся! Верно, Данилыч?

– Мин херц, кто бы сомневался?

– Сон мне все время снится... Страшный сон... – Петр судорожно сглатывает. – Помнишь парсуну, которую малевал Кнеллер... ту, что я оставил масонам?

– Помню, государь, как не помнить, – отвечает Меншиков, но в его голосе не чувствуется уверенности.

– Надо ее вернуть... Обязательно! Если потребуют – дай им денег. Сколько попросят. Дай! Но парсуна должна быть в России. Я хочу ее видеть.

– Распоряжусь... завтра, мин херц, с утра пораньше. На дворе уже ночь.

– Сегодня! Немедленно! Пошли надежного, исполнительного человека. И Лакосту[3]. У него среди масонов много единомышленников... они должны бы поспособствовать.

Недоумевающий Меншиков согласно кивает, вслушиваясь в тихий голос Петра Алексеевича. Он пребывает в тихом отчаянии.

Удалой и разухабистый денщик Алексашка, в юности промышлявший в Москве пирогами, давно остался в прошлом. Возле ложа тяжело больного самодержца российского сидит светлейший Святого Римского и Российского государства князь и герцог Ижорский; в Дубровне, Горы-Горках и в Почепе граф, наследный господин Аринбургский и Батурицкий, его императорского величества всероссийского над войсками командующий генералиссимус, верховный тайный действительный советник, государственной Военной коллегии президент, генерал-губернатор губернии Санкт-Петербургской, подполковник Преображенской лейб-гвардии, полковник над тремя полками, капитан компании бомбардирской, от флота всероссийского вице-адмирал белого флага, кавалер орденов Святого апостола Андрея, датского Слона, польского Белого и прусского Черного орлов и св. Александра Невского кавалер Александр Данилович Меншиков.

В течение сорока лет Александр Данилович был преданным сподвижником и другом своего государя. Из докладов лекарей он знает, что дела Петра Алексеевича очень плохи, и хитрый изворотливый ум светлейшего князя уже составляет планы на будущее, если... тьху, тьху!... государь почует в бозе.

В этих выкладках нет места капризу больного Петра – никчемная парсуна, что хранится в Амстердаме... дай Бог памяти, какая именно, вещи сны, масоны... бред! Сейчас не до этого. Но Меншиков всегда отличался исполнительностью. Он встает и быстрым шагом покидает опочивальню государя. Его место тут же занимает один из лекарей-иностранцев.

Обессиленный разговором царь отворачивается от чадающих свечей и забывается тяжелым сном, полным кровавых кошмаров, которым несть числа. Но главное место в видениях занимает портрет, который он, согласно уставу масонов, обязан был оставить масонской ложе как залог своей души.

Ему видится, будто он раздвоился, вылетел из тела бесплотной тенью и парит под потолком

над ложем. Через разрисованные морозными узорами окно, словно и нет преграды в виде толстого венецианского стекла, в опочивальню проникают скользкие омерзительные щупальца и присасываются к его груди. В отчаянии он птицей бросается вниз, чтобы оборвать их, но его бесплотный образ не имеет ни силы, ни веса.

Тогда он обращает взор на неведомую тварь за окном, высасывающую его жизненные силы. И с ужасом видит ту самую парсуну, которую нарисовал придворный художник Вильгельма Оранского, талантливый Готфрид Кнеллер. Юное лицо Петра искажено мукой и деформировано; плавящиеся от незримого огня краски парсуны плывут вниз, образуя наросты, формирующие длинные пустотелые щупальца, по которым толчками, соответствующими сердечному ритму, откачивается ихор[4].

Стараясь вырваться из объятий кошмара, Петр конвульсивно подергивает руками и пытается кричать. Но его голос настолько тих и слаб, что дремлющий лекарь-иностранец не слышит и не приходит ему на помощь.

И самодержец российский снова проваливается в пучину мерзких и невероятно живых сновидений...

28 января 1725 года, в начале шестого утра, государя российского Петра I Великого не стало. Почерневший от горя Меншиков выходит на улицу и подставляет заплаканное лицо ледяной пороше.

Миновав кордоны из солдат Преображенского полка, во двор въезжает фельдъегерская кибитка, запряженная взмыленными лошадьми. Из нее вываливается изрядно замерзший генерал-прокурор Сената граф Павел Иванович Ягужинский.

Увидев Меншикова, он кисло морщится, но тут же, оставив свои мысли при себе, едва не бегом направляется к светлейшему князю.

– Не отдали... сволочи, – хрипит он простуженным голосом после короткого кивка головой, что должно изображать уважительный поклон; красное от мороза лицо Ягужинского выражает полное отчаяние. – Не уговорил. Ни на какие деньги не соглашаются... Даже слушать не захотели. И шут Лакоста не помог. В ногах у главного раввина валялся, слезно просил... выгнали вон.

Меншиков недолюбливает Ягужинского, и генерал-прокурор отвечает ему той же монетой. Поэтому Александр Данилович и послал его в Нидерланды, как простого фельдъегера, со срочным поручением государя, присовокупив, что Петр Алексеевич очень надеется на дипломатические таланты графа. Тяжелый зимний путь по бездорожью и крепкого юношу собьет с ног, а что тогда говорить о Павле Ивановиче, которому за сорок.

– Что не отдали? Кто не отдал? Ты о чем? – недоуменно вопрошает Меншиков.

– Я о парсуне. На которой изображен государь.

– Поздно... – Меншиков, чувствуя слабость в ногах, садится на крыльцо. – Ты опоздал... Все мы опоздали! Парсуна уже не нужна. Петр Алексеевич ушел от нас... Нету его, понимаешь, нету!!!

Он закрывает лицо руками, и его большое тело начинают сотрясаться от рыданий. Сильный порыв ветра взвихривает снежную пыль, залетает в печные трубы, и над царским дворцом слышится жалобный вой вперемешку с разбойничьим свистом.

2007 год, начало февраля, Центральные Альпы, Австрия. Высокий худой человек в черном одеянии, похожем на сутану, шаркая ногами, неторопливо идет по длинному сводчатому

коридору. В руках у него неярко светится странной формы фонарь, похожий на керосиновую лампу, но с одним отличием – место фитиля занимает толстая восковая свеча. Ее неверный, колеблющийся свет выхватывает из кромешной тьмы замшелые стены, сложенные из нетесаных каменных глыб, и отбрасывает на потолок ломанную человеческую тень, изуродованную сводчатым перекрытием.

Коридор находится в старинном замке, в подземелье, и видимо когда-то служил родовой усыпальницей средневековых сеньоров, его бывших владельцев, – в стенах, через равные промежутки, виднеются ниши, забранные коваными решетками, а в них белеют человеческие кости и черепа.

Наконец человек в черном оказывается в тупике перед массивной дубовой дверью, окованной металлическими полосами. Полосы, прикрепленные к толстым доскам большими выпуклыми заклепками, образуют посреди двери рисунок, в котором легко угадывается циркуль и молоток. Над рисунком вырезанная в дереве надпись «In Deo fiducia vinces»[5].

Дверь заперта на внутренний замок. Покопавшись в своих одеждах, черноризец достает длинный ключ со сложными фигурными бородками, вставляет в замочную скважину и три раза поворачивает его против часовой стрелки, а затем два раза – в обратную сторону.

Судя по тому, как легко он это проделал, замок хорошо смазан, что предполагает частые посещения этого неуютного и даже зловещего коридора. Впрочем, об этом свидетельствует и дорожка следов, ясно различимая на пыльном полу, представляющем собой плоские плиты самых разных форм и размеров.

Едва черноризец закончил манипуляции с ключом, как раздался мелодичный звон и дверь начала медленно отворяться. За нею виднеется какое-то помещение, но вход в него преграждает еще и стальная решетка, сваренная с толстых прутьев.

Она тоже заперта, но, как ни удивительно, на вполне современный кодовый замок. Мало того, решетчатая дверь поставлена на сигнализацию, о чем свидетельствует зеленый пульсирующий огонек светодиода.

Проделав необходимые манипуляции, человек в черном открывает решетчатую дверь, нащупывает на стене справа выключатель, и под потолком длинного прямоугольного помещения вспыхивает свет.

У помещения тоже сводчатый потолок, но с куполом посередине. Возможно, в средние века здесь находилась молельня какого-то христианского культа. Но теперь стены обтянуты дорогим черным атласом, а свод облагорожен кафельной плиткой такого же глубокого черного цвета.

Вместо алтаря в дальнем конце возвышение, на котором разместились два гроба: один пустой, а в другом лежит человеческий манекен с очень натуральным восковым лицом. В левом углу на небольшом столике белеет череп, а в правом – стоит скелет. Перед возвышением расстелен коврик с изображением различных масонских символов.

Эта мрачная картина не оживляется даже утопленными в стены светильниками, расположенными по всему периметру комнаты. Удивительно, но их неяркий матовый свет кажется черным – как и само помещение.

Несмотря на каменные стены и отсутствие отопления, в комнате сухо, а воздух в меру прохладен и чист. Судя по всему, такой микроклимат поддерживает мощная современная система кондиционирования, расположенная в другом помещении замка.

Постояв какое-то время в полной неподвижности, – со стороны могло показаться, что

черноризец наслаждается, впитывая всем телом эманации, которые выделяют мрачные масонские атрибуты в дальнем конце помещения – он ставит лампу на столик у входа и разворачивает сверток, который до этого держал подмышкой.

В свертке находится портрет какого-то человека, написанный маслом. Смахнув широким рукавом с живописного полотна невидимые глазу пылинки, черноризец подходит к стене и вешает его на свободный крюк.

Если бы не гробы и не скелет, помещение вполне могло претендовать на звание картинной галереи. Все его стены – от пола до потолка – увешаны живописными изображениями мужских лиц разных эпох и народов.

Судя по дорогой одежде, эти люди занимали высокое общественное положение. Художники, рисовавшие портреты, явно были очень талантливы – некоторые изображения кажутся живыми. Возможно, этой иллюзии способствует и освещение комнаты.

Черноризец медленно идет вдоль одной из стен, разглядывая портреты, и вдруг словно прирастает к полу, когда его взгляд останавливается на небольшой, старинной парсуне симпатичного черноглазого юноши с небольшими тонкими усиками и длинными вьющимися волосами, изображенном в парадном доспехе. Горностаевая мантия с красным парчовым подбоем указывает, что это какой-то государь.

Человек в черном недобро кривит тонкие злые губы. И читает гравированную латиницей надпись на изрядно потемневшей от времени серебряной пластине, прикрепленной к рамке парсуны: «Петр, царь Московии».

Немного постояв перед портретом российского самодержца, пристально вглядываясь в светлые и одухотворенные черты юного лица, черноризец – наверное, отвечая своим мыслям – угрюмо бормочет «Imperium terrae finitur ubi finitur armorum potestas»[6], и направляется к выходу, неторопливо шлепая по полу явно большими для него сандалиями.

Щелкает выключатель, и в портретной галерее масонов снова воцаряется мертвая тишина и могильная темень.

Глава 1

Персональная выставка закончилась полным провалом. Купили всего семь картин, притом за смешные деньги. Их едва хватит, чтобы отдать долги. Что делать, как жить дальше?!

Сваленные среди мастерской как попало пейзажи, натюрморты и марины[7] – у Олега не было ни моральных, ни физических сил перетащить живописные полотна в кладовку – вызвали острое желание облить эту кучу хлама бензином и сжечь. Все его надежды и чаяния рухнули в одночасье и погребли под обломками надежду, которая последние два года поддерживала в нем потрясающую работоспособность и веру в свой талант.

Он работал, как одержимый, с раннего утра до полуночи. Коллеги, иногда забежавшие на огонек, восхищались его творениями да все нахваливали, но Олег знал истинную цену этим похвалам.

И чем сильнее ему пели дифирамбы, чем длиннее и цветистее были панегирики, тем больше он мрачнел.

Предчувствие не обмануло. Почти все его полотна – мазня. Мусор. Таких, с позволения

сказать, картин полно на «блошином» рынке живописных произведений, который функционировал по выходным дням. На нем «выставлялись» непризнанные «гении» кисти, в основном штампуемые копии с известных картин.

«Надо бы сегодня рассчитаться с кредиторами...» Вялая мысль запульсировала на виске тонкой жилкой и тут же успокоилась, растаяла бесследно.

«А завтра нужно будет идти занимать по новой... Бред! Может, застрелиться? Мертвые сраму не имут. К черту все! Я никчемный, бездарный тип с непомерными амбициями. Как художник, я круглый ноль. Но другой профессии у меня нет. Да и не пойду я рыть канавы или асфальтировать улицы. Стыдно... И что в итоге? В итоге мне светит или голодная смерть, или место среди мазил на блошином рынке. Написал какую-нибудь чушь за два часа левой ногой – продал – проел и пропил. И так изо дня в день, год за годом... Зачем?! Бессмысленное полуживотное существование... Застрелиться! А у тебя есть оружие? Нет. Проблема...»

Олег поднял взгляд вверх, на запыленную люстру. Определив на глазок, что крюк, на котором она висит, слабоват и не выдержит вес его тела, он сокрушенно вздохнул, встал и подошел к окну.

Окна мастерской, расположенной на пятом этаже, выходили на тыльную часть дома. Олег представил, что будет с ним, когда упадет на захламленный разным мусором газон, и сокрушенно вздохнул.

Полной гарантии, что он сразу свернет себе шею, не было. А остаться никому не нужным калекой со сломанным позвоночником, который сможет передвигаться лишь в инвалидной коляске... нет, нет, только не это!

Оставалось последнее – пойти куда-нибудь и упиться до положения риз. А там хоть трава не расти. Долги... Долги? Да фиг с ними! Как-нибудь обойдется...

Забегаловка, куда Олег направил свои стопы, именовалась не без претензии на высокое – бар «Олимп». Ее держал весьма образованный и начитанный армянин Усик Сарафян. Может, поэтому его заведение облюбовала местная богема. Сарафян любил диспуты на отвлеченные темы, а чтобы у него были благодарные слушатели, он угощал их за свой счет.

Но, скорее всего, причина привязанности творческих личностей к этому злачному месту заключалась в ином – Усик (которого чаще всего называли Сусиком) не задирает цены. Как уж он там выкручивался перед различными проверяющими и контролирующими органами, а также перед своей «крышей», можно было только гадать, но факт оставался фактом – только «Олимп» во всем городе был по карману представителям городской интеллигенции, которую нарождающийся капитализм уронил ниже бордюра.

Конечно же, «Олимп», как и все недорогие забегаловки, располагался в полуподвале. Знакомые художники по этому поводу шутили: «Название вполне соответствует законам жанра – как ни крути, а гора Олимп, где жил мифический бог Зевс, ниже горы Арарат, куда занесло библейского Ноя во время потопа».

В шутке содержался прозрачный намек на то, что в городе был еще и ресторан «Арарат», который держали земляки Сарафяна.

Как обычно, заведение Усика не пустовало, несмотря на раннее время – стрелки часов только приближались к шести часам вечера. В баре за скудно накрытым столом сидели знакомые Олега: писатель Шуршиков, поэт Хрестюк и художники Фитиалов, Вавочкин и Прусман.

– Привет, Олежка! – вскричал тонким голосом пьяненький Вавочкин. – Присоединяйся. Народ

не против? – спросил он у остальных.

– Не вижу препятствий... ик! – пьяно икнул Шуршиков.

– Ну... нам чего. Всем хватит, – кисло сказал Хрестюк. – Садись.

Олег сумрачно покривился, что должно было означать благодарную улыбку. Хрестюк был еще тем жмотом. Когда бы ни скидывались вскладчину на выпивку, у него в карманах больше двух червонцев не шелестело. Обычно от его денег отказывались, так как знали, что он тут же начнет просить займы на троллейбус.

– Выпьем... – Белобрысый Фитиалов, толстяк и сибарит, дружелюбно улыбаясь, нашел чистую рюмку и наполнил ее водкой.

Олег жадно схватил лафитник и осушил его одним духом.

– Э-эй, куда гонишь? – воскликнул Вавочкин. – А тост сказать?

– Не дави на человека, – рассудительно сказал Прусман. – Видишь, он в расстроенных чувствах.

«Проницательный... чтоб тебя», – подумал с недовольством Олег, пережевывая жилистую отварную говядину, которая значилась в меню как мясная нарезка. Он угадал реакцию на выводы Прусмана – компания сразу же засыпала его вопросами.

– У тебя что, кто-то помер? – для начала участливо спросил Вавочкин.

– Это вряд ли, – ответил за Олега Хрестюк. – Наверное, жена ушла. Я угадал?

Эпопеи с женами у Хрестюка были главным коньком. Последний раз он женился полгода назад, но знающие люди поговаривали, что и эта долго не задержится.

Хрестюк был женат шесть раз. И все супруги поэта сбегали от него максимум через год. Нельзя сказать, что Хрестюк был законченным негодяем или эгоистом. Отнюдь. Но он имел одну слабость, простительную в среде его коллег, однако совершенно невыносимую в семейной жизни.

То, что он практически каждый день приходил домой подшофе, еще можно было вытерпеть. Но Хрестюк, будучи на подпитии, начинал читать жене свои поэмы и стихи.

Как почти все поэты, чтецом-декламатором он был неважным. Поэтому его завывания на протяжении часа или двух сводили с ума не только соседского пса, который начинал «помогать» Хрестюку со всей своей собачьей старательностью, но и бедную женщину, которая обязана была, так сказать, по долгу службы, выслушивать бесконечные анапесты и дактили.

А поскольку творчество Хрестюка даже отдаленно не напоминало стихи Пушкина (хотя он и не был совсем уж бездарным), то очередная заблудшая женская душа хватала свой чемодан и быстренько съезжала к родителям, прихватив на память с квартиры поэта что-нибудь ценное.

– Ошибаешься, – уверенно пробасил Шуршиков. – Похоже, у Олежки проблемы иного рода. Сразу видно, что он весь в творческих исканиях. Эмпиреи, эмпиреи... Как это знакомо...

Шуршиков слыл романистом. На излете советских времен он накропал роман о рабочем классе, купил за причитающийся ему гонорар легковую машину «волгу», что в те времена считалось большим шиком и признаком состоятельности во всех отношениях, и с той поры

– Потрясающе! – радостно воскликнул Шуршиков, как самый главный критик, имеющий непосредственное отношение к литературе. – Вещь – супер.

Олег лишь мысленно рассмеялся. Он догадывался, что радость прозаика происходит от длины стихотворения, продекламированного Хрестюком; оно оказалось очень коротким.

– Да... Талант... – Фитиалов расчувствовался и достал носовой платок не первой свежести, чтобы осушить повлажневшие глаза.

– Вам нравится? Точно? – Хрестюк распрямил плечи, откинул голову назад и стал похожим на индюка.

– Нравится – это не то слово! – вдохновенно изрек подлипала Вавочкин. – Я давно говорю, что почти все твои вещи – классика.

– Эка ты хватил, батенька, – ревниво осадил Шуршиков порыв Вавочкина, от которого за версту несло фальшью. – Поэты-классики закончились в начале двадцатого столетия. Не в обиду будет сказано. Просто констатация печального факта.

Хрестюк обиженно насупился. Но Шуршиков закончил свое выступление неожиданным и приятным для него пассажем:

– А вообще, я так скажу – тебя, мой друг, еще оценят. По достоинству оценят. Потому что многие твои вещи совершенно нетривиальны. Это поэзия двадцать первого века. И понять всю ее глубину и красоту сможет только новое поколение, которое уже подрастает.

– Пока вырастет это новое поколение, все мы дуба врежем, – с иронией заметил Прусман. – Желудок не может пребывать в состоянии анабиоза до лучших времен, когда творческим людям станут платить нормальные деньги, а не жалкие гроши.

– Умеешь ты опозлить самое святое... – Шуршиков осуждающе покачал головой. – А ты как думаешь, Олежка? – обратился он к Олегу.

– За исключением некоторых наших коллег, особенно удачливых, мы лишние на празднике капиталистической жизни, – мрачно ответил Олег. – Нынче картины подбирают как часть интерьера – в тон обоев. А что там на них написано, всем до лампочки.

– Верно! – воскликнул, загораясь, Вавочкин. – Не в бровь, а в глаз попал. Ходят, ходят вокруг да около, и все торгуются, торгуются... будто покупают не произведение искусства, а барана на шашлык. Никакого понятия...

Вавочкин «выставлялся» в основном на Лобном Месте. Так называлась небольшая площадь в центральном городском парке, где по субботам, воскресеньям и в праздничные дни торговали своими изделиями разнообразные умельцы – гончары, кузнецы, ювелиры, рукодельницы и прочие таланты местного разлива. Почти половину этого «блошиного» рынка занимали художники.

Свое название – Лобное Место – площадь получила в давние времена. Когда-то на месте парка находился детинец[8], но со временем река обмелела и поменяла русло, поэтому укрепления потеряли свою значимость и постепенно разрушились.

Город, выросший на месте поселения, отодвинулся ближе к реке, а в старом детинце при Иоанне Грозном начали казнить мятежных бояр и разбойников. Отсюда и пошло – Лобное Место.

В конце девятнадцатого века вокруг бывшего детинца посадили деревья. Руины стен и укреплений убрали, образовавшуюся площадь вымостили брусчаткой, и уже в первые годы

двадцатого столетия Лобное Место стало для городских обывателей чем-то вроде парка культуры и отдыха времен СССР.

После Великой Отечественной войны, когда началась массовая застройка, город возвратил утраченные территории, и Лобное Место вместе с парком оказалось в центре. С площади открывался прекрасный вид на реку, монастырь и окрестные леса.

Официант принес заказ Олега. Все мигом прекратили разговоры и дружно налегли на выпивку и закуски. Тосты были короткими, но содержательными: «За госпожу Удачу!», «Чтоб мы так жили!», «За искусство!»... и так далее.

Остановились только тогда, когда водки во второй бутылке осталось не более чем на полторы рюмки. Никто на эту порцию из деликатности не позарился.

– М-да, прошлая неделя не задалась, – с пьяной грустью сказал Фитиалов, манерно вытирая салфеткой жирные губы. – Я в полном пролете. У меня купили всего одну картину. Жилье оплачивать надо, за краски задолжал, ботинки вот прохудились... Мрак.

– Вы хоть что-то получаете за свои произведения, – уныло сказал Хрестюк. – А тут приходится издаваться за собственный счет. Дожили! Литературу бросили псу под хвост. Дерьмократы...

– То ли дело прежние времена... – Шуршиков ностальгически завздыхал. – Квартиры и машины без очереди, творческие путевки, выступления перед коллективами предприятий... А шикарные столы, которые накрывали нам благодарные почитатели наших талантов? У меня были две сберегательные книжки: одна – общая с женой, а вторая – личная, о которой она не знала. Бывало, закатаешься с красивой лялькой в Сочи... эх!

– Да, у писателей тогда была не жизнь, а малина, – с запоздалой завистью сказал Прусман. – А нам приходилось по шабашкам мотаться, наглядную агитацию оформлять в колхозах и совхозах, чтобы кое-как свести концы с концами.

– Мужики, есть предложение сменить тему, – довольно бесцеремонно прервал изливания Прусмана Олег. – Давайте лучше о бабах.

От выпитого в голове появился характерный шум. Так всегда бывало, когда он перебирал лишку.

– Что о них говорить? – страдальчески поморщился Фитиалов. – Тебе хорошо, ты холостяк. А тут придешь домой и начнется курс лекций в исполнении супруги о вреде пьянства, который плавно переходит в обличении не только недостатков вашего покорного слуги, но и пороков всех моих родственников едва не до седьмого колена.

– Надавай ей по мордам, – меланхолично сказал Вавочкин, вороватым взглядом оглядел товарищей, вылил остаток водки в стакан, и коротким кивком головы отправил спиртное по известному адресу, даже не поморщившись. – Бабы уважают только твердую руку.

По части семейной жизни Вавочкину завидовали многие. У него с юности была идея фикс – не просто жениться, а купить себе жену. Мечта исполнилась во времена перестройки. Для глубинки это были полуголодные годы.

Вавочкин исчез из города почти на два месяца. Все это время он искал где-то в Средней Азии свою вторую половину. И нашел, как ни удивительно.

Когда Вавочкин впервые показал супругу приятелям, те ахнули – это была вылитая Шахразада из «Тысячи и одной ночи» – высокая, стройная, с бездонными миндалевидными глазами цвета созревшей сливы и тяжелой копной иссиня-черных волос. Она была тиха,

скромна и беспрекословно выполняла все капризы своего суженого.

Потом уже Вавочкин признался, что нашел будущую жену в отдаленном горном кишлаке уж неизвестно какой южной республики и отдал за нее все, что было у него в портмоне, до последней копейки. На эти деньги можно было купить стадо баранов, хвастался Вавочкин.

Жена родила ему одного за другим, без перерывов, четверых сыновей, которые в детстве ходили за ней как привязанные – цепочкой. Это была еще та картина... Когда семья Вавочкиных шла в магазин за продуктами – дальше гастронома он свою жену не пускал – люди с восхищением глазели на них как на какое-то чудо.

Услышав слова Вавочкина, Олег лишь сумрачно ухмыльнулся. Он знал, что его коллега никогда даже пальцем не тронул свою жену.

– Неплохо бы продолжить, – задумчиво сказал Шуршиков, пощелкав ногтем по пустой бутылке.

– Здоровая идея, – согласился вмиг повеселевший Фитиалов. – Поскребем по сусекам? – И демонстративно полез в карман за деньгами.

Остальные выжидательно посмотрели на Олега. Увы, он не оправдал доверия гопкомпании (народ явно жаждал продолжения дармовщины) и бросил на стол всего пятьсот рублей. И не потому, что был жаден. Его интересовала реакция собутыльников.

Нужно сказать, что творческие личности стоически вынесли его жлобские замашки. Упрятав разочарование неджентльменским поступком Олега поглубже, они наскребли энную сумму, и спустя пять или десять минут (кто их считает во время застолья?) праздник продолжился.

Вечер плавно перешел в загульную ночь.

Глава 2

«О-о, нет... Без веской причины голова так сильно болеть не может. Или меня ударили чем-то тяжелым по затылку? Нужно пощупать, вдруг там шишка...»

Олег, не открывая глаз, попытался мысленно отдать приказание своей правой руке, но она не послушалась, потому что затекла. Поморщившись, он переменял позу... и услышал чей-то слащавый мужской голос:

– Добрый день, уважаемый Олег Ильич!

Это было настолько неожиданно, что Олег наконец сумел поднять не только свинцовые веки, но и оторвать свое непослушное тело от дивана, на котором он спал, не раздеваясь.

Возле дивана, в кресле с порядком поистершейся обивкой, сидел незнакомый художнику человек в черном. У него было гладко прилизанные, словно смазанные бриолином, черные волосы и длинное худое лицо с квадратным подбородком – несколько бледноватое, словно незнакомец недавно перенес тяжелую болезнь.

Особо впечатляли глаза; они казались металлическими пуговицами, впаянными в изрядно выветрившийся от времени мрамор. Глаза не меняли своего ледяного выражения, даже когда незнакомец улыбался; именно такое – улыбочное – выражение лица незваного гостя и увидел Олег, когда проснулся.

– Кто... кгм!... Кто вы? Что вам угодно? – растерянно спросил художник, безуспешно пытаясь связать в голове мятущиеся обрывки хаотических мыслей.

Голос у него стал сиплым, будто Олег был простужен, и вопрос прозвучал не очень внятно. Тем не менее, незнакомец все понял и ответил, продолжая дружелюбно улыбаться:

– Зовут меня Карл Францевич. Мы договаривались с вами сегодня встретиться.

– Который час? – морщась от боли, которая перебралась из затылка в виски, тупо спросил Олег.

Незнакомец достал из кармана жилетки золотой брегет и ответил:

– Уже одиннадцать. А вы назначили мне встречу на десять.

– Простите... – буркнул художник и осмотрелся.

Оказывается, он уехал из ресторана не домой, а в свою мастерскую. Там царил все тот же беспорядок, что и раньше, к которому добавилось лишь несколько неприятных штрихов. Наверное, вчера он нетвердо держался на ногах, потому что у двери лежало перевернутое ведро и швабра, а палитра упала на пол согласно «правилу бутерброда» – рабочей частью с остатками свежей краски книзу.

– Как вы сюда попали? – Художник перевел взгляд на Карла Францевича.

– Чего проще... – Аскетическое лицо гостя снова перекосила доброжелательная улыбка. – Входная дверь мастерской была не только не заперта, но и открыта едва не настежь.

– М-м... – промычал смущенный Олег и начал массировать виски – боль все усиливалась. – Однако...

– Бывает, – снисходительно сказал Карл Францевич.

– Вчера я немного... того...

– Я так и понял. Поэтому предпринял по своей инициативе кое-какие меры, способные подлечить ваш организм.

С этими словами Карл Францевич шустро поднялся и подкатил к дивану столик на колесиках, накрытый сверху двумя большими салфетками потрясающей белизны. Судя по монограммам на них, они принадлежали близлежащему ресторану «Калинка».

Жестом фокусника Карл Францевич снял салфетки, и потрясенный художник увидел отменно сервированный металлический поднос с вензелями, на котором стояла водка в запотевшем хрустальном графине, маслины и паюсная икра в вазочках, масло в керамической масленице, белые маринованные грибы в глубокой тарелочке и горшочек с горячим (как это не удивительно) жульеном.

– За продолжение нашего знакомства! – провозгласил Карл Францевич короткий тост и интеллигентно, мелкими глотками, выпил свою стопку.

Все еще не в себе, Олег махнул рюмку водки, как за себя кинул. Она вонзилась в желудок словно нагретый докрасна вертел, мгновенно взбодрил мышцы, взбурлил кровь и немного упорядочив мыслительный процесс.

Что касается головных болей, то и здесь наступило облегчение. Ломота в висках постепенно рассосалась, и только в затылок все еще размеренно был молоток, обмотанный тряпками –

чтобы не проломить череп.

«Ничего не помню... – думал обескураженный художник, налегая на маринованные грибы и восхитительно ароматный жульен. – Это же надо так нализаться... Хрестюк, сукин сын! Если он начинает пить, то до ручки. Как клещ вцепился... Однако, кто этот Карл Францевич? И когда я с ним договаривался? Когда и о чем?»

Словно подслушав мысли Олега, гость сказал:

– Я имел честь присутствовать на открытии вашей персональной выставки...

Теперь художник вспомнил. Карл Францевич был в числе тех, кто купил его полотна. Только тогда он был одет в менее мрачные одежды и показался ему иностранцем, скорее всего, немцем, настолько мог Олег судить по обрывкам разговора, который вел этот любезный господин с миловидной девушкой-гидом.

Но с ним Карл Францевич разговаривал по-русски.

– Вас заинтересовали еще какие-нибудь мои картины? – оживился Олег.

– Должен вам сказать откровенно – вы зрелый мастер... – Тут Карл Францевич запнулся, подыскивая нужные слова, но все-таки продолжил: – Однако натюрморты и пейзажи не ваша стихия.

Художник настороженно помалкивал. Куда клонит этот любезный Карла?

– Примерно два года назад мне посчастливилось приобрести портрет, написанный вами еще в студенческие годы... – Гость уколол Олега острыми буравчиками своих темно-коричневых глаз.

От последней фразы Карла Францевича даже боль в затылке куда-то улетучилась. Олег подобрался, как перед прыжком, и враждебно уставился на своего визави.

– Почему вы не пишете портреты? – между тем продолжал иностранец (или кто он там). – Вы потрясающий портретист. К тому же, этот вид живописи сейчас в моде и приносит талантливым художникам большие деньги.

– Это все, что вы хотели мне сказать? – Голос художника, очистившийся от хрипоты, завибрировал. – Спасибо за лестную оценку моих скромных способностей. А что касается портретов, то скажу вам прямо – заниматься этим делом я не хочу.

– Почему?

– Без комментариев, – отрезал Олег.

– Но я принес вам хороший заказ.

– По заказам не работаю. Я художник, а не ремесленник.

– В этом у меня нет никаких сомнений. Иначе я не ступил бы и на порог вашей мастерской. Уж поверьте, в живописи я разбираюсь неплохо. Изобразить внутреннюю сущность природы несколькими мазками может только большой мастер.

Олег неожиданно обозлился. Не отдавая себе отчета в причинах столь непонятного порыва, он резко встал и молвил с плохо скрытой враждебностью:

– Я не принадлежу к большим мастерам. Извините, мне нужно работать. Благодарю за заботу. Сколько я вам должен? – указал Олег на столик с ресторанными яствами.

– Что вы, что вы! Какие расчеты? Я угощал.

– И все-таки?

– Вы упрямый человек, – то ли с сожалением, то ли с восхищением констатировал Карл Францевич. – Как-нибудь сочтемся... – Он посуровел и тоже поднялся. – И все же я думаю, что двадцать тысяч долларов за один-единственный портрет вам бы не помешали. Это для вас максимум три недели работы. Возможно, месяц. А потом вы можете отдыхать, сибаритствовать в свое удовольствие сколь угодно долго.

Олег сначала подумал, что ослышался. Но, глядя на серьезное лицо гостя, он вдруг понял, что тот и не думает шутить.

Двадцать тысяч! Баксами! Умереть и не встать...

С такими деньгами в кармане он может работать над новыми картинами минимум год, не думая о хлебе насущном. Всего лишь написать чей-то портрет... возможно, этого Карлы.

Нет! Никогда! Он не может, не имеет права нарушать собственное табу.

– Сожалею, но... – Олег развел руками. – Я давно не писал портреты, и очень сомневаюсь, что у меня получится. А подвести заказчика – это последнее дело.

– Получится, получится! – горячо сказал Карл Францевич. – Будьте спокойны.

– До свидания, – отрезал художник. – Приятно было познакомиться.

– А мне как приятно... Всего вам доброго. Премного благодарен... – Иностранец начал раскланиваться. – Кстати, мой вам совет – поезжайте куда-нибудь в глубинку... отдохните на природе. Вам это пойдет только на пользу. Уж поверьте мне. Еще как пойдет... Вот моя визитка. Там указан телефон гостиницы, где я остановился. Я все же надеюсь, что вы измените свое решение, и позвоните мне... – Карл Францевич криво улыбнулся тонкогубым ртом и пошел к выходу, опираясь на резную трость; он немного прихрамывал.

Дверь захлопнулась, мягко щелкнув язычком английского замка. Олег не сел, а упал на диван, и выпил еще одну рюмку водки. Ему вдруг начало казаться, что он уже когда-то был в такой ситуации... или читал о чем-то подобном... а может, видел в кино?

Однако, как художник ни напрягал все свои извилины, так ничего вспомнить и не смог.

«Дежа вю...», – буркнул он себе под нос не без внутреннего смятения и подошел зеркалу. На него глянула похмельная небритая физиономия длинноволосого блондина «нордической наружности», как называла Олега сокурсница, на которой он так и не женился.

Вспомнив студенческие годы, Олег ностальгически вздохнул, затем причесал непокорные вихры и пошел умываться.

Дверной звонок подал голос, когда художник чистил зубы. Неужто иностранец вернулся? А чтоб его!...

Быстро прополоскав рот, он поспешил к выходу и отворил дверь, даже не спрашивая, кто там.

На пороге встал молодой парнишка, совсем Олегу незнакомый, но в одежде, которая сразу указывала на его профессию. Судя по хорошо знакомой монограмме, вышитой на скюртуке парня, он был официантом «Калинки».

– Мне бы... забрать... – смущаясь, сказал официант.

– А... – Художник понимающе кивнул и пропустил парнишку в мастерскую. – Момент... – Он быстро перелил водку из графина в бутылку, а остатки еды переложил на красивое керамическое блюдо, которое обычно использовал при написании натюрмортов, смахнув с него пыль рукавом.

Официант, собрав пустую посуду в пакет, ушел. Олег снова устроился на диване и продолжил упражнения с бутылкой, вскоре показавшей дно. В конечном итоге в голове настолько прояснилось, что он начал пересчитывать деньги, оставшиеся от вчерашнего загула.

Пересчитал – и задумался. С долгами все и так предельно ясно – отдать их в ближайшем обозримом будущем он точно не сможет. А на прокорм в городских условиях ему хватит этих денег недели на две, на три – если экономить.

Оставалось последнее – плюнуть на все, взять этюдник, кисти, краски, и уехать на пленэр. В какой-нибудь Богом забытой деревушке можно месяц-другой продержаться и с теми деньгами, что у него остались. А там еще есть и подножный корм, благо сейчас середина лета и на огородах полно овощей, в садах начали созревать разнообразные фрукты, а в лесу столько ягод и грибов, что хоть косою коси.

«Все, решено, еду!» И, не откладывая исполнения спонтанного решения в долгий ящик – чтобы не передумать, Олег начал собираться в дорогу...

Электричка была переполнена. Олега сильно помяли, пока он не залез в вагон. Хорошо, что ему помог какой-то малый с круглой лунообразной физиономией и жиденькими усиками, из-за которых он сильно смахивал на кота.

Доброхот вскричал «Поднатужимся, граждане!» и сильным толчком в спину вогнал Олега в дверь вагона как пробку в узкое горлышко бутылки.

Устроившись возле окна, Олег с интересом наблюдал за пейзажами, пробегающими мимо электрички. Его душа вдруг наполнилась тихой радостью и предвкушением необычных приключений.

Олег всегда любил поездки на пленэр. Он мог подолгу – часами – рисовать какой-нибудь чахлый кустик, добиваясь полного сходства. Для него природа была живым организмом, который умел разговаривать. Временами ему казалось, что он понимает ее язык.

Это чудесное слияние с природой случалось нечасто; в такие минуты Олег замирал, стараясь даже не дышать, и буквально впитывал кожей мелодичные голоса деревьев, цветов, разнотравья... Он чувствовал себя крохотной частичкой мироздания, гармонично встроенной в какой-то сложный механизм.

И потом его долго переполняла радость и невероятная энергия, рвущаяся наружу с неистовой силой...

Он доехал до конечной остановки. У Олега не было никаких планов; он просто плыл по течению и ждал, куда его вынесет речная волна.

Станция была крохотной и провинциальной – дальше некуда. Возле нее паслись две козы, а на перроне, посыпанном крупным речным песком, сидела дворняжка, посматривая на Олега умными и доброжелательными глазами. Она даже язык высунула, изображая приветственную улыбку.

Кроме него, в этот конец света приехали всего несколько человек. Они тут же рассосались,

разбрелись по тропинкам, уходящим вглубь лесного массива. Наверное, где-то там были деревушки или дачи.

Олег никогда здесь не бывал и не знал этих мест. Немного поколебавшись, он подошел к крепко сбитой тетке в форменной одежде железнодорожника и сказал:

– Добрый день!

– Добрый, добрый... – ответила тетка, не поднимая головы и не переставая махать метлой.

Олег невольно удивился – перрон блистал чистотой и ухоженностью. Где она видит мусор?

– Не подскажете, как пройти в ближайшую деревню? – спросил Олег, при этом чувствуя, что вопрос звучит как-то по-дурацки.

Шорк, шорк, шорк... ш-ш-шр... Метла остановилась, словно затормозила. Тетка подняла на Олега большие коровьи глаза и уточнила:

– В Мелентеевку?

– Ну... в общем, да, – не очень уверенно подтвердил Олег.

– Это нужно идти вон туда, – указала тетка. – Пройдете километра два, а потом возле старой сосны – у нее молнией сшибло верхушку – повернете направо. Там уже недалеко.

– Извините... еще один вопрос... – Олег замялся. – Я смогу там снять квартиру месяца на два?

– В Мелентеевке вряд ли, – уверенно ответила тетка.

– Почему?

– Там почти все избы выкупили городские – под дачи. Квартирантов они не пускают.

– Тогда где?... – Олег растерялся.

– Может, в Башеево... – Тетка с глубокомысленным видом хлопала длинными ресницами.

– Ты ить, Танюха, не смушшай парня, – неожиданно раздался из-за спины Олега мужской голос.

Олег невольно вздрогнул, отступил в сторону, и обернулся. Перед ним стоял мужичок с ноготок – весь какой-то взлохмаченный, с рыжей неухоженной бороденкой и веселыми голубыми глазами; ну вылитый леший.

Несмотря на теплынь, он был в ватной безрукавке и пимах. На голове «лешего» красовалась летняя шляпа – вся в мелких круглых дырочках. Она была нелепого розового цвета, мятая и грязная. Из-под шляпы выбивались клочья нечесаных рыжих волос.

– А, это ты, Беляй... – Тетка, как показалось, Олегу, смутилась и стушеввалась.

– Мы, Таньча, мы, – ответил «леший», именуя себя как царственную персону – в множественном числе. – Жилье ищешь? – спросил он, окидывая Олега с ног до головы цепким взглядом.

– Да. На пару месяцев.

– С удобствами? – хитро сощурился Беляй.

– Без разницы.

– Хе-хе... Свойский парень. Пойдешь ко мне?

– Пойду. Куда?

Краем глаза Олег заметил, что тетка порывается вступить в разговор, даже губами беззвучно шевелит, но какая-то неведомая сила, казалось, держит ее за язык.

– Тут недалече... – отмахнулся Беляй. – Всего ничего...

– Сколько?...

– Сговоримси. Я не жадный, много не возьму. Энто что, все твои вещи?

– Я ведь не беженец, а всего лишь дачник.

– Хе-хе... Умные слова и, главное, вовремя сказанные. Что ж, потопали, мил человек...

«Леший» взял спортивную сумку Олега, в которой лежала одежда и прочие вещи художника, и пошел за угол станционного здания, похожего на обычную деревенскую избу, только сложенную с кирпича. Олег, поправив на плече ремень тяжелого этюдника, поспешил вслед за ним.

За углом его ждала приятная неожиданность. Там находилась коновязь, возле которой стоял, запряженный в двуколку, конь потрясающей масти: голова, шея и живот – золотистая охра; круп, хвост и грива – охра красная; а ноги – в белых «чулках».

Надо же, подумал Олег с веселым изумлением – хозяин рыжий и конь как подсолнух.

– Ваше благородие, экипаж подан! – Улыбающийся Беляй сделал широкий жест и, несмотря на преклонные годы, бодро запрыгнул на подножку двуколки. – Устраивайси. Не сумлевайся, сильно трясти не будет. Я наведни рессоры поставил новые. Правда, Тишка содрал с меня не по-божески... ну да ладно, у него большое семейство. Тишка – энто кузнец, – объяснил он Олегу, отвязывая вожжи от перекладины на передке. – Живет в Башеево. Большой мастер. Ероплан сварганил. Да, точно, вот те крест. Промежду прочим, уже второй. Первый утопил в болоте. Летел, летел, а потом мотор дыр-дыр-дыр – и бултых в топь. Думали, амба Тишке. Ан, нет, выполз ить как-то. Знать, его Дедко пожалел.

– Кто такой Дедко?

– Хе-хе... Узнаешь... опосля. Не все сразу. Но, пошел, залетный! – с силой дернул он за вожжи.

Одр недовольно фыркнул и с вызывающей неторопливостью поплелся по едва приметной грунтовой дороге, которая вводила в лес.

Откуда-то издали послышался шум движущегося железнодорожного состава. Над станцией закружило, закаркало воронье, но двуколка все больше и больше углублялась в заросли, и вскоре все посторонние звуки растворились в густой зеленой листве лесного разлива.

Глава 3

Лесная деревенька, куда привез «леший» Олега, издали показалась художнику сусальной

картинкой. Десятка полтора бревенчатых изб, беспорядочно разбросанных по пригорку с плоской вершиной, были одеты в разноцветные деревянные кружева и казались на светлом праздничном фоне берез девичьим фольклорным хороводом, наряженным в народные одежды.

– Энто Макарка старается, – снисходительно объяснил Беляй. – Как пошел на пенсию, так и начал дурью маяться. Целыми днями строгают, пилит, режет... и все бесплатно. Чудак человек. Но чичас он в городе, сын позвал. Думаю, скоро вернется.

– Красиво... – У Олега даже руки зачесались; ему захотелось немедленно привинтить к этюднику ножки и взяться за кисть.

– Чего?

– Красиво, говорю. Как в сказке.

– Хе-хе... Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, – щегольнул Беляй своим знанием песенной классики. – Ты, паря, ишшо не видел настоящей лепоты, – добавил он загадочно.

Желтопуз (так звали коня) при виде деревеньки радостно заржал и прибавил ходу. Несмотря на хваленые рессоры от Тишки, двуколка прыгала по дороге, словно горный козел.

Собственно говоря, дороги, как таковой, и не было. Двуколка ехала по неширокой просеке, на которой лишь редкие проплешины да примятая трава указывали ее предназначение. Скорость езды была равна скорости человеческого хода, но Олег не роптал – спешить ему было некуда.

Просеку окружали высокие деревья и густой мрачный подлесок, и Олегу всю дорогу казалось, что за ними наблюдают. То чья-то тень мелькнет среди молодых сосенок, то хрустнет ветка под неосторожными шагами, а то и послышится совсем рядом, за кустиками на обочине, хриплое дыхание.

Олег встревожено косился на своего кучера, но тот с безмятежным видом балаболил, не переставая, совершенно не обращая внимания ни на разные звуки в лесу, ни на дорогу. Он даже вожжи не держал в руках, а привязал к передку без натяга. Видимо, Беляй надеялся на Желтопуза.

Конь и впрямь, как показалось Олегу, вполне осмысленно объезжал кочки, коряги и даже однажды свернул без понукания на другую просеку, ответвление от главной дороги. Наверное, одр запрограммирован, работает на автомате, весело подумал Олег, постепенно обретая душевное равновесие, благо их «экипаж» покатыл по редколесью, почти сплошь покрытому цветочными коврами.

– ... Гришь, художник? Ц-ц-ц... – поцокал языком Беляй. – Эко диво... Окромя Макарки, с художниками мне не приходилось знаться. То-то я вижу, что ты какой-то чудной.

– Почему чудной?

– Хе-хе... Оно ить не каждому дано унурь человека заглянуть. А вот мы можем. – Беляй снова повеличал себя по-царски.

– И что же вы увидели у меня внутри?

– Много чего... – многозначительно ответил Беляй. – Но, скотина! – прикрикнул он на Желтопуза, но конь даже ухом не повел, ступал все так же размеренно и с ленцой. – Ей-ей, сдам его на живодерню. Куплю у Михайлы кобылку, давно присматриваюсь. Борзая. Потому как ей всего пять годков.

– А все-таки, как я вам глянулся? – не отставал Олег. – Или это тайна?

– Вся жизнь человеческая – великая тайна, – философски ответил Беляй и продолжил уклончиво: – Ежели хочешь прознать свою судьбу, сходи к Ожеге. Она тебе все расскажет. Что надо и что не надо.

– Кто такая Ожега?

– Бабка. Живет на болоте. Старая.

– Она что, колдунья? – высказал догадку Олег.

Беляй посмотрел на художника с укоризной и сдержанно молвил:

– Во-первых, не колдунья, а ведунья. А во-вторых, она знахарка, всех лечит. Раньше и роды принимала, но нынче ить в деревнях одни старики да старухи остались. Рожать некому. Мамку мою Ожега тоже пользовала, когда я на свет появился.

У Олега от удивления отвисла челюсть – это же сколько знахарке лет?! Конечно, с виду Беляй выглядел моложаво, но многочисленные занятия с натурщиками выработали у Олега умение определять истинный возраст человека по неким критериям, незаметным неопытному глазу.

По всему выходило, что Беляй уже одолел семидесятилетний рубеж, притом давно, а это значило, что бабке Ожеге было никак не меньше ста лет. Ничего себе!

Олег хотел еще поспрашивать про знахарку, но тут Беляй решительно перевел разговор в иное русло, и художнику пришлось смириться с ролью благодарного слушателя, в уши которого с шелестом густо посыпались деревенские новости.

В конечном итоге Олег совсем запутался в именах (на удивление, многие из них были старославянскими; может, в деревне живут староверы? – мелькнула мысль) и ворохе событий, самым свежим и значимым из которых было рождение двухголового котенка.

– ... Страсти какие! Ожега забрала его себе. Наверное, утопила. Точно конец света будет. И птички уж не так поют, и комаров меньше стало. Людям бы покаяться, ан, нет, все грешат, грешат...

– Может, Господь так и задумал? – встрял Олег в бесконечный монолог «лешего». – Иначе жизнь на земле была бы совсем пресной. А так кого-то зарежут, кто-то уворует у ближнего, кто-то чужую жену сманит... Все живое развивается в движении.

– Вот! – Беляй с многозначительным видом поднял вверх указательный палец. – Этим все сказано. Ежели так думает человек образованный, то что тогда спрашивать с неучей? Едрит твою в корень! – вдруг закричал он страшным голосом, хватаясь за вожжи. – Куды прешь, аспид облоухий[9]?! Опять за старое?

Желтопуз, недовольный таким не толерантным отношением к своей костистой персоне, недовольно фыркнул, мотнул головой, пытаясь свернуть на совсем уж неприметную дорогу, но Беляй неумолимо направил его на прежний путь.

– Колхозную конюшню хотел навестить, – объяснил Беляй художнику. – Вырос он там. Когда колхоз приказал долго помнить о себе, скотину свезли на убой, а мне вот... продали его. По большой просьбе... Никак не может забыть старую дорогу. Так и норовит свозить меня на скотный двор. А там ить уже стоят лишь одни столбы. Все прахом пошло...

В деревне не было ни тропинок, ни дороги. Был лишь достаточно широкий проход между

избами, заросший спорышом, который с большой натяжкой можно было назвать центральной улицей. Заборов тоже не наблюдалось.

На крыльце крайней избы сидела старуха и дремала, положив подбородок на сухонькие кулачки, по выгону беспечно бродили куры, выискивая разную мелкую живность, на солнышке вальяжно развалилась свинья, подставив сосцы пороссятам, в небе кувыркались серые голуби – видимо, дикие, лесные, а возле колодца с «журавлем» стоял козел и пил воду из желоба.

Картина была абсолютно патриархальной.

– Тпр-ру!

Желтопуз остановился возле коновязи – почерневшего от времени столба высотой около метра с вбитой в него металлической скобой. Что это именно коновязь, можно было понять по лошадиному помету и остаткам свежескошенной травы в яслях.

– Вот здеси мы и будем квартировать, – сказал Беляй, указывая на избу с коновязью. – Тута мы и живем.

Олег посмотрел на избу – и у него глаза от удивления полезли на лоб. Казалось, что она сошла с исторических картин про Древнюю Русь. От ее архитектуры просто веяло ветхозаветной стариной.

Мало того, посреди деревеньки стоял самый настоящий языческий идол, представляющий собой толстый окоренный столб, вкопанный в землю и обложенный для устойчивости булыжниками, в верхней части которого было грубо вырезано человеческое лицо.

Под столбом лежал большой плоский камень с углублением посредине, и Олег невольно подумал, что это, похоже, языческий алтарь, на котором совершаются жертвоприношения.

Заметив удивление Олега, «леший» с почтением сказал, кивнув в сторону идола:

– Дедко...

Олега так и подмывало удариться в расспросы, но он сдержал этот порыв. Художник знал, что последние десять – пятнадцать лет в российской глубинке начали организовываться общины язычников; скорее всего, от безысходности и скудности жизни, а также от предчувствия страшных потрясений, возможно даже конца света.

Эти люди не были сектантами. Они всего лишь пытались вернуться к истокам, чтобы жить простой небогатой жизнью, довольствуясь малым, в согласии с природой и своим внутренним миром, и достойно умереть – как подобает человеку, а не греховному стяжателю, бездушному цинику без рода-племени, взлелеянному так называемой цивилизацией.

Высокое крыльцо было резным, теремного типа, и Олег с каким-то странным наслаждением погладил тщательно отполированные завитушки. Ему вдруг показалось, что он не в гостях, а возвратился домой. Это чувство не оставило его даже тогда, когда Беляй завел Олега в горницу.

Художнику не раз приходилось квартировать в сельских домах. Изба Беляя была и похожа на деревенскую, и в то же время отличалась; хотя бы тем, что под потолком не висела электрическая лампочка.

Но на этом отличия не заканчивались. Во-первых, в «красном» углу Олег не увидел икон, которые после краха коммунистической идеи вернулись на прежнее место, во-вторых, на полу лежал не фабричный ковер, а полосатые домотканые дорожки, и в-третьих, в горнице

находилась самая настоящая русская печь с просторной загнеткой, обложенная явно не современными изразцами.

На стене висели ходики с кукушкой, которые тикали чересчур медленно, как показалось Олегу. А над полатами был прибит коврик с вечными сюжетом: лебеди, пруд как блюдце и тоскующая дама на скамейке, которая уже много лет решает очень важную житейскую проблему – утопиться от неразделенной любви сразу или все же повременить (вдруг найдется какой-нибудь бравый гусар, способный исцелить ее страдающую душу, а заодно и пышное тело).

– Располагайся... тама, – сказал «леший», указав на низкую дверь слева от входа.

Пригнувшись, чтобы не стукнуться лбом, Олег зашел в миниатюрную комнатку с одним оконцем. Ее меблировка была воистину спартанской: стол, скамейка и полати. Но дух в спальне стоял потрясающий – пряный, ароматный, будто в нее втащили стог сена. Его источник Олег углядел, когда глаза привыкли к полумраку – одна из стен была увешана связками сухих трав.

– Не помешают? – спросил Беляй, указав на травы.

– Нет, нет! Скорее, наоборот... очень даже приятно.

– Хе-хе... Под травками лучше спится. Проверено. Счас постелю принесу...

И Беляй вышел из комнаты.

Олег поставил свои вещи в угол и полез во внутренний карман куртки за портмоне – чтобы дать хозяину задаток. По дороге художник снова завел разговор об оплате за проживание, но Беляй решительно отмахнулся: «Разве в деньгах дело? Был бы человек хороший...»

Карман был закрыт на «молнию». Она немного заедала, поэтому Олег открывал ее осторожно, буквально по миллиметру.

Засунув наконец руку в карман, Олег обомлел – портмоне с деньгами и документами исчезло! Не веря своим ощущениям, художник снял куртку и посмотрел на нее с изнанки. Посмотрел – и сел на скамью, потому что ноги не держали.

Подкладка в районе кармана была разрезана каким-то очень острым инструментом. Похоже, здесь поработал весьма квалифицированный вор-карманник. И Олег тут же вспомнил круглолицего малого с дрянными усишками, которые казались приклеенными к его блудливой физиономии.

Экая сволочь! Скорее всего, вор взрезал карман и умыкнул портмоне, когда «помогал» Олегу забраться в вагон электрички. Вот гад! Ворюга проклятый! Убивать таких мало!

Переполненный мстительными чувствами, Олег швырнул куртку, словно она была в чем-то виновата, на пол. Ему даже захотелось потоптаться по ней ногами.

Немного остыв, Олег открыл этюдник. Он был запасливым человеком, несмотря на свою свободную и где-то даже легкомысленную профессию.

В этюднике, под куском тонкой холстины, лежал изрядно пожелтевший конверт из плотного картона, герметично запаянный в полиэтилен. В нем хранился НЗ художника – сто долларов десятками; к нему он не прикасался никогда, даже в самые голодные дни. А также членский билет Союза художников с его фотографией и соответствующими подписями и печатью.

Так что по части удостоверения личности у Олега все было в порядке.

Но касается денег... Художник очень сомневался, что такого скудного количества американской «зелени» будет достаточно, чтобы прожить и прокормиться пусть даже в этой деревенской глуши хотя бы месяц.

Да, это была проблема...

– Вот... – Беляй бросил на полати медвежью шкуру. – Это твоя постелья.

– Круто, – хмуро сказал Олег.

– Э-эй, ты чего? Не нравится? – обеспокоился Беляй, сразу подметив, как изменилось настроение его будущего квартиранта. – Что ты, мил человек! На шкуре «хозяина» самый сон. Его осенью на рогатину посадили, когда он в берлогу намеревался залечь. Не шерсть, а пух, густой и мягкий. Будешь поживать как у мамки за пазухой.

– Нет, по этой части все нормально.

– Тогда, что же так тебя встревожило?

– Деньги у меня украли. Остались копейки.

– Всего-то? – Беляй рассмеялся. – Хе-хе... Эка беда. Поживешь в долг. Как-нибудь потом отдашь. Я, можа, всю свою жизнь мечтал познакомиться с настоящим художником. А места у нас тут красивые, сам бы намалевал, да руки не из того места выросли.

– Но ведь еще и кормиться нужно.

– Ну, харчишек мы добудем, на этот счет не сумлевайся, – уверенно заявил Беляй. – У меня есть мешок муки в заначке, мед – намедни две борти откачал, крупица... проживем.

– Все равно как-то неудобно...

– Мил человек, неудобно портки через голову надевать. Коли приглашают от чистого сердца, грех отказываться. А мне тем более Дедко не простит, ежели я тебя обратно спроважу. Ты устраивайси, устраивайси, а я тут немного пошебуршу по сусекам, ужинать будем. Солнце вона где, к лесу упало...

Умывшись с дороги в деревянной бадье ледяной колодезной водой, Олег сел за стол, который к тому времени сноровисто накрыл Беляй.

Еда была простой, но сытной: коврига пшеничного хлеба, сельское масло со «слезой» в глубокой керамической миске – ставце, как назвал ее Беляй, соленые грузди, жареная рыба (кажись, караси), мед в плошке, перья зеленого лука и какая-то темная жидкость в расписной братине. Что она собой представляет, гостеприимный хозяин объяснил сразу, разливая ее по пузатым стеклянным бокальчикам:

– С устатку тока медовуха[10] помогает. Чистый огонь. Да ты пей, пей, все во здравие. Такой в городе не угостят.

Олег с благодарностью выпил. «Леший» не соврал – огненный клубок прокатился по горлу и мягко упал в пустой желудок, оставив после себя запах меда и трав. Только сейчас художник почувствовал, что он зверски проголодался.

Вместе с Беляем они подмели стол почти дочиста. Правда, хозяину пришлось несколько раз сгонять в погребок с пустой братиной, потому что Олега неожиданно обуяла безумная жажда. Он хотел упиться до положения риз, чтобы забыться мертвецким сном – обычно на новом месте первый день ему не спалось.

Олег уснул, едва голова коснулась постели. И, как ему показалось, почти мгновенно проснулся.

Спаленка была освещена ярким лунным светом – наступило полнолуние. Олег посмотрел на светящийся циферблат своих наручных часов – половина третьего. Как ни странно, но сна не было ни в одном глазу, словно на дворе уже занялась утренняя заря.

Что-то его обеспокоило. Однако что именно, Олег не мог понять. Он сел и потянулся за сигаретами.

Однако тут же отдернул руку – кажись, Беляй не курит. По крайней мере, дорогой он ни разу не смолил сигарку, в отличие от Олега (правда, и художник выкурил не более трех-четырёх сигарет – больше наслаждался живописными видами и чистым лесным воздухом). А запах дыма для некурящего человека, да еще в ограниченном пространстве, был не только неприятным, но еще и ядовитым.

Олег снова перевел взгляд на окно – и от неожиданности резко подался назад. В окне, как в портретной раме, нарисовалась голова человека. Его длинные седые волосы светились в лунном сиянии голубоватым светом, словно это был нимб, а огромные глаза пылали как уголья.

Чувствуя, что от страха у него отнялись конечности, Олег все-таки сумел неимоверным усилием воли поднять правую руку и перекреститься. Лицо за окном начало таять, словно воск, а затем и вовсе исчезло, будто его и не было.

Как Олег не прислушивался, шагов он так и не услышал...

Только спустя полчаса, собрав в кулак все свое мужество, художник взял сигареты, зажигалку и вышел во двор. Беляй спал в горнице и храпел так, что стекла в окнах дрожали. Ему все было нипочем. Наверное, «лешего» мог бы разбудить только выстрел над ухом.

В деревне царила тишина, только где-то далеко лениво брехал пес (возможно, в соседней деревне; или бродячий): гавкнет пару раз – умолкнет – прислушается, затем еще... и еще. Подворье Беляя купалось в лунном свете, и казалось совершенно пустынным, как Земля в первые дни творения, когда Бог еще не создал никакой живности. Не было даже ветра, потому не шевелилась ни одна ветка.

Внимательно осмотревшись, Олег, пугливо оглядываясь по сторонам, прошел к нужнику (деревянной будке позади избы) и справил малую нужду.

Нужно отметить, что не будь у него страстного желания сходить в туалет, художника не выманили бы из избы никакими коврижками. Но страшный лик в окне подействовал на него как первостатейное мочегонное.

Вернувшись к крыльцу, немного успокоенный Олег сел на ступеньку и закурил. Ночная сырость охладила разгоряченную голову и избавила от дрожи в руках. Что это было? – думал Олег. Или мне привиделось? Может, после медовухи Беляя меня пробила шиза?

Так он и просидел на крыльце до самого рассвета, – сна не было ни в одном глазу – безуспешно пытаясь разобраться в своих мыслях и ощущениях. В конечном итоге тишина и спокойствие вкупе с ароматными запахами разнотравья внесли в его смятенную душу спокойствие и вернули атеистический взгляд на окружающий мир.

Все это мне привиделось, решил Олег, и на том заключил перемирие между мистическим состоянием духа и прагматическим складом ума.

Беляй стоял на крыльце, смачно зевал и потягивался. Когда «леший» проснулся, Олег уже делал зарядку. Обычно дома он этим делом занимался от случая к случаю; в основном после просмотра какой-нибудь телепередачи на физкультурно-образовательную тему.

Но его спортивный пыл быстро угасал, причем под свою лень Олег всегда подводил фундаментальную теоретическую базу. Летом он не делал зарядку потому, что с утра уже стояла жара (а в такие дни перенапряжение вредно для организма), осенью дождало (не будешь же шлепать по лужам), зимой мешал мороз, а весной – недостаток витаминов...

Короче говоря, умный человек всегда найдет отговорку, к которой не прикопаешься, чтобы не заниматься тем, чем не хочется.

И тем не менее, организм Олега работал как швейцарские часы – без сбоев, да и на силушку он не жаловался. Наверное, физическое здоровье ему передалось от деда-художника, который умер в столетнем возрасте и не от старческой немощи, а по зловредности (как многие считали) своего характера.

Когда пришел демонстративно назначенный дедом последний день его земного бытия (это было ближе к десяти вечера), он принял душ, переоделся во все новое, со всеми попрощался и закрылся в своей мастерской. Домочадцы решили, что это очередная блажь старика и не придали его поступку особого значения.

И только утром следующего дня все вдруг, как по команде, спохватились, забегали, заохали, запричитали... А когда вскрыли дверь мастерской, то увидели, что дед лежит на кушетке, застеленной белой простыней, и держит в сложенных на груди руках кипарисовый крестик, который он давным-давно привез из Иерусалима.

Однако юного Олега почему-то поразило даже не то, что дед умер. Несмотря на свои малые годы, мальчик понимал, что смерть – это естественное явление. И она не страшнее тех кошмаров, которые часто ему снились по ночам. По крайней мере, тогда так ему казалось.

У ног деда-художника, между двумя оплывшими и потухшими свечами, стоял его автопортрет, написанный им много лет назад; отец говорил, что в аккурат перед поездкой на Святую землю. Дед никому и никогда не показывал его и хранил в шкафу, который всегда был заперт.

Но разве можно что-то утаить от детского любопытства? Конечно же, Олег подобрал ключ – он был совсем уж примитивным – и однажды ревизовал заветный шкаф.

Портрет ему не понравился (а в живописи, несмотря на малые годы, он уже мог разбираться достаточно профессионально). Дед нарисовал себя в костюме средневекового шута, но его лицо получилось каким-то злым и недобрым. В особенности не понравились Олегу глаза.

Они доставали до самого дна его юной души, поэтому мальчик в каком-то непонятном испуге поторопился захлопнуть дверку шкафа и больше не делал попыток открыть его.

Но самое загадочное событие случилось после похорон деда. Когда закончились мрачные хлопоты, улеглись страсти, и в квартире началась уборка, оказалось, что автопортрет деда исчез. Он буквально испарился. Все были в недоумении – как такое могло случиться? Ведь квартира была заперта, когда деда провожали в последний путь.

Воры тоже не могли этого сделать, потому что после деда осталась целая галерея его работ, а также несколько полотен фламандских живописцев XVII-XVIII веков, имеющих большую

ценность. Но все было на месте. Даже деньги, которые лежали в шкатулке на секретере.

И тем не менее, автопортрет деда так и не нашли...

Уже в детские годы Олег обнаружил большие художественные способности и марал бумагу с утра до вечера, иногда забывая даже про еду. Этим он почему-то вызывал недовольство деда, который считал, что мальчику вполне достаточно школьных уроков рисования.

Но никакие запреты не помогали, и тогда дед резко поменял свое отношение к таланту внука и начал учить его всему тому, что знал сам и что нужно знать настоящему художнику.

Для любого мальчика его лет нудные лекции деда-художника по перспективе, светотени и так далее были бы сущим наказанием, но Олег оказался слеплен из другого теста. Он впитывал знания, как губка.

Спустя три года после начала обучения Олег знал десятки видов грунта для холста, вплоть до составов, которые использовали художники эпохи Возрождения, прекрасно разбирался в красках, маслах и лаках для живописи, притом не в теории, а на практике, мог работать углем, пастелью, сангиной, пробовал свои силы в энкаустике и фреске.

Когда пришла пора поступать в Академию художеств, Олег уже имел достаточно фундаментальные теоретические знания по всем разделам программы, которую проходили на факультете живописи. Что касается практики, то его конкурсные работы были признаны лучшими.

– Хе-хе... Городские... – Беляй наблюдал за Олегом с ехидной усмешкой. – Ничего, день по нашим болотам промаешься, энта дурь сразу из головы выскочит.

– Почему дурь? Это гимнастика. Чтобы тело и душа были молоды... – ввернул художник слова бодрой песни, надеясь на память Беляя – как рассказывал дед, в свое время этот советский шлягер крутили по радио почти каждый день.

– Оно конечно... – Беляй неопределенно пошевелил пальцами. – Вам, молодым, видней. А как по мне, так лучше сегодня сходить на рыбалку. Думаю, что погода не подкачает... – Он с глубокомысленным видом уставился на небо. – Ушицу смашную[11] сварганим... Ты как на это смотришь?

– Положительно! – обрадовано воскликнул Олег.

Предложение Беляя и впрямь пришлось кстати. После ночных бдений, инспирированных загадочным видением, творческий порыв угас, и требовалось некоторое время, чтобы к художнику возвратилось вдохновение для написания этюдов.

– Вот и ладушки. Будем собираться...

В избе Олег отсчитал восемьдесят долларов (двадцать он оставил на обратную дорогу) и вручил их Беляю со словами:

– Вот... на продукты.

Рассмотрев, что дал ему постоялец, Беляй с отвращением бросил доллары на лавку.

– Прости, паря, но я не возьму. Оставь эти гумажки себе. А еще лучше, утопи их в болоте.

– Почему?!

– Это дьявольское искушение. К ним нельзя даже прикасаться. Не оскверняй себя.

– И все равно я ничего не понимаю...

– Мои объяснения покажутся тебе смешными и глупыми... – Олег впервые увидел Беляя таким серьезным и сосредоточенным. – Поэтому я лучше промолчу. Уж извини... Когда-нибудь сам поймешь.

С этими словами он решительно вышел в подклеть и стал там шебаршиться, разыскивая рыболовные снасти. Художник поднял доллары со скамьи, и некоторое время рассматривал их с тупым недоумением.

Деньги как деньги... Не лучше и не хуже других. Наверное, Беляй наслушался разных глупостей по поводу Америки, которую как только не клеймят ура-патриоты разных мастей и оттенков, решил Олег.

Что ж, придется съездить на станцию и там поменять баксы на рубли, подумал художник. На том и успокоился.

А спустя полчаса художник и Беляй уже подходили к небольшому озерку, обрамленному удивительно красивыми соснами. Они выстроились над зеркальной озерной гладью как часовые, и их четкие отражения в удивительно чистой, прозрачной и спокойной воде казались окном в другой, параллельный, мир.

– Тута мы и расположимси, – с удовлетворением сказал Беляй и начал распаковывать выдавший виды рюкзак.

На удивление – ведь рыба лучше всего ловится на зорьке, а время близилось к обеду, – клев был просто отменным. Они едва успевали вытаскивать пойманную рыбу. Но промежуток фантастической удачливости закончился быстро – часа через два рыба клевать перестала.

К тому времени оба садка были почти полными, но Олег, охваченный неистовым азартом, готов был удить хоть до вечера. Еще бы – ему никогда не приходилось быть таким добычливым. Самой большой его рыболовной удачей были пять подлещиков. А тут рыбы... ого сколько!

– Живем, – с удовлетворением констатировал Беляй, разглядывая улов. – На неделю хватит. Ушицу сварим?

– Прямо здесь?

– Ну...

– Так ведь мы не взяли ни кастрюлю, ни котелок.

– Обижаешь... хе-хе... – Беляй полез в кусты и возвратился с чугунным котелком размером с добрый казан. – Во, в самый раз.

– Да уж... – с почтением сказал Олег, чувствуя, как от голода засосало под ложечкой.

Утром, по обоюдному согласию, они попили только чаю с медом – есть совсем не хотелось.

Дрова были собраны в один миг, – этим занимался Олег; Беляй чистил и потрошил рыбу – и вскоре в котелке забулькало. У Олега даже слюнки потекли от аппетитных запахов.

– Котелок ваш? – спросил он у блаженствующего Беляя, который лежал на травке, с какой-то детской, ясной улыбкой глядя в небо.

– Нет, общий. Все им пользуются.

– Я думал, это ваше заветное озеро...

– Хе-хе... Это ты, паря, в точку. Озеро действительно заветное. Его сам Дедко охраняет. Тока оно не может принадлежать одному человеку.

У Олега даже язык во рту винтом завился, так ему захотелось еще раз задать вопрос, кто такой Дедко, но он героически сдержал этот спонтанный порыв и сказал совсем другое:

– Похоже, вы ярый противник частной собственности.

– Угадал. Бог дал человеку землю и взрастил на ней плоды для всех поровну. Разве это правильно, когда один человек владеет целым островом, а у другого даже клочка земли нету? Так низзя. Собственными у человека должны быть тока его ум и совесть. Все.

– А как насчет портков?

– Ежели у кого их нету, то не грех и поделиться. Али я не прав?

– Как вам сказать...

– Скажи, что думаешь. Это будет уважительно.

– Ну, во-первых, вы идеалист. Вам понятен смысл этого слова?

– В школах мы тоже обучались, – довольно туманно ответил Беляй.

– Хорошо. А во-вторых, чтобы кратко и доходчиво, – кроме Бога, существует еще кто-то. Вот он и толкает человека на разные предосудительные поступки. Как этому противиться? Я, например, не знаю.

– Хитро ты закрутил... Сразу видно – образованный человек. Мы так не можем. Но скажу тебе одно – толкает того, кто не сопротивляется. Что касается Бога, то энто песня, которая поется многие века, но на разные мотивы. – Беляй загадочно ухмыльнулся. – Ему больше подходит имя Творец всего сущего. Эй-эй! – вдруг всполошился он. – Следи за ухой! Она скоки пены. Сними...

Когда уха упарилась, как должно, Беляй, хитро ухмыляясь, достал фляжку и спросил:

– А как ты, паря, насчет ерофеича[12]? Или слабо?

– Наливайте, посмотрим, – вернул Олег улыбку своему собеседнику.

Уха была просто потрясающей. Наверное, потому, что Беляй, вместе с черным перцем и лавровым листом, положил в нее во время варки еще и какие-то корешки, а когда она сварилась, бросил в уху древесный уголек.

Когда с обедом было покончено, Олег пошел к озеру, чтобы умыться холодной водой – ерофеич и горячая уха вызвали обильное потоотделение. Нагнувшись, он зачерпнул воду ладонями, плеснул в лицо, затем хотел повторить это действие еще раз, но тут открыл глаза – и невольно вскрикнул.

На него, из темной озерной глубины, смотрело лицо давешнего седовласого старца! Олег отшатнулся назад, зацепился за корень и упал.

– Что стряслось? – встревожено спросил Беляй.

– Лицо... Там... – Мало что соображающий Олег ткнул указательным пальцем в сторону озера.

– Какое лицо?

– Мужик в годах. Седой, с длинными волосами. Глаза как фары... горят. Бр-р! Он и ночью мне привиделся...

Беляй мгновенно посерьезнел и подобрался.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи все по порядку, – попросил он, помогая Олегу подняться, что было весьма кстати – ноги художника стали ватными.

Олег сначала закурил, а потом рассказал о своем ночном приключении. Беляй внимательно, не перебивая, слушал. По его виду можно было сделать вывод, что рассказ Олега он воспринимает не как байку человека, хватившего с вечера лишку, а на полном серьезе.

– Да-а... – Беляй задумчиво покрутил головой. – Неспроста все это, ох, неспроста...

– О чем вы?

– Ладно, коли так вышло, скажу. Это сам Дедко к тебе приходил. А он редко кому кажется. Странно...

– В конце концов, кто такой Дедко?!

– А ты ишшо не понял?

– Что я должен был понять?!

– Не кричи, иначе вилы испугаются. Они почти всегда его сопровождает.

Что такое вилы, Олег знал. Так древние славяне называли русалок. Но какое отношение мифические девы имеют к вполне реальному старцу, который ночью ходил под окнами избы Беляя?

– Дедко – это леший? – попытался догадаться Олег.

И едва не стукнул себя кулаком по лбу. Дурья башка! Что ты болтаешь?! Какие могут быть лешие в двадцать первом веке? Да и вообще их никогда не было и нет. Это всего лишь сказки, народные поверья.

«Наверное, у меня крыша начала ехать, – подумал растерянный Олег. – Или это винишко у Беляя такое... с придурью. Может, он для пущего эффекта какой-нибудь наркоты туда подсыпал... или подлил. Например, макового молочка. А что, вполне возможно...»

– Нет, не леший, – спокойно ответил Беляй. – Лешие на болотах. Ладно уж, расскажу тебе эту быличку[13]. Дедко – хозяин здешних мест. Он хранитель кладов.

– Гы-гы... – Смех у Олега вышел совсем дурацкий. – Ну да, клады тут у вас прямо под ногами валяются. Только нагнись и бери.

– Напрасно смеешься, – строго сказал Беляй. – Тока в этом озере несметные сокровища утоплены.

– И кто же их утопил?

– Сказывают, что Наполен.

– Так ведь он не дошел до ваших мест!

– Ну, может, кто другой. Откуда я знаю. А что клады есть – это точно. Придем домой, я тебе кой-чего покажу. Для убеждения. Чтобы ты не подумал, будто я старый брехун...

Когда стали собираться в обратный путь, Беляй удивил Олега еще больше. Вместо того, чтобы вылить остатки ухи и помыть котелок, он оставил его на плоском камне возле костра. А рядом положил ложку, краюху хлеба и поставил рюмку, наполнив ее до краев ерофеичем.

– Пущай откушает, – ответил он на немой вопрос Олега. – Можя, смилостивится...

– Над кем?

– Над нами, грешными. – Тут Беляй остро взглянул на художника. – А в особенности, над тобой.

– Я что, меченый? Я никого не убил, ничего не украл, старался жить по совести...

– Кто знает, что у него в голове. Но зря людям Дедко не является. Да ты не хмурься! Дедко зла никому просто так не делает. Разве что тем, кто без его соизволения позарится на хранимые им сокровища. Но это совсем другое дело.

– Спасибо, утешили...

– Хе-хе...

Когда рюкзак был упакован, Беляй подошел к самой воде и оставил там на листке лопуха три кусочка сахара-рафинада.

– А это еще зачем? – спросил Олег.

– Всегда так делай, когда придешь к озеру, – назидательно ответил Беляй. – Это угощение для вил. Они сладкое любят.

– С ума сойти... – пробурчал художник, и, подхватив свой улов, пошел вдоль берега, держа курс на деревеньку.

Ему вдруг показалось, что все это происходит не с ним; или он сейчас спит в своей городской квартире и видит сон. Правда, сон этот весьма приятен, хотя и несколько странен, если не сказать больше.

Олег даже хотел себя ущипнуть, чтобы рассеять все свои подозрения и предположения, но тут же оставил эту затею – щипай во сне, сколько хочешь, все равно толку никакого. А с другой стороны его очень заинтересовал и Беляй, человек явно не простой, и Дедко, который на поверку вполне может оказаться местным юродивым, а в особенности рассказ старика о сокровищах, якобы спрятанных в окрестных лесах и на дне озера.

Вдруг все эти бредни – чистая правда? Поди знай...

Глава 5

Остаток дня Олег провел в трудах: наколот дров, несмотря на сопротивление Беляя («Вона сколько их, до зимы хватит...» – бубнил тот), наносил для хозяйственных нужд воды в бочку – колодец был на всю деревеньку один; художник насчитал триста двадцать шагов от него до избы – и отремонтировал крыльцо, заменив подгнившие перильца и одну ступеньку.

- А ты, я вижу, мастеровитый, – с удовлетворением сказал Беляй. – Будто и не городской.
- Это все воспоминания о студенческих годах, – весело ответил Олег. – Летом ездил на заработки. Бетон укладывал, дома строил... С деньгами было туговато.
- Да, в городе без денег не проживешь, – с глубокомысленным видом ответил Беляй. – Не то, что в деревне.
- Неужто крестьяне святым духом питаются?
- Зря шутишь... После войны никто больше червонца в руках не держал, а как-то выжили. В магазине только керосин, соль и спички покупали.
- Натуральное хозяйство... Ваша правда, в деревне деньги не так важны, как в городе. Но все же, все же... Раньше было так, теперь по-иному. Другие времена наступили. Без денег – никуда.
- Плохие времена.
- Почему?
- Народ измельчал.
- Я бы не сказал. Скорее, наоборот. Люди вверх тянутся.
- Не о росте молвлю. Люди душевно измельчали. Вон, сказывали на станции, что молодежь от армии бегают. Это как понимать? Родину в беде бросают, защищать ее не желают. Грабят, убивают... Да, и раньше мазурики водились, но их мало было. А нонче ежели много у народа украд, значит, большим человеком становишься, почет тебе и уважение, в депутаты выбирают, в министры... Разве это по правде?
- М-да... Вы правы. Что-то и впрямь неладно в датском королевстве...
- Я о России говорю.
- Это я к слову. Как по мне, так везде наступает общий раздрай. Что у нас, что в Европе, что в Америке. Человечество начало копать себе яму в ускоренном темпе.
- Насчет ямы нам неизвестно, – снова подал себя во множественном числе Беляй, – а вот воздух точно стал другим.
- Кто бы спорил... Заводы дымят, автомашин стало как саранчи, ракеты озоновый слой буравят...
- Ты опять меня не понял. И раньше печные трубы дымили, сажа летала. Но тогда воздух был пользительным, целебным, он лечил. А таперича стал каким-то чужим – густым и вязким. Полной грудью его не вдохнешь. Даже в наших краях.
- Не замечал, – честно признался Олег.
- Молод ишшо, – снисходительно улыбнулся Беляй.

Олег все порывался напомнить ему про обещание показать «кой-чего» – скорее всего, какую-то ценную вещицу, но что-то его сдерживало. А сам Беляй не торопился удовлетворить любопытство художника, словно дразнил Олега.

Рассказ о кладях, которые охраняет мифический Дедко, разбередили воображение впечатлительного художника, и он загорелся идеей найти хоть что-нибудь. Если, конечно,

Беляй не привирает.

Дело оставалось за малым – увидеть собственными глазами подтверждение рассказней Беляя...

После ужина Беляй вышел во двор, а когда вернулся, в руках у него был берестяной туесок с крышкой. Обычно с подобными коробами деревенские бабы ходят собирать лесные ягоды. Но у Беляя туесок служил шкатулкой.

Открыв с таинственным видом крышку туеска, Беляй достал из него какую-то вещицу и положил на стол перед Олегом.

– Мотри... – сказал он почему-то шепотом.

Олег едва не чертыхнулся – тоже мне сокровище! Перед ним лежала медная лабораторная ступка; в таких дореволюционные химики толкли различные минералы для своих исследований и опытов.

Ради приличия повертев ступку в руках (тяжелая!), Олег вернул ее Беляю со словами:

– Да... очень ценная вещь.

Скепсис Олега не прошел мимо ушей Беляя.

– Гляди зорчей, – сказал он настойчиво. – Вон, тама...

Олег присмотрелся. И увидел у основания ступки клеймо: три короны, виньетка и год – 1705.

– Старинная, – резюмировал он свои наблюдения. – Но к сокровищам эта ступка не имеет никакого отношения. Обычная медяшка. Ее можно разве что в антикварный магазин снести. Ей там самое место. Есть любители, которые собирают подобные вещицы. Но много за нее все равно не дадут.

– Экий ты... – Беляй сокрушенно махнул рукой.

«Наверное, хотел назвать меня болваном», – мысленно рассмеялся Олег. Похоже, старику медная ступка казалась чем-то вроде волшебной лампы Аладдина.

Беляй сердито схватил ступку со стола и вернул ее обратно в туесок. Когда его темная, будто обожженная на костре, рука вынырнула из глубины туеска, в ней что-то блеснуло.

– А что теперь скажешь? – Беляй победоносно улыбался щербатым ртом.

Монета, которую он передал Олегу, была золотым червонцем Петра I выпуска 1706 года. Она великолепно сохранилась – словно совсем недавно вышла из-под чекана. Видимо, червонец припрятали в виде клада сразу после того, как золотой кругляшек покинул монетный двор.

– Здорово! – Олег тер монету между пальцами, словно не веря в ее реальность. – Это раритет. Радуйтесь, вы богатый человек. За нее могут дать столько тугриков, что вам хватит еще на одну жизнь.

– А пошто мне вторая жизнь? Мне и одной вполне достаточно.

– Это... из озера?

– Хе-хе... Любопытный ты, паря. Поди, хошь немного поправить свои денежные дела?

– Я любопытный, а вы догадливый. Действительно, богатством я не страдаю. И если мне

упадет в руки что-то наподобие этого червонца, то отказываться не стану.

– В этом-то и вся беда... – Беляй поскущел, нахмурился. – Эх, люди-человеки... Все вам мало. Вот мне бы твой талант... я бы жил и радовался каждому дню. Быть отмеченным особым знаком свыше – это ли не клад? Смекай.

– Да уж... смекаю... – У Олега тоже испортилось настроение. – Вашими бы устами да мед пить. Жизнь гораздо сложнее неких моральных установок. Может, все ее искушения и происходят от нечистого, но больно уж они сладостны. Как устоять?

– Ежели внутри нет стержня – не устоишь. И то верно – праведником может быть не всякой. А касаясь богатства, так ить человек сам по себе великая ценность.

– Наверное. Спорить не буду. – Олег остро посмотрел на Беляя, немного поколебался, но все-таки высказал мысль, которая мучила его весь вечер: – Что-то я вас не пойму. С какой это стати вы так раскрываетесь перед незнакомым человеком? Рассказываете о кладах, показываете очень ценную монету... Вы не боитесь, что я могу вас ограбить?

– Хе-хе... Паря, я так долго живу, и так много видел в своей жизни, что мне уже ничего ить не страшно. Но ты прав, тут я допустил промашку... – Беляй, хитро улыбаясь, взял монету и пошел к выходу. – Пойдем, касатик...

Недоумевающий Олег потопал вслед за ним. Так гуськом они и подошли к деревенскому колодцу. Солнце уже спряталось за горизонт, но вечерние сумерки были ясны и прозрачны.

– Слушай, – сказал Беляй, поднял руку с червонцем над срубом... и разжал ладонь!

– Что вы делаете?! – вскричал Олег.

– Говорю тебе – слушай. И помолчи.

Насчет молчания Беляй мог бы художника и не предупреждать. Олега на какое-то время переклинило. Он лишь зевал широко открытым ртом, пораженный до глубины души поступком «лешего». Бросить воистину бесценную золотую монету в колодец!

Звук падения монеты почему-то запаздывал. Наконец внизу тихо булькнуло. Олег с недоумением посмотрел на Беляя. Старик был очень серьезен.

– Энто чтобы не смущать тебя, – предельно просто объяснил он свой поступок. – Человек ты порядочный, сразу видно, но блазнить неокрепшую душу – грех.

– Ваша монета – вам и решать, как с ней поступить, – сделав над собой усилие, ответил Олег. – Но почему она так долго падала? Колодец вроде не очень глубокий.

– А, заметил... Молодца. Сие есть великая тайна. Никто не ведает.

– Неужто не пытались разгадать? – машинально спросил Олег, который в этот момент думал: «Верить – не верить... Бред какой-то...»

– Почему не пытались? Пытались, а как же. Были такие смельчаки. Тока опосля первой же попытки слазать в колодец некоторые ума лишились, а особо удачливые – поседели. Так-то.

– Разве они ничего не рассказывали?

– Хе-хе... Эх, паря. Говорю же тебе – больными становились. Что может сказать слабый на голову?

– А другие – те, что стали всего лишь седыми?

– Они все позабыли. Чудеса...

– Но ведь колодец нужно время от времени чистить. Не так ли?

– Так.

– И что?

– Ничего. Энтот колодец чистить не нужно. Он бездонный. Как-то пытались измерить его глубину, веревки не хватило. На том и успокоились.

– И все же, кто-то ведь его копал.

– А как же, копали. Хе-хе...

– Кто и когда?

– Ну, насчет когда – никто не помнит. А вот кто... – Беляй нагнулся к Олегу и прошептал: – Бают, что сам Дедко...

– Бросьте! – рассердился Олег. – У вас, как только что, так сразу Дедко. Хорошая отговорка, на все случаи жизни. Все, пора на боковую. Я устал слушать ваши сказки.

Он круто развернулся и пошел к избе.

– Экий ты сердитый, паря, – раздалось позади.

И тут Олегу послышался чей-то смех. Казалось, что смеется какой-то великан: «Хо-о, хо-о, хо-о...»; обычно такие звуки издают в старых кузницах ручные меха, которыми раздувают горн. Смех раздавался как бы со всех сторон – будто были включены невидимые звуковые колонки очень мощной стереосистемы.

Олег резко тормознул и посмотрел на Беляя. Старик ответил ему удивленным взглядом.

– Вы слышали? – спросил Олег.

– Что я должен был слышать?

– Смех.

– Я не смеялся. Тебе почудилось.

– Нет, правда, – настаивал художник. – Я ведь не глухой. И не о вас речь. Смех был богатырским, на всю округу. Как можно было его не слышать?

Беляй многозначительно ухмыльнулся и ответил:

– Ну, не знаю, что тебе сказать... Ваше-то догадка лежит близко, но в Дедко ты не веришь, а другого объяснения у меня нетути.

Олег впился взглядом в безмятежную физиономию старика. И ему неожиданно показалось, что за внешней простотой и добротой посконной деревенщины скрывается другой человек – моложе, умнее и жестче.

Возможно, в этом наваждении сыграло роль освещение – глубокие сумерки сгладили морщины на лице Беляя и заставили молодо засветиться белки глаз, на которых днем были видны многочисленные прожилки кровеносных сосудов.

– Не верю! – отрезал Олег и начал подниматься на крыльцо.

После ночных бдений и всех дневных перипетий сон буквально валил его с ног. Едва добравшись до топчана, Олег рухнул на медвежью шкуру и уснул словно убитый.

Ему было совершенно безразлично, существуют в природе Дедко и его сокровища или нет. Он настолько умаялся, что в эту ночь даже сны обошли стороной его тяжелую голову.

Глава 6

Олег постарался проснуться пораньше – чтобы не встретиться с Беляем. Он все еще злился на старика, так как считал, что тот его обманывал. К надувательству можно причислить и трюк с монетой (похоже, старый прохиндей бросил в колодец камешек – это элементарный детский фокус), и когда раздались странные звуки, похожие на смех, а Беляй с невинным видом снова начал кивать на Дедку.

Именно похожие, в этом Олег уже не сомневался. Он вспомнил, как однажды в Карелии уже слышал нечто подобное, когда ездил туда на этюды – еще во время учебы в художественном институте. Местные жители объяснили этот феномен «дыханием» болота. Это когда из его глубин неожиданно поднимаются вверх большие пузыри болотного газа.

Прихватив с собой краюху хлеба, луковицу и несколько жареных рыбешек, Олег перекинул через плечо этюдник, достал из своей объемистой сумки раскладной стул, и потихоньку, чтобы не разбудить Бедея (старик, как и в первую ночь, спал крепким сном младенца, и, на удивление, даже не храпел), вышел во двор.

Утренняя заря занимал полнеба. Олег шел, любовался феерической красотой небесной сферы и по профессиональной привычке прикидывал, какие бы краски он употребил, чтобы написать картину рассвета: там немножко краплака, там пару мазков вермильона, а чуть ниже красный, оранжевый и желтый кадмии...

Засмотревшись на небеса, он едва не грохнулся, зацепившись за камень. Чертыхнувшись, Олег поправил на плече ремень этюдника и пошел вперед гораздо быстрее, не забывая смотреть под ноги. Он еще вчера наметил невысокий пригорок неподалеку от озера, откуда открывался прекрасный вид.

Там он и намеревался заняться тем делом, ради которого забрался в эту глушь...

Работа спорилась. Олег полностью отключился от окружающей действительности. Все его внимание было поглощено белыми грунтованными картонами, на которых он штамповал этюды как полиграфическая машина.

Олег всегда работал быстро. Особенно когда к нему приходило вдохновение (что, впрочем, случалось не так уж и часто). Тогда он становился просто одержимым и мог сидеть за станком или мольбертом сутки напролет, иногда забывая даже о еде.

Сегодня был именно такой момент. Красоты окрестных видов пьянили его как самое хмельное вино, кровь в жилах не бежала, а бурлила, кисть порхала над палитрой бабочкой-махаоном, роняя свою разноцветную пыльцу на картон, где расцветали цветы, вырастала трава, а деревья выходили такими натуральными, что казалось еще миг, и ветки заколышутся, затрепещут листьями под тихим верховым ветерком.

Неожиданно Олегу стало неуютно. Ему показалось, что спина покрылась инеем. Холод

моментально сковал его движения, и художник уронил кисть. Что это?!

Едва задав себе этот вопрос, Олег тут же нашел на него и ответ. Кто-то за ним наблюдал. И скорее всего, наблюдатель находился позади.

Олег был очень чувствителен к человеческим взглядам, особенно недобрым. Он чужал их кожей. Уже в детстве он узнал, что такой сглаз. Иногда ему ни с того, ни с сего, без видимых причин, становилось очень плохо, и только дед мог помочь мальчику, которого трясло как в лихорадке.

Он брал внука на руки, прижимал к груди, и долго что-то нашептывал. Постепенно Олег успокаивался, жар уходил, и он крепко засыпал, чтобы проснуться вполне здоровым, будто и не было таких странных проявлений.

И теперь Олег точно знал, что ему в затылок ввинтился чей-то взгляд. Добрый он или недобрый, художник пока определить не мог. Но что у наблюдателя была огромная внутренняя энергетика, в этом Олег мог бы поручиться, – в его кожу словно впились мириады ледяных иголок.

Он резко обернулся. И увидел, что немного поодаль, на едва приметной тропинке, вьющейся по пригорку между сосенок и камней, стоит старуха.

Ее морщинистое темное лицо казалось маской, но взгляд старухи – тяжелый, каменный – был жутковат. Внешне – даже старинной одеждой – она напоминала хрестоматийную Бабу-ягу, только без ступы и метлы.

В руках старуха держала лукошко. Одета она была в длинный сарафан; как показалось Олегу, из домотканого полотна, украшенного вышивкой. На голове у старухи красовалась кика – холщовая шапочка с твердой передней частью в виде лопатки. Она была украшена разноцветным бисером.

Взяв себя в руки, что оказалось непросто, Олег встал и сказал, стараясь быть вежливым:

– Здравствуйте, бабушка!

То ли старуха не услышала приветствие, то ли не захотела отвечать, но она еще какое-то время молча изучала лицо Олега, а затем повернулась и достаточно споро для ее возраста пошла по тропинке, которая вела в лощину, поросшую молодым дубняком.

И самое удивительное – едва начав спускаться в лощину, она вдруг исчезла, словно растворилась в воздухе. Ошеломленный Олег даже не поленился проверить, не упала ли старуха, оступившись на крутом склоне.

Однако тропинка в том месте шла полого и была достаточно широкой и удобной, чтобы не сверзиться вниз, где, между прочим, виднелись булыги и камни помельче. Наверное, их принес сюда ледник миллионы лет назад, так как скал или каменных выходов на поверхность в окрестностях не наблюдалось.

У Олега почему-то вмиг испортилось настроение. Ему показалось, что даже богатые краски окрестных пейзажей потускнели, будто их присыпали пеплом или пылью. Работать ему расхотелось, и он, собрав свои вещи, начал спускаться к озеру, где намеревался позавтракать (время уже близилось к обеду).

Он нашел место, где Беляй оставлял еду якобы для Дедки, и озадаченно огляделся по сторонам – на камне ничего не было. А куда же девался котелок?

Олег подошел к берегу и криво ухмыльнулся: надо же, и вилы подсуетились – сахар тоже

исчез. Но в этом случае не было никакой тайны; разгадка лежала, что называется, на поверхности. Вокруг листка лопуха на влажном иле виднелись многочисленные следы каких-то мелких зверушек.

Это могли быть и белки, и хорьки, и водяные крысы. Да мало ли разной живности таится в окрестных лесах.

Но вот котелок... Может, его медведь утащил? Представив мысленно такую картину, Олег снова рассмеялся – не чуди, брат, без гармошки. Косолапый мог лишь все вылакать, а сам котелок оставил бы на месте. Зачем он ему?

Упрямо тряхнув головой, Олег полез в те кусты, где шарил в поисках котелка Беляй. И конечно же, долго искать художнику не пришлось. Котелок, тщательно вымытый и даже вычищенный от копоти речным песком, лежал вверх дном (чтобы дождевая вода не скапливалась), прикрытый свежесрезанными ветками.

Надо же, какой умный медведь... Видимо из цирка сбежал.

Посмеиваясь, Олег расположился поудобней и развернул пакет с едой. Наверное, решил художник, кто-то из деревенских – менее суеверный, чем «леший» – проходил мимо и позаботился о чистоте и сохранности котелка. Он ведь находится в общем пользовании, судя по словам Беляя.

Плотно перекусив, Олег развел костер, чтобы вскипятить воду и попить чаю; доставая сигареты, он нашел в карманах своей походной куртки несколько пакетиков растворимого чая и две карамельки. Похоже, все это добро осталось от предыдущей поездки на пленэр.

Взяв котелок, Олег, весело насвистывая, подошел к озеру, снял легкие теннисные туфли и забрел в воду по колени. И остановился, как вкопанный.

Впереди, метрах в семи, из воды выглядывал камень. А подле него на дне лежала целая россыпь золотых монет! Точно таких, как тот червонец, что показывал Олегу Беляй!

Олег не мог поверить своим глазам. Все это выглядело настолько дико, нереально, фантастично, что художник каким-то чудом совладал с первым порывом – броситься к камню, чтобы достать монеты – и хрипло сказал, почти прокаркал: «Не верю... Не верю!»

Но видение не исчезло. Оно лишь на мгновение покрылось рябью – ветер наконец залетел и в котловину, на дне которой застыла водная гладь. Ранним утром по озеру то и дело расходились круги и слышались всплески – играла рыба, а сейчас поверхность воды напоминала огромное зеркало.

Тогда Олег сделал шаг, затем другой, третий... Ноги казались тяжеленными колодами, а сам он был словно робот, повинующийся командам извне. Чем ближе подходил художник к камню, тем сильнее сопротивлялся какой-то неведомой силе, которая буквально тащила его вперед.

Олег не понимал, что с ним творится. Еще совсем недавно он мечтал найти клад, чтобы поправить свое финансовое положение. И вот теперь, когда до золотых монет можно дотянуться рукой, его душа почему-то воспротивилась.

Он как бы раздвоился: одна его часть ликовала, предвкушая близкое обогащение, а вторая рвалась на берег, чтобы бежать от озера без оглядки.

Неимоверным усилием воли художник заставил себя остановиться в двух-трех шагах от камня. «Нет! Я этого не хочу!» – мысленно возопил он, пока не осознавая, что подразумевает под словом «этого».

Ему показалось, что он находится внутри сильного вихря. Какие-то неведомые силы рвали его тело на части, и боль была не умозраительной, а настоящей. Олег даже застонал, но все равно не сдался – не сдвинулся с места ни на шаг.

И тут наваждение рассеялось. Даже дышать стало легче. Ветер подул сильнее, по озеру пошла мелкая волна, и Олег увидел, что возле камня лежат никакие не монеты, а круглый плоский галечник желтого цвета.

Тупо поглазев на него некоторое время, Олег развернулся и как истукан – почти не сгибая колени – побрел обратно. Пить чай ему уже расхотелось.

Уходя, он положил конфеты на тот же листок лопуха, где вчера находился сахар-рафинад, а чуть поодаль от воды, на камне, оставил рыбешку и недоеденный хлеб. Все это он проделал машинально, без единой мысли в голове, повинаясь спонтанному внутреннему порыву.

Лишь оказавшись на тропинку, ведущей в деревню, он устало и как-то отрешенно сказал: «Все, братец кролик, ты, кажись, припрыгал...»

Беляй встретил его широкой улыбкой:

– Просыпаюсь, мотрю – на постели никого. Я туды-сюды – нету! Гляжу, сундучок, что с красками, тоже исчез. А сумка на месте. Тут я и сообразил – человек с утра пораньше делом занялся. Нарисовал чего?

– Нарисовал, – хмуро буркнул Олег.

– А пошто такой смурной?

– Да так... ничего. Немного устал.

– И поди, кушать хоцца.

– Не сказал бы... Я брал тормозок.

– Ну, какие-то три рыбешки... – отмахнулся Беляй. – Пойдем, покормлю тебя по-настоящему. Я тут щец сварил – с мясом. Бабка Дарёна петуха зарезала, угостила. Знатный петух. Навар из него получился смачный.

Олег покорно пошел вслед за Беляем в горницу. Он чувствовал, что его душевные силы на исходе. Сейчас бы стакан водки, подумал Олег. Лучше лекарства не придумаешь.

Беляй словно подслушал художника. Не говоря ни слова, он полез в запечек и достал оттуда четверть, заткнутую деревянной пробкой.

– У меня тот с прошлого года малиновая ратафия[14] осталась, – сказал он, заговорщицки подмигивая. – Скусная вещь, доложу я тебе. Да ты сейчас и сам в этом убедишься.

Щи под ратафию пошли лучше всяких ожиданий. Олег хлебал так жадно, будто не ел как минимум сутки. Он не хотел даже самому себе признаваться, что процессом насыщения пытается хоть на какое-то время вытравить из головы видение червонцев.

А может, нужно было подойти к камню? Может, он ошибся, и там лежат настоящие червонцы, а не голыши?

К дьяволу! Рассвирепев от собственных мыслей, Олег налил полный стакан ратафии и выпил его одним духом – так, словно это была не водка, а компот.

Беляй испытующе посматривал на художника, но помалкивал. Он ел аккуратно, даже

хлебные крошки подбирал со стола и бросал себе в рот.

– Вы все знаете! – обвиняющее сказал опьяневший Олег, не выдержал напора разных нехороших мыслей. – Только не говорите, что вам непонятно, о чем идет речь!

– Знаю, знаю, а как же. Мне ли не знать... – Беляй доел щи и отнес миску на кухонный стоял, где стоял тазик с подогретой водой – чтобы мыть посуду.

– Тогда объясните, что все это значит? Сначала Дедко под окном, потом ваши странные намеки на охраняемые им клады, затем золотой царский червонец... В какую интригу вы пытаетесь меня втащить?

– Я? Что ты, мил человек. Мне уже осьмой десяток. Да и грешно над человеком изгаляться – так или иначе. А в эту... как ее?... ты сам себя втащил.

– Когда?! Что вы такое говорите?

– Когда точно – не ведаю. Но не здесь и не сейчас, а давно. И что будет дальше, я тоже не знаю. Не дано мне это знать. Ты думаешь, приехал к нам случайно? Хе-хе... Это не так. Тебя сюда потянуло. И транспорт в виде Желтопуза подвернулся тебе не по оказии, а намеренно. Я ить совсем не сомневался, что ты приедешь. И приехал встречать.

– Откуда вам об этом стало известно?! Я никому не говорил, куда уезжаю. Если честно, я и сам не знал. Я просто ехал до конечной станции. Мне было все равно, где она находится.

– От Ожеги узнал. Она все ведает наперед. Я ж тебе рассказывал.

– Ожега... А не ее ли я встретил сегодня возле озера? – И Олег рассказал Беляю про старуху в старинной кике.

– Знамо, она, – важно кивнул Беляй. – Корешки, травки разные собирает. С утра в них большая сила, когда роса на землю упадет. Я вот тоже по этому делу вроде спец, но куды мне до нее... – Тут он заговорщицки наклонился к Олегу и тихо сказал: – Грят, она видела, как папоротник цветет. А это редкому человеку может быть позволено.

– Еще бы... – Олег скептически ухмыльнулся. – Некоторые утверждают, что груши на вербе могут расти. Сказки все это. Я способен поверить в то, что Ожега хорошая знахарка, и даже вашему утверждению, что у нее есть провидческий дар. А насчет папоротника и других чудес – увольте. Я современный, достаточно образованный человек и не страдаю различными фобиями и суевериями.

– А то, что тебе сегодня в озере возле луды[15] поблазнилось, тоже сказки? – все так же тихо, но с нажимом, спросил Беляй.

– Как... – Олег опешил. – Как вы догадались?!

– Почему ты не взял золото?

– Вы хотите сказать...

– Да, хочу сказать. Под камнем лежали голландчики[16]. И ты их упустил, паря. Такое богатство...

В последней фразе Беляя Олегу послышалась ирония.

– Но ведь там была всего лишь круглая желтая галька! Я в этом уверен.

– А вот и нет. Дедко тебе золото дарил, а ты не взял. Теперь оно ушло, можешь уже не

искать.

– Куда ушло? – тупо спросил Олег.

– На этот вопрос тока Дедко может ответить. Но лучше ему такие вопросы не задавать.

– Вы сказали, что в интригу я втащил сам себя. Как это понимать?

– Спроси у Ожеги. Можя, она тебе расскажет.

– А вы что, не хотите? Отказываетесь?

– Я тока догадываюсь. Энтю как чують запах и по нему определять, что оно такое – какава али чай. А она – знает.

– Вы так запудрили мне мозги, – с отчаянием сказал Олег, – что я уже начинаю верить в Дедко, кикимор, домовых и оракулов.

– А оракул, энтю кто? – с детским любопытством спросил Беляя.

– Такой же крендель, как ваша бабка Ожега.

– Ты бы все-таки сходил к ней... Хорошим людям она помогает.

– Спасибо.

– За что?

– За то, что назвали меня хорошим человеком. В кои-то веки удосужился...

– Да ты не обижайси на меня. Можя чё не то говорю, так ведь я ужю стар. А оно как с лет, так и с ума.

– Что-то вы не очень похожи на старого маразматика, – с горькой иронией сказал Олег. – И вообще, создается такое впечатление, что вы много чего не договариваете.

– Ты плохо слушал, паря. Я ить поначалу тебе почти все рассказал, а ты мимо ушей пропустил.

– И когда это было? – Олег тупо уставился на Беляя.

– Когда вез тебя со станции.

– Убей Бог, не помню, – вынужден был сознаться Олег.

– Хе-хе... Потому как молод ишшо. В одно ухо влетело, а в другое вылетело.

– Хотелось бы еще раз услышать ваш рассказ. Пожалуйста.

– Что ты, паря! Низзя, не получится.

– Почему?

– Вот ты седни намалевал картину? Намалевал. Можешь по памяти сделать ишшо одну такую же? Чтобы точь-в-точь.

– Нет, это без оригинала невозможно.

– Вот! И я об этом.

– Так ведь картина – это одно, а рассказать по новой какую-нибудь историю – совсем другое.

– Тут ты прав, но ведь и сама история будет другой. Вот, к примеру, еду я по дороге и вижу пень. И вспоминаю, что там когда-то стояла старая береза, у которой был самый сладкий сок в округе, что я под ней тайком встречался с Дарёной (когда это было!) и что у нас не сложилось, потому как пошел на войну, а она меня не дождалась, и что нынче Дарёна за Дедком ухаживает – за тем, что посреди деревни стоит – чистит-блистит, подметает, варенухой угощает... Но бывает, глядя на пень, я припоминаю совсем иное... не буду говорить, что.

– Понятно, – кивнул Олег. – Ассоциативное мышление. По мере появления знакомых объектов у вас возникают воспоминания. И не факт, что они будут одинаковыми. Такой тип мышления сильно развит у кочевых народов и путешественников. Глядя на обычную грязную лужу, можно припомнить, как несколько лет назад отдыхал с девушкой на Карибах. Или как после полочки по пьяной лавочке шлепнулся в грязь, а потом жена била мокрым ботинком по физиономии – не за то, что изгваздался, а за то, что пришел домой лишь к утру. Лужа одна и та же, но ассоциации могут быть разными.

– Эка ты завернул. Мудрено. Но смысл присутствует. Главное – ты меня понял.

– Что ж тут непонятного... – Олег пожал плечами. – Попросту говоря, от вас я получил отлуп. Вкупе с настоящим советом навестить избушку на курьих ножках, в котором живет старая колдунья Ожега. Я прав?

– Хе-хе... Светлая голова у тебя, паря. Я это сразу заприметил.

– Ладно... – Олег тяжело вздохнул. – Придется мне спуститься в царство Аида[17].

– Куда?

– Это к слову. Я так понимаю, мне нужно идти к Ожеге не с пустыми руками...

– Правильно понимаешь. Отнесешь ей крынку молока, мед и буханку хлеба.

– Может, еще и ерофеича?

– Не ерничай, – строго сказал Беляй. – Ожега варенуху не потребляет.

– Понял. Адресок Ожеги, надеюсь, дадите?

– Куды надо идтить – объясню. Не сумлевайся. Тока будь внимателен, не оступись, не сойди с тропы. Там такая топь... бульк – и нету человека. Возьмешь слегу на всяк случай.

– Что такое слега?

– Длинная жердь. Многим жизнь спасала. Тока не ленись, орудуй ею, дорожку впереди проверяй, щупай.

– Мне прямо сейчас идти?

– Куды спешить? Отдохни. Завтра, на зорьке...

«Понятно, – подумал Олег. – Хочет Ожегу предупредить о моем визите. Но как? – И тут же ответил, мысленно рассмеявшись столь дурацкому предположению: – Звякнет по мобилке, чтобы дастархан готовила... Нет, в самом деле, что тут затевается? Какой нечистый занес меня в эту дыру?»

Потом его мысли потекли по другому руслу. Он задался вопросом: с какой это стати его так

резко потянуло на пленэр? Последние три года он не выезжал из города в глубинку и даже не имел такого желания.

Во-первых, билеты сильно подорожали, во-вторых, деревенские начали подозрительно относиться к приезжим и не горели желанием сдавать комнаты внаем, а в-третьих, он уже не мог так спокойно, как в глубокой юности, относиться к неудобствам, которыми изобилует кочевая жизнь.

И тут Олег похолодел. Он вдруг вспомнил запойный вечер в «Олимпе» и чересчур настойчивые увещевания душики Фитиалова, которому он все-таки рассказал по большому секрету о том, как пролетел с персональной выставкой: «Поезжай в деревню. Все суета сует, Олежка. Деньги, слава... А! Плюнь на проблемы и езжай. Отдохни душой. Садись на электричку – и вперед, до самого конца, подальше от города...».

Но и это еще не все. На память пришел и зловещий иностранец... как зовут этого сукиного сына? Кажись, Карла... А по бабушке? М-м... Забыл. Из головы вылетело.

Ну да ладно, пусть его. Что там он говорил на прощанье? «... Мой вам совет – поезжайте куда-нибудь в глубинку, отдохните на природе. Вам это пойдет только на пользу».

С чего бы такая забота? И почему два столь разных человека неожиданно заводят речь об одном и том же – как сговорились? Доброжелатели... чтоб им!

Однако, вернемся к Фитиалову. Что знал о нем Олег? Практически ничего. Ходили слухи, что Фитиалов при советской власти стукал для КГБ, но поди проверь. К тому же, это было давно и не исключено, что неправда.

Но тут Олегу пришли на память слова Прусмана, когда они в очередной раз вышли вдвоем в туалет: «Не отвязывай язык при Фитиалове. Он еще та рыба. Миляга... А на самом деле масон. Я это точно знаю, но не спрашивай, откуда. Этой братии верить нельзя...»

Фитиалов – масон. Ну и что? Да хоть «голубой». Посидели по-дружески, выпили, поболтали и разошлись.

До вечера в «Олимпе» полгода с ним не встречался и после как минимум год не буду его видеть. Разве что объявят очередное собрание членов местного отделения Союза художников или кликнут на похороны какого-нибудь престарелого коллеги. В общем, все его подозрения – бред сивой кобылы.

И все же, все же... Заноза где-то под сердцем долго не давала Олегу уснуть. А ночью ему приснился кошмар. Будто он упал с обрыва в трясину, и она начала его засасывать.

Олег извивался ужом, пытаясь дотянуться до кустарника, который рос на возвышенности над топью, но его неудержимо тянуло вниз. И тут он увидел, что на сухом месте стоят иностранец и Фитиалов. Олег закричал «Помогите!», однако они даже не шелохнулись. Тогда он из последних сил рванулся вверх, но тут грязь забурлила, и Олег окунулся в нее с головой.

Художник закричал, захлебываясь тиной, захрипел от удушья... и проснулся. Оказалось, что он умудрился каким-то образом натянуть на голову медвежью шкуру, хотя она должна была лежать под ним, и ее густая шерсть мешала дыханию.

Глава 7

Когда Олег собрался, Беляй всучил ему, кроме харчей для Ожеги, еще и маленький узелок.

– А это кому? – спросил Олег.

– Не догадываешься?

– Я у вас тут скоро совсем тупым стану. Нет, не догадываюсь.

– Хе-хе... Не злись. В дорогу низзя. Главное, спокойствие. Это для Дедко. Ублажить надо.

Олега так и подмывало послать Беляя куда подальше, но он все-таки сдержался и сказал:

– Надо так надо. Ну, я пошел...

Идол встретил Олега все с тем же деревянным выражением на грубо отесанной физиономии. Художник попытался найти в ней черты лица того человека, который заглядывал в окно избы и который почудился ему в водах озера, но похожими оказались только уши, потому что у оригинала под длинными волосами их не было видно.

Скептически ухмыльнувшись, художник развязал узелок и положил на жертвенный камень еще горячие лепешки (это когда же Беляй успел?). Подумав чуток, он воровато оглянулся и кивнул головой – поклонился. На всякий случай.

Проходя мимо изб, Олег невольно ускорил шаг – почти из каждого окна на него смотрела старушка! До этого художник – как-то так получилось – видел вживую лишь двоих. И вообще деревенька казалась музейным заповедником, только без туристов и обслуживающего персонала.

Чувствуя себя очень неудобно, Олег перешел на быстрый шаг и вскоре начал спускаться в низинку. Как утверждал Беляй, там находится тропа, которая ведет прямо к избе Ожеги.

Чего это бабульки устроили смотрины? – думал Олег. Будто в последний путь провожают... бр-р-р! Чур меня!

За мутными стеклами небольших оконеч он не рассмотрел выражение старушечьих лиц, но мог бы побиться об заклад, что они его жалели. Олег словно прочитал их мысли.

Начало тропы он нашел быстро. А как не найти, если возле нее стоял, как гнилой зуб, сильно выветрившийся камень, на котором виднелись петроглифы[18]. Под ними, в самом низу, было что-то написано; вернее, нацарапано, и очень давно, потому что буквы были старославянскими.

Олег попытался прочитать надпись, но вскоре бросил эту затею. Он немного знал старославянский язык (дед заставил выучить, уж неизвестно зачем), но его знаний не хватило, чтобы разобраться в хитросплетении буквенной вязи. Тем более, что местами текст вообще отсутствовал, стертый безжалостным временем.

«Пойдешь налево – по балде настучат, пойдешь направо – будешь бит, ну а ежели надумаешь чесать по прямой, то тогда тебе вообще кырдык, – с нервным смешком подумал Олег. – Все как в сказке. Вот только на богатыря я никак не тяну. Статью не вышел. Да и силенок у меня маловато. А все-таки, что там может быть написано?»

Пытаясь понять смысл буквенной вязи и высеченных на камне петроглифов, Олег шел по тропе, которая вводила вглубь болота. Ему не нужно было срисовывать надпись, так как он обладал фотографической памятью.

Стоило Олегу увидеть какое-то место и сказать себе «Упс!» (к примеру), как он тут же

погружался на считанные секунды в нечто наподобие нирваны, и после мог нарисовать картину местности со всеми, даже малейшими, подробностями.

Тем временем тропа становилась все хуже и хуже. Если поначалу она шла посуху, то теперь приходилось местами брести по щиколотки в черной маслянистой жиже.

«Что я забыл у этой местной Бабы-яги?! – бунтовал Олег. – Зачем я к ней иду? Чтобы она открыла мне будущее... Погадала. Ха-ха! Какой примитив... Стоило ли забираться в глушь и чапать по грязи, чтобы услышать очередную байку? Для этого не нужно покидать город. Надо всего лишь пойти на вокзал, найти цыганку (чего проще; их всегда там целый табор околачивается), и она такое наплетет... До конца жизни не разберешься».

На этом месте его размышления прервали уже знакомые звуки – смех Дедко, как убеждал художника Беляй: «Хо-о, хо-о, хо-о...» Олег невольно вздрогнул, дернулся, из-за чего потерял ориентацию и сошел с тропы, которая была обозначена вешками.

И провалился в трясины.

– Мать твою!... – охнул от неожиданности, а затем невольно выругался художник.

Ему повезло, что он не выпустил из рук слегу. На какое-то время она приостановила погружение в липкую грязь, которая цепко держала Олега в своих пахнущих сероводородом объятиях.

Стараясь не делать лишних движений, художник навалился всем телом на толстую жердь и попытался добраться до вешки. Но все его усилия пропали втуне – грязь не отпускала. Мало того, он чувствовал, что к его ногам будто кто-то привесил тяжелый груз, который неумолимо тащит Олега в бездонную ямину.

«Не буди лихо, пока оно спит тихо», – в отчаянии подумал Олег, вспомнив свою реплику по поводу путешествия к Аиду. А ведь дед не раз ему говорил, что высказанное слово, особенно когда оно вышло из уст творческой личности, нередко обретает жизнь – даже помимо воли человека, выпустившего его в свет.

«Все, мне конец, – обречено думал Олег, из последних сил пытаюсь выбраться на тропу. – Это же надо... так глупо. Неужто мне суждено бесследно сгинуть в этом болоте? Самое место для упокоения когда-то подававшего большие надежды художника, ничего не скажешь...»

Постепенно он влез в трясины по плечи и прекратил бесполезное сопротивление. «Надо позвать на помощь, – мелькнула мысль в затравленном сознании. – Но кто тут меня услышит?» И тем не менее, Олег закричал; вернее, захрипел:

– Помогите, тону-у! Помогите!... Эй!

Ответом ему было лишь короткое глухое эхо. Неожиданно навалилась страшная усталость, Олег оставил свои безуспешные попытки как-то изменить ситуацию и закрыл глаза. На какое-то время он просто отключился от действительности. Ему все стало безразлично, и только одна мысль не давала покоя: «Все-таки надо было отдать долги. Надо было...»

И вдруг он почувствовал, как его схватили за шиворот и с невероятной силой потащили вверх. Еще миг, и он очутился на твердом месте.

– Кто вы? – вместо благодарности, тупо спросил он, безуспешно пытаясь продрать глаза; грязь залепила ему все лицо.

Он не видел своего спасителя, но чувствовал его присутствие.

Ответом ему стали удаляющиеся шаги. Олег наконец протер глаза, сел, и увидел мужскую фигуру в рубахе до колен, подпоясанной веревкой.

Человек шел по болоту, слегка сутулясь, но легко и непринужденно, словно посуху, и не по тропе, а напрямик. В руках он держал клюку. Вскоре его поглотил густой туман, который вдруг начал наползать на болото.

И тут снова раздалось уже до боли знакомое: «Хо-о, хо-о, хо-о...»

Олег долго не мог подняться на ноги. Он сидел, заморожено глядя в ту сторону, где исчез его странный спаситель. Больше всего художника поразило то, что им оказался старик, и у него были длинные седые волосы...

Дальнейший путь к жилищу Ожеги прошел без приключений. Вскоре тропа поднялась повыше, появились сначала сухие островки, а затем и озера.

В одном из них Олег искупался и постирал одежду, потому что вид у него был как у болотной нечисти. День выдался солнечным, дул ветерок, и когда он, наконец, увидел жилище Ожеги, его одежда уже была почти сухой.

Жилище ведуньи и впрямь напоминало избушку на курьих ножках. Изба стояла на четырех столбах, и чтобы в нее войти, нужно было подниматься по лесенке, которая, кстати, могла убираться.

«Предусмотрительно... – подумал уже совсем оклемавшийся Олег; происшествие на болоте казалось ему дурным сном, который приснился не ему, а кому-то другому. – Так просто в избу не заберешься. Наверное, Ожега стережется медведей. Поди, ягод тут много, а косолапый до них весьма охоч. Что касается аборигенов, то, думаю, их сюда и калачом не заманишь. А чужие дорогу не найдут...»

Он остановился возле лестницы и начал топтаться, не зная, как ему поступить – сразу подняться или позвать хозяйку. Его сомнения прервал немного глуховатый женский голос:

– Тебе чего надо, милай?

Олег вздрогнул, поднял голову и увидел, что дверь избушки отворилась, а на пороге стоит та старуха, с которой он повстречался возле озера. Он мысленно улыбнулся, подумал скептически «А то ты, бабуля, не знаешь...», и ответил:

– Я к вам от Беляя.

Рекомендация оказалась высшего сорта. Ожега даже изобразила что-то наподобие улыбки и сказала:

– Входи. Милости просим...

Стукнувшись лбом о притолоку – больно, блин!... – Олег переступил через высокий порог и оказался внутри жилища, интерьер которого был знаком ему до мелочей. В свое время он увлекался стариной и писал картины про древних славян. Чтобы не попасть впросак, художник перелопатил горы специальной литературы, в которой историки и археологи реконструировали быт предков россиян.

Горница Ожеги была хрестоматийным примером славянского жилища: домотканые полосатые коврики на полу, изголовье-сундучок на полатях, застеленных грубошерстным рядом, массивные лавки, стол, расписной сундук – настолько старый, что роспись только угадывалась, печь каминного типа с горшками и противнями, старинная масляная лампа на столе (такую и в музее не найдешь), и наконец в красном углу располагалась языческая

божница – много керамических фигурок идиолов. Перед ними было насыпано просо, и стоял подсвечник с вполне современными восковыми свечами.

Но были и отличия.

Во-первых, на всех стенах горницы висели пучки лекарственных трав (что, в общем, вписывалось в картину древнерусской старины).

Во-вторых, неподалеку от печи стоял казан на массивном литом треножнике, украшенном грифонами. Под ним находилась жаровня, почти доверху наполненная тлеющими угольями. В котле что-то тихо булькало.

Пар от варева и приятный на запах дым уходили в конусообразное отверстие над казаном, притом создавалось впечатление, что там стоит электрическая вытяжка, потому как воздух в комнате был прозрачен и чист.

А в-третьих, в углу слева от двери (Олег глазам своим не поверил) находился стол, на котором разместилась вполне современная химическая лаборатория с колбами, ретортами, стеклянными трубками, склянками с химикалиями и каганцом для подогрева жидкостей во время проведения опытов; не хватало лишь компьютера и муфельной печи.

– Присаживайся, – приветливо сказала бабка, указав на лавку возле стола.

– Спасибо, – робко поблагодарил Олег, и сел с таким видом, словно под лавкой находилась, по меньшей мере, противопехотная мина на боевом взводе.

Он чувствовал себя очень скованно. Несмотря на приветливый тон, от старухи исходила какая-то неведомая сила, и он пока не мог понять, добрая она или злая.

Ожега была очень старой. Ее лицо покрывали даже не морщины, а рытвины и глубокие колеи, проложенные беспощадным временем. Но большие круглые глаза бабки блестели молодо и временами так неестественно и страшно, что у Олега вообще душа ушла в пятки.

Может, она наркоманка? – подумал художник. Например, мухоморит. Заварит грибки и пьет отвар. А затем балдеет... вместе с Дедком.

Олег, как вполне современный человек, продукт бездуховного общества, просто не мог поверить, что его спаситель (а это точно был Дедко) какой-то фантом, оживший языческий идол. Художник уверил себя, что Дедко всего лишь отшельник, поселившийся в этих краях с давних пор.

А много ли надо местным старушкам, чтобы обожествить странного, почти призрачного типа, шатающегося по ночам под окнами деревенских изб и вышагивающего по болотной трясине аки посуху?

В этом не было ничего необычного – за многие годы Дедко изучил топи, как свои пять пальцев, и знал все скрытые от непосвященного глаза болотные тропки. А приношения, которые старушки оставляли идолу, он с благодарностью забирал.

Жить в полном единении с природой, это, конечно, круто, но и отшельнику иногда хочется съесть чего-нибудь сладенького, да и домашние лепешки неплохо разнообразят его скудный стол.

– С чем пожаловал, милай? – спросила Ожега, царапнув острым взглядом по бледному лицу художника.

– Вот... это вам, – сказал он, протягивая ведунье узелок с харчами, который дал ему Беляй.

Хорошо, что Олег, зная, куда идет, упаковал его в полиэтиленовый пакет. А еще повезло, что узел с дарами для Ожеги он обронил на тропе, не потащил за собой в трясину. Иначе сейчас мед ели бы водяные и лешие, запивая его молоком и заедая свежее испеченным караваем.

– Благодарствуем, – ответила Ожега, и приняла узелок с таким видом, словно Олег преподнес ей, по меньшей мере, драгоценный сосуд.

Художник смущенно улыбнулся.

На некоторое время в избе воцарилась тишина. Только сверчок где-то в углу пробовал настроить свою скрипку, но ее звучание оставляло желать лучшего.

– Сегодня я не ждала тебя... – наконец молвила Ожега, глядя на Олега каким-то отсутствующим взглядом.

«Сегодня! – мысленно воскликнул художник. – Выходит, что я на поводке? Вот влип... Фантазмагория. Если посмотреть на ситуацию со стороны, то она просто абсурдная, дикая, и вообще находится за пределами здравого смысла. А может, плюнуть на все и откланяться? Пока не поздно. На кой ляд мне бредни этой столетней гримзы? Скажи мне кудесник, любимец богов... бред! Что я хочу узнать? Когда дуба врежу? Мне это не нужно и неинтересно. И никому не нужно. Когда придет хромая, тогда и придет. Все там будем...»

– Верно, Мары[19] бояться не надо, – вдруг сказала Ожега. – Она приносит человеку покой. Страшны нави[20]. А они уже вьются над тобой.

Олег невольно вздрогнул. «Она что, умеет читать мысли?!» – подумал он в сильном смятении. Олег был достаточно образован и начитан, чтобы разбираться в славянской мифологии.

«Причем тут нави? – продолжал он размышлять в лихорадочном темпе. – И почему это им вздумалось барражировать над моей бедной головушкой? Им что, делать больше нечего, как изгаляться над бедным художником? И вообще – какого хрена?!»

– И это все, что вы можете мне сказать? – спросил он резко, с вызовом. – Тогда я пойду обратно. Стоило ли огород городить ради того, чтобы в очередной раз услышать общеизвестные сентенции и поприсутствовать на сеансе угадывания мыслей? Этого добра и в городе хватает. Там столько болтунов-чревовещателей и шарлатанов-экстрасенсов развелось, что для них уже нужно создавать отдельный рекламный листок, так как в обычных информационных изданиях для их рекламы места не хватает. Рад был с вами познакомиться. Приходите в гости к Беляю, чайку попьем, погутарим... о том, о сем. Он будет рад. И я тоже.

– Как раз этот огород просто необходимо городить... Хельги, – спокойно ответила Ожега, будто и не заметив некоторой взвинченности в поведении художника.

Олег решил, что ослышался:

– Как... как вы сказали?!

– Я назвала твое настоящее имя.

– Настоящее...

Художник оцепенел. Этим именем его называл только один человек во всем мире – родной дед.

При крещении Олег был записан в святцах под двойным именем – как Олег и как Хельги. Но это он узнал, будучи уже взрослым; как и то, что имя Олег происходит от

немецко-скандинавского имени Хельги.

Дед сделал запись тайно, не поставив в известность даже родителей внука. (То же самое он когда-то проделал и со своим сыном, отцом Олега; на самом деле отца звали не Илья, а Элиас). Сам Олег тоже понятия не имел, что он наречен еще и иностранным именем до тех пор, пока дед не стал обучать его мастерству художника.

Мальчик, которому, в общем-то, было все равно, как его называют, долго считал, что Хельги – это просто ласкательное прозвище и никакого отношения к их семье не имеет. Пока однажды ему не попала на глаза старая фотография, на которой были изображены прапрадед и его жена.

О прапрадеде в семье мало что было известно. Его жизнь – это сплошная тайна. Все знали только то, что он долго был холостяком, много путешествовал по миру, и, несмотря на юные годы, успел повоевать в Америке, когда там шла гражданская война. (Правда, неизвестно, на чьей стороне – южан или северян).

Потом прапрадед поступил на службу к британскому монарху, участвовал в многочисленных сражениях, получил большой чин и кучу орденов, затем (неизвестно, почему) переметнулся к французам; там он убил на дуэли какую-то важную шишку (может даже генерала), и бежал в Россию, где и поселился, приняв российское подданство.

Наверное, он совершил этот поступок не от большой любви к новой родине, а чтобы спасти свою бесшабашную жизнь бретера и авантюриста от преследований то ли французского, то ли британского, то ли обоих правительств сразу.

Правда, перед этим прапрадед, которому к тому времени стукнуло уже немало лет, успел жениться на двадцатилетней девушке по имени Луиза. Она была дворянских кровей из добропорядочной семьи немецких бюргеров[21].

Семейная легенда гласит, что прапрадед окрутил будущую жену лихим гусарским наскоком – всего за один день влюбил в себя невинную прелестницу, попросил ее руки у родителей и обвенчался.

Свадьба, увы, не состоялась, потому что ему пришлось срочно уносить ноги от своих недоброжелателей. Жених и невеста едва не на ходу вскочили в дилижанс, где дружно сплели своим попутчикам какую-то душещипательную амурную историю (похоже, чистая и непорочная Луиза оказалась под стать ветреному суженому), и те устроили им свадебный пир в каком-то безызвестном яме[22], где им прислуживал за столом стационарный смотритель.

Приехав в Россию, прапрадед срочно поменял свою фамилию на фамилию жены и стал Радловым. Наверное, он чересчур много нагрешил, и таким образом решил спрятать концы в воду.

Фотография супружеской четы Радловых, которую нечаянно нашел Олег, была наклеена на плотный картон, а внизу находилась подпись золотым тиснением – в углу картонной рамки фирменный знак фотоателье и имя фотографа «Karl Bulla» (мелким шрифтом), а имена изображенных на снимке – «Helge und Luise Radloff» – более крупным шрифтом с лихими завитушками.

Так Олег и узнал, что получил свое второе имя в честь прапрадеда.

– Откуда вам известно это имя? – опомнившись, требовательно спросил Олег.

– А каким образом ты определяешь, где и сколько нужно положить той или иной краски на

холст, чтобы написанное тобой полотно было не мазней, а картиной?

– Понятно, – буркнул Олег. – Кто на что учился...

– Верно. Именно так.

Несмотря на архаический вид и весьма преклонные годы, старуха говорила вполне грамотно, почти по-современному, в отличие от Белая.

«Может, это какая-нибудь ученая дама, которая ушла в отшельничество? – подумал Олег. – А что, вполне возможно. Обнаружила у себя нестандартные экстрасенсорные способности и предпочла удалиться от мира в глухомань. Такие случаи бывали. Почему не в православный монастырь? А потому, что ее дар по церковным канонам пахнет серой. Он не от Бога, а от дьявола. Интересно, сейчас мои мысли она прочитала?».

Он украдкой посмотрел на Ожегу. Но, похоже, в данный момент ей было не до чтения мыслей.

Она усердно орудовала пестом, растирая в ступке какие-то снадобья в порошок. Работала Ожега сосредоточенно, хмуря густые, сросшиеся у переносицы брови, при этом что-то тихо и напевно бормоча себе под нос.

Ожега совершенно не обращала внимания на Олега. Но он был не в претензии. Каким-то образом художник сообразил, что она готовится к сеансу ясновидения. А иначе, зачем старый прохиндей Белай так настаивал, чтобы Олег обязательно пообщался с ведуньей.

– И долго мне так сидеть? – наконец не выдержал Олег чересчур затянувшейся паузы.

Ответом ему было молчание. Старуха продолжала свои манипуляции, совершенно не обращая внимания на художника.

Ему очень хотелось как можно быстрее покинуть эту избушку на курьих ножках. Он вдруг увидел себя как бы со стороны, глазами другого человека.

«Что делает вполне современный горожанин, не сильно обремененный предрассудками, в жилище отшельницы, возможно, полусумасшедшей? – вопрошал незнакомец. – Он хочет узнать свою судьбу... Какая чушь! Это по определению невозможно. Наверное, этот глупый малый не знает, что судьба человека на коленях богов. Так говорили древние. Ее можно в любой момент стряхнуть с колен, как пыль, и тогда любые предсказания окажутся всего лишь набором пустых, ничего не значащих фраз, сотрясением воздуха в колбе...»

Олег попытался освободиться от наваждения, но не смог. Его второе «эго» – если это было оно – продолжало с циничным напором:

«Кому ты поверил, чужак? Старому пердуну, у которого с годами поехала крыша, и он впал в язычество. Еще бы не впасть. Тут в округе верст на двести нет ни одной церквушки. Вот бабки-дедки и создали свою мафию, сообразуясь с древними верованиями, в которых человек неразрывно связан с природой и ее тайными силами. Вполне естественный процесс. Посидишь в глухомани лет, эдак, пятьдесят, конфуцианцем станешь, даже не зная основ учения мудрого китайца Конфуция...»

– Теперь я знаю, что ты пришел ко мне с чистым сердцем и добрыми помыслами, – вдруг нарушила сильно затянувшуюся молчанку Ожега. – Твоя душа – как чистый бумажный лист. Но на нем вскоре могут появиться письмена, начертанные кровью. Берегись неведомого писца, он уже приготовил перо.

– И это... это все?!

«Господи, что за ахинею она несет?! – с отчаянием подумал Олег. – И вообще – почему я сюда пришел и зачем мне все это надо?!»

– Нет. Это не гадание, а всего лишь прелюдия, милай, – ответила Ожега и попыталась улыбнуться, но улыбка у нее вышла какая-то не натуральная, а вымученная. – Для того, чтобы ведать судьбу человека, требуется его согласие. А ты пока не готов к этому. Нет в тебе веры.

– Вы правы – я вам не верю, – угрюмо сказал художник. – Хотя вы уже и доказали, что в своем деле кое-что смыслите. Кстати, перед гаданием, насколько мне известно, нужно «позолотить ручку». К сожалению, денег у меня немного, да и те не наши, а зарубежные. Беляй, к примеру, отказался их брать.

– Значит, внутренне ты согласен на то, чтобы я обратилась к берегиням[23], – с удовлетворением констатировала Ожега. – Только они могут расплести узелки твоей судьбы, пользуясь подсказкой Гамаюна[24]. А что касается денег... – Она подошла к сундуку, открыла его, достала оттуда ларец – такой же древний, как и сам сундук – и поставила его на стол перед художником. – Смотри, – сказала Ожега, открывая крышку ларца.

Олег невольно охнул. Ларец почти доверху был заполнен золотыми монетами! Там были и царские червонцы, и чешские дукаты, и польские талеры, и даже монеты неведомых стран, скорее всего, арабских, если судить по надписям.

– Нужны ли мне твои деньги? – не без иронии задала риторический вопрос старуха и вернула ларец обратно в сундук.

«Откуда?...» – хотел было спросить Олег, но тут же прикусил язык. Понятно, откуда. Значит, Беляй не врал, сокровища и впрямь существуют. Если и не Бонапарта, то кого-то другого, может, клад богатого купчишки или хитника с большой дороги, в царские времена грабившего проезжих, а денежки прятавшего в самой глухомани.

И самому Олегу не блазнилось – под камнем и впрямь лежали золотые.

Похоже, Ожега нашла клад... Ларец даже на первый взгляд тянет не меньше, чем на миллион долларов. Это же надо – бабуля оказалась болотным «олигархом». Если потрусить все деревни области, то даже в этом случае вряд ли наберется столько денег, как у этой старой болотной совы.

Олег нервно хихикнул – это получилось неожиданно и глупо, помимо его воли, – и спросил, прищурив глаза:

– А вы не боитесь, что я могу оказаться очень нехорошим человеком? Денежки-то большие...

Ожега ответила ему снисходительным взглядом. И молвила:

– Я уже старая, мне давно пора на покой. Но ты не из тех, кто способен взять такой большой грех на душу. Да и деньги эти заговорены. От них будет тебе большая беда. Хочешь – верь, хочешь – нет.

Олег смутился.

– Да ладно, это я так... сдуру.

– Вот и поговорили, – с удовлетворением констатировала Ожега; и тут же посуровела, впилая острым взглядом в лицо художника. – А теперь ответь мне – ты готов?

– Надо ли?

– Надо, милай, надо. Уж поверь мне. Ткань судьбы плетется причудливо, нити перепутаны, и нередко какой-то пустяк, какой-то малозаметный узелок, может оказаться весьма важной, возможно, опасной вехой на жизненном пути. Но хуже всего, если человек оказывается игрушкой богов. Тогда ему нужно просто смириться со своей участью и ждать, пока высшим силам не наскучит играть с нитями, на которых подвешена человеческая жизнь.

Ожега немного помедлила и добавила не без иронии:

– Что касается лично тебя, то неужели ты продолжаешь думать, что попал ко мне по воле слепого случая?

– Уже вижу, что случаем тут и не пахнет, – хмуро пробурчал Олег. – Меня привели к вам, что называется, за рога. Я ведь не совсем тупой, кое в чем разбираюсь... Кто это сделал, как это у него получилось и, главное, зачем – сие другой вопрос. Возможно, позже я найду на него ответ. Хотя... не знаю. Не уверен. Короче говоря, я в вашей власти. Отступать мне некуда и незачем. Чему быть, того не миновать. Внутренне я уже подготовился.

– Да... так оно и есть. Ты верно оценил ситуацию. И еще одно: не будь твоя судьба тесно переплетена с судьбами многих людей, ты сюда не ступил бы и ногой. Ты как раз и есть узелок, к которому привязаны нити других судеб. – Старуха высыпала из ступки на свою заскорузлую сухую ладонь бурый порошок и бросила его в котел. – Что ж, начнем...

Она принялась что-то бубнить, делая руками над котлом магические пассы.

Поначалу ничего не происходило. Олег немного скептически смотрел на старуху и мысленно представлял, что будет дальше: она набегается вокруг котла, устанет, сядет за стол и начнет ему баки забивать всякой мистической чепухой. Ему уже приходилось слышать от друзей, как работают городские гадалки и маги разных «мастей».

Конечно, для слабонервных и подверженных душевным заболеваниям обстановка в избушке была бы шоком. Для полноты картины не хватало лишь змеи, совы и ручной крысы. Но Олег почти не сомневался, что эти обязательные атрибуты ведуньи должны быть где-то поблизости.

От этой мысли он тревожно оглянулся и на всякий случай подобрал ноги; вдруг где-то неподалеку ползает гадюка. В болотах этих тварей хватает. Цапнет за лодыжку – и привет. Несчастный случай на пленэре...

И тут неожиданно начало темнеть. Уголья под котлом загорелись ярче, в воздухе зароились миниатюрные – размером с пылинку – светлячки, и резкий незнакомый запах, как у нашатыря, но покруче, шибанул в нос, мгновенно выдавив из глаз слезу.

Олегу показалось, что над избушкой, над самой ее крышей, летает огромная птица, словно примеряясь пойти на посадку. Он почувствовал, что тело начало неметь, как под наркозом, а язык стал непослушным и большим, словно бревно.

Художник попытался крикнуть, – от испуга – но из горла послышалось лишь сипение. А дальше Олег и вовсе перестал что-либо соображать, потому что над котлом вдруг зароились какие-то тени.

Вскоре они начали уплотняться, и в конечном итоге превратились в отвратительных призрачных чудовищ, затеявших драку из-за порошка, который ведунья методично, горстями, сыпала в котел. Они подхватывали крупинки на лету – точь-в-точь как морские чайки, когда кормишь их огрызками хлеба с палубы корабля.

Олег, чувствуя, что начинает терять сознание, ухватился руками за стол. Перед глазами все

плыло, кружилось; ему показалось, что Ожега вдруг уменьшилась до размера Дюймовочки и отдалилась от него вместе со своей избой на огромной расстояние. А он сам очутился в космической пустоте.

Внеземное пространство было наполнено чьим-то грохочущим голосом, который что-то медленно и размеренно говорил; нет, не говорил – вещал, как священник из амвона. Но что именно, Олег понять не мог, хотя откуда-то знал: придет время, и он все вспомнит.

«Господи, это ты?!» – мысленно возопил потрясенный до глубины души художник. Ответом ему был удар грома, после которого Олег перестал адекватно реагировать на происходящее.

Птица над избой ведуньи по-прежнему взмахивала своими громадными крыльями, и буря, поднявшаяся над болотом, ломала тонкие деревья и выплескивала на сухой берег зловонную жижу...

Глава 8

– Ну, силен ты поспать, паря! – сказал Беляй, ставя на стол кувшин с молоком. – Она скоки на часах. Ужо обед, а мы ишшо и не завтракали. Вставай, лежебока. Поди, проголодался?

Настенные часы у Беляя явно были дореволюционными: с гирями, кукушкой, которая давно умолкла и лишь уныло выглядывала через приоткрытое окошко и ржавым циферблатом, на котором цифры только угадывались. К гирям был подвешен дополнительный груз в виде маленького утюжка (который нагревался, если поставить его на плиту) эпохи военного коммунизма, и сломанного амбарного замка.

Это чтобы механизм ходиков, изношенный донельзя, все же продолжал выполнять свою функцию, пусть и со скрипом.

Время на часах, как заметил Олег, Беляй выставлял по солнцу – на глазок. Впрочем, оно ему и не нужно было. Час сюда, час туда – какая разница?

В этой выморочной деревеньке время застыло, остановилось, и лишь тиканье маятника часов подсказывало, что в окружающем мире все-таки происходят какие-то изменения.

Олег посмотрел на часы, мысленно расчертив циферблат на сектора, и определил, что время и впрямь близится к обеду; малая стрелка ходиков неприкаянно маялась где-то в районе цифры «11», а большая уже почти догнала свою товарку.

– Да... кгм!... не без этого, – ответил Олег и встал на ровные ноги.

Тут его немного повело, и он сумел сохранить равновесие, лишь опершись о стену. Беляй бросил на него заинтересованный взгляд, но промолчал.

Олег вышел во двор и умылся из дюралевого умывальника. При этом он невесело ухмыльнулся: хорошо, что в деревне нет добытчиков цветных металлов, всегда страдающих похмельным синдромом. Иначе этот умывальник уже давно был бы сдан в приемный пункт металлолома.

Кроме молока, Беляй поставил плошку с медом и положил еще горячий свежее испеченный каравай.

– Это все Дарёна, – сказал он, кромсая хлеб большими кусками кухонным ножом с роговой

рукою. – Для тебя постаралась.

– С какой стати?

– Хе-хе... Многие ходили той дорожкой, что ты вчера, да не все возвращались. Так что сегодня, считай, твой второй день рождения, паря.

Вспомнив вчерашнее представление, устроенное Ожегой, художник невольно вздрогнул. Бр-р-р! Похоже, Беляй прав – Олега едва кондрашка нехватила от всего того, что он увидел и что узнал.

А уж как он топал обратно, это и вовсе целый роман. Иногда ему казалось, что под ногами нет тропы, и он идет, как тот призрачный седой старик, который вытащил его из трясины, – через болото напрямик, не придерживаясь вешек, указывающих тропу.

В деревню Олег пришел уже по темноте, но в каждой избе горел свет, а в окнах торчали головы в белых бабьих платочках – так же как и тогда, когда он направлялся на свидание с ведуньей.

Он настолько устал, что у него хватило сил только на то, чтобы принять душ – вылить на себя три ведра воды с бочки.

А затем Олег упал на постель и уснул, как умер; за всю ночь он не увидел ни одного сна, что было для него весьма необычно. И еще он хорошо запомнил, что Беляя в избе не было...

Холодное цельное молоко с горячим душистым хлебом показалось Олегу нектаром олимпийских богов. После двух чашек он почувствовал, что к нему вернулись и силы, и способность здраво мыслить.

– Будем прощаться, – сдержанно сказал Олег после завтрака. – Мне нужно возвращаться... До станции подбросите?

– А то как же... – Беляй смотрел испытующе и, как показалось художнику, с сочувствием. – Мы всегда...

– Спасибо за хлеб и за кров. В деньгах моих заграничных вы не нуждаетесь, но все равно за мною должок.

– Скажешь такое... Сочтемся. Но позволь спросить – пошто так рано съезжаешь? Ведь ты намеревался погостить у нас, насколько мне помнится, с месячишко.

– Человек предполагает... Надо. Мне надо быть в городе.

Беляй с тревогой посмотрел на закаменевшее лицо Олега и сказал:

– Ты не принимай близко к сердцу то, что наговорила тебе Ожега. Она, конечно, многое может проведать, но не до самого донышка. Живи, как жил до этого.

– И это говорите мне вы?! – гневно спросил Олег. – А кто меня подвел к мысли, что обязательно нужно выслушать предсказания Ожеги?

– Моя вина тут малая, – сухо ответил Беляй. – Тока то, что привез тебя сюда. Но я ить человек подневольный. Сказала мне Ожега – встретить человека, я и встретил. И приютил. Не вижу в этом злого умысла. А дальше сам смекай. Ты человек умный, образованный, не то, что мы... деревенщина.

– Да уж... деревенщина. В особенности Ожега. Как на меня, так она, по меньшей мере, доктор

психологии.

– Дохтур она или не дохтур – мне неведомо. Но то, что Ожега к нам приехала из Питера, это точно. Тока энто было очень давно. Мне мамка сказывала.

– Понятно. И что, она никогда не покидала эти места?

– А зачем? Ей здесь хорошо. Вона скоки живет. В городе так долго не протянешь.

– Значит, к ней приезжали, – уверенно сказал Олег. – Интересно, кто бы это мог быть?

– Мы по чужим сусекам не шебуршим, – отрезал Беляй. – Надобно было у нее самой спросить.

– Это уже не суть важно, – ответил Олег.

И начал собираться...

Желтопуз еле плелся. Похоже, его совсем не прельщало разнообразие, которое предполагала дорога до станции. Старый одр с гораздо большей охотой жевал бы сено в яслях или пасся возле болота, где росла густая сочная трава.

Беляй был необычайно молчалив и задумчив. Олег тоже не испытывал особого желания точить лясы.

Лес будто специально принарядился, чтобы проводить художника. Картины одна краше другой могли очаровать кого угодно, но Олег лишь автоматически, по давно устоявшейся привычке, фиксировал их в своей профессиональной памяти, откладывая эти своего рода биологические слайды прозапас, в дальние закрома черепной коробки.

Художник лишь спросил Беляя, как называется деревня, в которой он так недолго пожил; удивительно, но эта мысль пришла ему в голову только сейчас. Олегу вообще казалось, что крохотная деревушка – скорее, выселки – среди лесов и болот вряд ли имеет название.

– А как же, было название. Тока оно уже никому не нужно, – уклончиво ответил Беляй.

– И все-таки? – не отставал Олег.

Беляй недовольно пожевал губами, все своим видом давая понять, что вопрос ему не понравился (с чего бы?), но в конечном итоге ответил:

– Зеньки.

И они снова умолкли.

«Зеньки[25], Зеньки... – думал Олег. – Название будто бы знакомое... Где-то я уже слышал это слово... или оно попадалось мне во время чтения книг или газет. Не могу вспомнить...»

Чем ближе двуколка подъезжала к станции, тем сильнее ощущалась отчужденность между Олегом и Беляем. Художнику вдруг показалось, что рядом с ним сидит совершенно незнакомый, чужой ему человек. И не только незнакомый, но и опасный. От Беляя исходили мощные флюиды темной энергии, которая буквально подавляла Олега, вызывая в его душе мрачные предчувствия и навевая дурные мысли.

Доброе благодушное выражение на лице Беляя сменилось жесткой непроницаемостью, а сам он как будто вырос, стал шире в плечах и плотнее. Даже голос у старика изменился – стал более хриплым и грубым.

Олег едва дождался, пока двуколка приблизится к зданию станции. Он соскочил с нее едва не на ходу, быстро подхватил свои вещи и сказал:

– Ну... в общем, бывайте. Всех вам благ.

– Прощевай, паря, – сухо ответил Беляй; но затем, словно спохватившись, немного оттаял и продолжил: – Можя, я на поезд тя посажу? Одному, поди, скушно будет ждать.

Перрон и впрямь был пустынен.

– Нет, нет, спасибо. Поезжайте. По-моему, Желтопузу здесь не очень нравится. Надо пожалеть животину.

Одр и впрямь вел себя беспокойно – прядал ушами, фыркал, диковато косил глазом, бил передним копытом и все силился повернуть обратно, но поросшие рыжим волосом худые руки Беляя вожжи держали крепко.

– Это да... – утвердительно кивнул Беляй и, прикрикнув на Желтопуза «Не балуй!», уехал, даже не оглянувшись.

Неприятно уязвленный безразличием старика к своей персоне, Олег повесил на плечо этюдник и направил стопы к единственной на весь перрон скамейке. Уже на подходе к ней он вдруг резко обернулся, словно его кто-то окликнул.

И застыл, открыв от изумления рот – ни Беляя, ни Желтопуза с двуколкой на дороге не оказалось!

«Не может быть...» – пробормотал художник, пораженный до глубины души. До того места, где дорога уходила в лес, было добрых полкилометра. Старый Желтопуз никак не мог преодолеть это расстояние за столь короткий промежуток времени.

Впрочем, и молодому жеребцу это было бы не под силу.

Немного подумав, Олег решил, что старик свернул на какую-то ближнюю дорогу, скрытую в зарослях. И облегченно вздохнул. Действительно, не мог же испариться экипаж с конем и извозчиком...

Пока он глазел на дорогу, откуда-то появилась уже знакомая тетка, которую Беляй звал Танюхой, со все той же изрядно поистертой метлой в руках. Даже не посмотрев на Олега, она принялась шоркать своим «инструментом» по и так чистому перрону – наверное, чтобы хоть чем-то занять себя от скуки.

– Здравствуйте! – сказал Олег, поставив свои вещи возле скамейки.

– Здра... – начала тетка, поднимая голову.

И запнулась, не договорив приветствие до конца, будто кто-то невидимый вставил ей кляп в горло. Она так и застыла с широко открытым ртом и глазами, как у рака.

– Что с вами?! – обеспокоился художник.

– Э-э... Это вы?!

– А кто же еще? Конечно, я.

Ответ был совершенно глупым, но у Олега просто не нашлось других слов.

– Ху-у-х... – Тетка перевела дух. – Испужали вы меня...

– С какой стати? – Олег широко улыбнулся. – Я вроде на Квазимодо не похож. Пардон – на урода, – спохватился он, подумав, что тетка вряд ли знакома с литературной классикой.

Тетка зарделась, смутилась и опустила глаза на свою метлу. В этот момент Олег вдруг понял, что не такая уж она и тетка. Если эту Танюху накрасить, сделать ей прическу, да принарядить, да поставить на высокие каблуки, то с нею запросто, с большим удовольствием, можно показаться на людях. И даже сходить в приличный кабак.

Ей было от силы лет сорок, может, немного больше, но мешковатая железнодорожная форма и фуражка делали «тетку» гораздо старше. От пышногрудой фигуры Танюхи веяло первобытной женской силой, а ее широкие бедра и на удивление тонкая талия, которую скрывал безобразно пошитый форменный жакет, могли служить образцом материнской красоты.

«Надо же, – подумал Олег. – Уникум... Натура для скульптора. Теперь таких женщин днем с огнем не сыщешь. Вот только в глубинке и остались. От них вся Россия произошла, лишь эти широкие бедра могут рожать на свет богатырей. Не то, что нынешние девицы: ноги-палки, начинающиеся от плеч, грудь – два прыщика, которые легко прижечь зеленкой, а бедер вообще нет. Детей вытаскивают через живот. Деграция человечества налицо. Беда...»

– Нет, на урода вы точно не похожи, – подтвердила Танюха, бросив на Олега исподлобья пыливый взгляд, в котором уже начали проскакивать смешливые искорки. – Скорее, на холостяка.

– Даже так? – удивился Олег. – А как вы определили, что я холостой?

– Чего проще... – снисходительно ответила Танюха. – Вона у вас куртка зашита, наверное, где-то зацепились за сук или за гвоздь. Так это явно не женская работа. Такими стежками женщины не шьют.

Олег рассмеялся.

– Вам бы в разведку, – сказал он весело. – У вас глаз-алмаз.

– На глаза не жалуюсь.

– А на что вы жалуетесь?

– Вот так все возьми и выложи вам... – Танюха бросила взгляд на большие электрические часы, висевшие над входом в помещение станции. – Электричка придет через семь минут, – сказала она озабоченно.

Похоже, Танюха не захотела отвечать на вопрос Олега. Но художник, соскучившийся по женскому обществу, не отставал:

– Вы что, всегда тут одна?

– Нет. У меня есть сменщики, путевой обходчик, путевые рабочие, начальник станции... Я всего лишь дежурная.

– А где же они?

Женщина вдруг посуровела, будто вопрос Олега был ей очень неприятен. Но все же ответила:

– Ну, знамо где... Работают.

С этими словами она снова взялась за свою метлу, вдруг утратив к Олегу всякий интерес. Он не стал ей надоедать, достал сигареты и закурил. Вдалеке послышался шум движущегося поезда, и над дальним леском поднялось в воздух и закружило воронье.

Неожиданно вокруг сильно потемнело, красный кирпич станционного здания превратился в серый шлакоблок, и даже желтый песок, которым были посыпаны дорожки, стал неприятного грязно-коричневого цвета.

Озадаченный Олег тряхнул головой, прогоняя внезапное наваждение. Ему показалось, что на окрестный пейзаж накинута вуаль; он стал безжизненным, словно его нарисовал как декорацию бездарный театральный художник и выставил на просушку.

Ошеломленный Олег перевел взгляд на Танюху – и едва не охнул. По перрону, шоркая метлой, передвигалась, по-утиному переваливаясь с ноги на ногу, старая бабка, одетая по-деревенски – в длинную юбку и кофту домашней вязки, протертую на локтях.

Ее лица он не видел, так как смотрел со спины, но клок седых волос, выбивающийся из-под черной, в мелкий горошек, косынки подсказывал ему, что Танюху каким-то образом не только переодели, но и подменили, притом молниеносно.

Как это ни удивительно, но художник при виде такой метаморфозы почему-то не испытал большого потрясения, как можно было ждать. Может, потому, что «сеанс» Ожеги был для него более сильным эмоциональным стрессом, нежели неожиданное превращение молодухи в старую бабку.

Олег сел на скамейку и закрыл глаза. Художник не отдавал себе отчета в том, что делает. Словно кто-то невидимый отдал ему приказ, и он исполнил его, не задумываясь.

Когда он наконец поднял веки, снова сияло солнце, трава и лес были зелеными, на клумбе радовал глаз цветочный ковер, песок опять пожелтел, а значительно помолодевшая Танюха готовилась встречать показавшуюся из-за перелеска электричку.

Олег вытаращился на нее, как на привидение. Нет, точно, это была она, а не какая-то грязная бабка. «Лечиться те надо, паря», – раздался в голове знакомый насмешливый голос.

«Надо», – ответил сам себе Олег. Такие вещи блазнятся только шизофреникам. Или очень впечатлительным натурам с временно травмированной психикой.

– Скажите, а почему вы так сильно удивились, когда увидели меня? – вдруг спросил он Танюху, повинувшись спонтанному порыву.

Женщина замаялась, но все-таки ответила после небольшой паузы, старательно избегая взгляда художника:

– Те, кто уезжают с Беляем, никогда не возвращаются...

Электричка, как и следовало ждать, была пустой. Наверное, эта последняя станция на маршруте не пользовалась у людей большой популярностью.

И то верно – деревенские жители не шибко большие путешественники. Город их пугает, город на них давит, и только необходимость в приобретении кое-каких продуктов и одежды может заставить крестьянина совершить вояж в близлежащий населенный пункт, имеющий городской статус.

Что касается тех деревенских, которые навсегда порвали с землей и переехали из родной избы на городской асфальт, то их всегда мучает тоска по той нереально простой, доброй и почти сказочной жизни, что осталась в воспоминаниях и старых выцветших фотографиях,

сделанных заезжим фотографом.

Олег сидел в пустом и гулком вагоне электрички и размышлял над словами Танюхи. Что значит «... никогда не возвращаются»? Возможно ли такое?

Возможно, ответил сам себе художник. В том случае, если сюда приезжают те, кто возымел желание уйти от мира. Таких индивидуумов сейчас немало.

Конечно, окрестные места – не монастырь, но глухомань конкретная. С одной стороны – практически полное отшельничество, а с другой – свобода, которой нет в монастырях. Не все могут выдержать постриг и заключение в четыре стены.

Но тогда причем тут Беляй?

Хотя... В принципе, где-то понятно. Наверное, только у него есть желание без особой выгоды мотаться на станцию, чтобы отвезти очередного кандидата в анахореты[26] туда, где его не будут тревожить мирские страсти и где он освободится от грехов.

Получается, что Беляй – местный Харон[27], невольно улыбнулся Олег. Затеряться в этой глухомани – все равно, что умереть. Как старый прохиндей узнает, что прибыл его очередной «пассажир»? Чего проще – всеведущая Ожега подсказывает.

Теперь Олег совершенно не сомневался в ее выдающихся экстрасенсорных способностях...

Начиная со следующей станции, вагоны электрички начали постепенно заполняться. Народ был самый разный: и дядьки с мешками, и студенты, и бабульки с кошелками, и даже люди более состоятельные, имеющие свой личный транспорт, но не рискнувшие бить его по бездорожью.

Они держались особняком, поглядывая на остальных со странной смесью отстраненности, напыщенности, брезгливости и полного отсутствия желания слиться с общей массой.

«Наш средний класс», – с горечью подумал Олег. Люди, которые покинули один берег реки и никак не доберутся до другого. Так и болтаются неприкаянно между двух берегов, как щепка в проруби, раздираемые противоречивыми чувствами: жаждой богатства и вседозволенности новоявленных нуворишей и тягой к патриархальным ценностям и простому, но хорошо обеспеченному быту.

Неожиданно Олега будто шилом укололи в заднее место. Он даже привстал с сидения, дабы убедиться, что его глаза не врут.

Мимо вагона с независимым видом продефилировал молодец с очень знакомой кошачьей физиономией, обладатель жиденьких усов. Это был тот самый «доброхот», который помог Олегу сесть в электричку, когда художник отправлялся в свое путешествие на пленэр.

«Сволочь!» – с ненавистью прошипел Олег, сжимая кулаки. Он уже хотел выскочить на перрон, чтобы разобраться с этим сукиным сыном по полной программе, но тут двери вагона закрылись, и электричка начала набирать ход.

Художник теперь был уверен на все сто процентов, что пропажа его портмоне с деньгами – дело рук именно этого негодяя. Но что подвигло вора-карманника столь высокой квалификации забраться в такую глушь? Вряд ли его могут прельстить кошельки крестьян, похожие на тощее вымя выдоенной козы.

Олег бился над разгадкой этой головоломки до самого города. В принципе, шустрый вор его мало интересовал – что было, то прошло, портмоне назад не вернешь, не говоря уже о деньгах. Художник всего лишь хотел до поры до времени выбросить из головы черные

мысли, навеянные сеансом весьма необычного гадания в избе Ожеги.

Город встретил Олега обычной суетой. Все куда-то спешили, толкаясь и переругиваясь. Ему тоже досталось – кто-то так наподдал ему в спину локтем, что художник едва удержался на ногах.

Когда он восстановил равновесие, ему вдруг пришла в голову мысль, что это опять действуют воры. Он схватился за карман, но тут же, смеясь, опустил руки: красть у него было абсолютно нечего. Оставшиеся от покупки билета деньги (ему пришлось долго уговаривать билетера, чтобы тот принял доллары вместо рублей) он вернул на прежнее место – в загашник, который находился в этюднике.

Что касается паспорта, то он ушел вместе с портмоне, и теперь нужно было терять время, чтобы получить дубликат.

Повздыхав немного на предмет своей невезучести, Олег сел в трамвай, и старое дребезжащее чудище потащило его по отполированным до блеска рельсам мимо высоких тополей, образовавших аллею. Солнце уже скрылось за домами, и тихий вечер окунулся в густой и вязкий смог, висевший над городом.

«Пойду в кабак, – решил Олег. – И напьюсь вдрызг. А завтра...». Тут на его лице появилась такая мрачная и зловещая улыбка, больше похожая на звериный оскал, что сидевшая рядом с ним девушка, до этого строившая ему глазки, испугалась и резко отодвинулась к окну.

Олег не заметил ее реакции. Он погрузился в мрачные мысли и воспоминания, которых избегал, пока ехал в электричке. Со стороны могло показаться, что он спит с открытыми глазами.

Глава 9

В их семье всегда присутствовала какая-то тайна. Когда Олег был маленьким, он это чувствовал, а когда вырос – уже знал.

Средоточием тайны был дед. Он вел странную жизнь. Время от времени дед надолго исчезал (иногда на целых полгода), а когда возвращался домой, то закрывался в своей мастерской и работал сутками, как одержимый, нередко забывая про еду.

Но самое главное – домочадцы никогда не спрашивали, где он путешествовал, а дед о своих поездках не проговаривался даже на хорошем подпитии. Версия в ходу была только одна – ездил на этюды. К примеру, в Сибирь, а может, и дальше.

Дед в основном писал пейзажи и марины. Его коньком была однослойная живопись «а ля прима».

Он буквально штамповал живописные полотна. И нужно сказать (теперь Олег уже мог судить об этом вполне профессионально), некоторые его пейзажи были просто гениальными. За ними охотились многие музеи, в том числе и зарубежные.

В общем, дед в мире искусства был известной личностью.

Но иногда на него находило, и он начинал работать в манере старинных мастеров. Это было долгое и муторное занятие.

Дед самолично грунтовал холсты, долго выдерживал их, отбеливал грунт в хорошо освещенной комнате, как бы добавляя солнечной энергии в еще не нарисованную картину, осветлял масла для живописи, а иногда даже сам себе мастерил кисти, тщательно укладывая волосок к волоску.

Потом он делал подмалевок, чаще всего темперой, и покрывал его слабым раствором клея и разведенным даммарным или мастичным лаком.

Затем по подмалевку шли прописки. И начиналась многодневная работа тонкими красочными слоями, на которую у Олега никогда не хватало терпения. На последнем курсе института студентов заставляли делать копии из картин известных художников, в том числе и эпохи Возрождения, которые в основном и применяли лессировки[28].

Живой и энергичный Олег готов был от злости покусать своих преподавателей, потому что не имел ни малейшего желания часами торчать за мольбертом, тщательно подбирая краски и тоновые сочетания и елозя кистью по одному месту на холсте десятки раз.

Однажды по окончании института он все же попробовал написать в таком стиле большое полотно, и проклял все на свете. Дело в том, что каждую прописку можно наносить только на хорошо просохшие нижележащие красочные слои. А это процесс весьма длительный, зависящий от толщины красочного слоя, от того, какие краски были использованы, от грунта, и наконец от внешних условий.

В конечном итоге Олег все же закончил картину, только более корпусными мазками.

Как это ни странно, дед в зрелом возрасте никогда не писал изображений человека. А что он и в этом деле был большим мастером, никто не сомневался – несколько портретов его кисти выставлялись даже в Третьяковской галерее.

Правда, они были написаны дедом в глубокой молодости.

Метастазами тайны был поражен и отец Олега, главный инженер оборонного предприятия, доктор технических наук и орденосец (он погиб в 1998 году). Однако, несмотря на звания и регалии, отец не был в восторге от своей профессии. Он родился чистым гуманистом и поступил в технический вуз только под нажимом деда.

А еще отец любил рисовать. Он был графиком, что называется, от Бога, хотя это мало кто знал.

У Олега хранилось несколько рисунков отца, которые он умыкнул тайком (обычно отец сжигал свои работы, словно стеснялся своего хобби). Они были просто потрясающими – и по замыслу, и по исполнению. А ведь отец никогда не учился художественному ремеслу.

Лишь когда дед умер, Олег узнал от отца, что он тоже мечтал поступить учиться на художника, но упертый родитель был категорически против – уж неизвестно, из каких соображений.

А его авторитет в семье был непререкаем.

Таинственной была и смерть бабушки. Она умерла молодой, когда отцу исполнилось шесть лет. Врачи не нашли у нее никакой болезни, и тем не менее она без видимых причин за полгода истаяла, как свеча.

Но самое странное – дед считал себя виновным в ее смерти. Об этом он не говорил никому, и повинился в приступе редкой откровенности только Олегу уже на излете своей жизни.

В чем заключалась его вина, дед тогда так и не сказал. Он лишь туманно намекнул на свой

талант, в котором как раз и было заключено все зло. Тогда Олег его намеки по молодости пропустил мимо ушей – дед был изрядно подшофе.

И лишь после смерти деда до Олега дошло, почему тот строго-настрого запретил ему писать портреты, даже взял с него слово. Увы, дошло слишком поздно. Он нарушил обещание, данное деду.

Последствия этого необдуманного мальчишеского поступка были трагическими...

Квартира казалась нежилой. Олег даже почуял запах плесени. Недовольно морщась, он подошел к деревянной хлебнице, открыл ее и чертыхнулся – уезжая, он забыл выбросить в мусоропровод остатки хлеба. И теперь они почернели и покрылись грибком.

Почистив хлебницу и вымыв ее, он открыл все форточки, чтобы проветрить квартиру, и полез под душ. Ему хотелось соскрести не только грязь с тела, но даже верхний слой кожи, который, как казалось художнику, пропитался миазмами болота, которое едва не похоронило его бесследно в своих бездонных яминах.

Он тер мочалкой с таким остервенением, что тело стало красным, будто панцирь у вареного рака.

Закончив водные процедуры и побрившись, Олег оделся, захватил с собой свои последние сбережения (к долларам он добавил еще и несколько сот рублей, которые нашел, пошарив по карманам парадно-выходного костюма – он у художника был единственным), и поехал в «Олимп»; естественно, на трамвае.

Олега встретил сам хозяин «Олимпа» Усик Сарафян. Они были знакомы накоротке, поэтому их встречи не обставлялись различными церемониальными ухищрениями.

– Вах, вах, дарагой, почему так долго не приходил? – Усик, сияя, как начищенный медный таз, и тряс руку Олега с таким воодушевлением, словно не видел его, по меньшей мере, года два и они были родственниками.

– Потому что твои архаровцы взяли за моду подавать «паленую» водку.

– Ты что такое говоришь, слюшай, а?! Мой не держит паленый водка. Мамой клянусь!

– Передашь привет своей маме, у нее хороший сын, а пока скажи, где мне приземлиться.

– Пойдем, дарагой, пойдем... Хороший место. Держал для тебя. Как знал, что придешь. Садись, а. Дэвушка хочешь? Нэ хочешь? Правильно делаешь. Эй!... – Тут Усик подозвал официанта, и что-то затарахтел ему по-армянски. – Вот он тебя обслужит. По высшему разряду. Вах, вах, кого я вижу?! – вскричал Усик, бросаясь к входной двери, где появились новые клиенты.

Художник улыбнулся. Сусик в своей стихии. Когда хозяин бара присутствует в «Олимпе», то кажется, что в глазах он даже не двоится, а множится, и по залу мечутся с десятков Сарафянов.

Олега и впрямь обслужили с потрясающей быстротой. Едва он выпил первую рюмку и приналег на закуски, как кто-то невежливо цапнул его за плечо.

– Здорово, друг! – послышался, что называется, до боли знакомый голос.

Олег обернулся и увидел поэта Хрестюка. Он уже был на хорошем подпитии. В левой руке поэта находился наколотый на вилку огурец; он держал ее перед собой как распятие.

– Налъешь стопарь? – спросил Хрестюк, и, не спрашивая разрешения, тяжело плюхнулся в креслице напротив Олега.

«А куда денешься...», – обречено подумал Олег, подозвал официанта и попросил его принести еще один столовый прибор.

Хрестюк выпил, отгрыз кусочек огурца, и сказал:

– Мы тебя искали...

– Кто это – мы?

– Ну все... наши.

Олег понял. Словом «наши» Хрестюк обозначил теплую компашку в лице Фитиалова, Вавочкина, Прусмана и Шуршикова.

– Зачем?

– А ты не знаешь?

– Что я должен знать?

– Тю-тю на тебя. Тогда помянем... – И Хрестюк, не спрашивая разрешения, снова наполнил рюмки.

– Кого помянем?

– Фитиалова. Царство ему небесное-е...

– Погоди! Он что, умер?!

– А я о чем тебе талдычу? Как есть умер. Раз! – и нету Фитиалова. Всмятку, в форшмак. Грузовик переехал. Тяжелый. И где? В самом центре, возле памятника Приапу[29].

Памятник, упомянутый Хрестюком, связывали с именем мифического Приапа только люди хорошо образованные, знакомые с историей древнего мира. Простой народ называл его по-иному... в общем, не совсем литературно.

На самом деле это был памятник одному из героев гражданской войны, который «прославился» массовыми расстрелами пленных белогвардейских офицеров и кадетов. Скульптор, который его вылепил, наверное, был или очень невнимательным человеком, или большим шутником.

Если обойти памятник кругом (он стоял посреди небольшой симпатичной площади в пешеходной зоне) и посмотреть на него с определенной точки, то два пальца опущенной вниз руки героической личности весьма напоминали детородный мужской орган, притом очень даже солидных размеров, прилепленный именно в том месте, что и нужно.

Возле этого памятника любили фотографироваться новобрачные. И нужно сказать, что на людей, не знакомых с городскими достопримечательностями, фотоснимки производили неизгладимое впечатление.

– Фитиалов мертв... – Олег был поражен до глубины души.

Именно с ним он хотел встретиться в первую очередь, чтобы прояснить некоторые моменты своего путешествия на пленэр.

– Угу. Мертвее не бывает. Хоронили в закрытом гробу. Его буквально расплющило. Грузенный кирпичом КАМАЗ – это не фунт изюма. Так мы пьем или как?

– Пьем...

Олег машинально выпил, даже не почувствовав вкуса водки. Его план начал рушиться уже на начальной стадии. Ах, как не вовремя Фитиалов отправился в заоблачные выси! Или куда там его определяют, взвесив все доброе и злое в душе безвременно усопшего художника.

А может, вовремя? У Олега от страшной догадки вдруг вспотели ладони. Как там сказала Ожега? «Не иди по той дорожке. Иначе она принесет горе не только тебе, но и другим, невинным, людям...»

Сказала, а объяснить, разложить по полочкам свои, в основном не очень связные и большей частью невнятные предсказания, напоминающие катрены Нострадамуса, не захотела.

Ожега много чего наговорила...

– Шуршиков спонсора нашел, – снова закусив огурцом, с завистью заявил Хрестюк. – Везет же человеку... А тут бьешься, бьешься – и все пули мимо. Никому поэзия не нужна. А за свой счет много не издашь.

– Неужто спонсор подписался профинансировать все четыре тома? – удивился Олег. – Это же сколько бабок нужно...

– Пока только один. Но думаю, что Шуршиков втиснет в эту книгу весь свой опус.

– Это как?

– Сократит. Когда в произведении одна вода, ее просто сливают.

Выпив еще одну рюмку, Хрестюк величественно удалился к своему столу, все также держа в руках вилку с огрызком огурца. Там его с нетерпением ждала компашка, состоящая из прыщавого худосочного «ботаника» в очках – наверное, начинающего поэта, и двух экзальтированных девиц.

От любопытства они даже подпрыгивали на своих креслицах, чтобы увидеть, с кем там разговаривает их кумир.

Олег хорошо знал эту породу прилипал, любителей потусоваться за чужой счет и погреться в лучах чьей-нибудь славы. Они проникали на любую, даже самую закрытую вечеринку, не говоря уже о презентациях. Как это им удавалось, было большой загадкой.

Тем временем в баре народу еще прибавилось. За столик к Олегу изрядно вспотевший от беготни Усик с извинениями подсадил двух иностранцев, отчего художник некоторое время пребывал в изумлении.

Что они забыли в «Олимпе»? Заведение Сарафяна трудно было отнести к престижным, где обычно пробавлялись зарубежные гости.

Один из них был низенький толстяк в клетчатом жилете, а другой – длинный, как жердь. Лицо первого лоснилось и напоминало блин в масле, посреди которого торчал сизый нос (похоже, толстяк был весьма неравнодушен к спиртному), а постная худая физиономия второго больше приличествовала протестантскому проповеднику.

Наверное, он пришел в бар лишь для того, чтобы составить компанию приятелю.

– Хэлоу! – дружно поприветствовали Олега иностранцы, улыбаясь не совсем натурально, но широко.

Пришлось и Олегу изобразить приятную улыбку и вежливо кивнуть.

– Икскьюз май дистебинн ю[30], – сказал толстячок, почему-то подмигивая Олегу.

– Не понимаю, – развел руками художник.

– А немецкий язык вы знаете? – по-немецки спросил толстяк.

– Найн[31]... – ответил Олег, смущенно улыбаясь; и продолжил, перемежая русские и немецкие слова: – Мои познания в немецком не распространяются дальше муттер-фатер[32]. Школьный курс...

– Итс э пити[33]! – воскликнул толстяк.

Толстяка так и распирало желание с кем-нибудь поболтать, но его товарищ был мало расположен к разговорам. Он сидел прямо, как гвоздь в доске, и глядел на Олега ничего не выражающими глазами голубовато-водянистого цвета.

Жердьяй (так мысленно окрестил его Олег) был одет в черную пару, и казалось, что собрался провести вечер не в увеселительном заведении, а отметить на поминках.

Нужно сказать, что Олег знал оба языка. Это была заслуга деда, который слыл полиглотом. В мастерской деда они старались разговаривать только по-немецки, и иногда по-английски. Но Олег старался не афишировать свои познания по этой части.

С иностранцами ему почти не доводилось встречаться, а выпендриваться перед коллегами, в основной своей массе не владеющими чужими языками, он считал неприличным. И уж тем более у него не было желаний болтать с этой странной парочкой.

Заказ для иностранцев принесли быстро (нужно сказать, Усик не ударил в грязь лицом – все было с пылу, с жару, высшего качества). Они быстро разлили водку по стопкам и, дружно улыбнувшись Олегу, – чин, чин! – выпили ее одним духом, чисто по-русски.

«Это же надо... – подумал он, мысленно рассмеявшись. – Что значит свобода передвижений. Мир без границ. Скоро и в Африке будут употреблять сорокаградусную как наши русские мужики. Хлоп – и нету стаканчика. Дурной пример заразителен...»

Вечер шел своим чередом. Олег постепенно наливался водкой, но мрачные мысли никак не хотели покидать его черепную коробку. Они бестолково суетились, сталкивались, разбивались вдребезги, и осыпались вниз с неприятным шорохом – будто кто-то сыпал на гулкую железную крышу мелкую щебенку.

Иностранцы тем временем тоже не отставали от Олега. Особенно усердствовал толстяк. Он пил и ел даже не за двоих, а за четверых. Как показалось художнику, куски жаркого толстяк проглатывал, даже не разжевывая.

При этом он почти безостановочно молот языком, совершенно не заботясь, слушает его речи жердьяй, или нет. На Олега не обращали внимания ни тот, ни другой, будто художника и не было за столом.

В конечном итоге Олег, который совсем отключился от окружающей действительности и весь вечер провел в горестных раздумьях, слабо подивился таким уникальным способностям толстого обжоры – есть в три горла и тараторить даже с набитым ртом. И опустил взгляд на стол – уже не удивленный, а озабоченный, чтобы прикинуть, сколько он должен заведению

Усика за ужин.

Пора было отправляться домой.

Олег не сильно переживал, что у него не хватит денег оплатить счет. Он знал, что Сарафян не станет устраивать скандал, а всего лишь возьмет его «на карандаш». Правда, потом придется заплатить с процентами, но такова уж капиталистическая жизнь.

Денег оказалось в обрез. На чаевые, конечно, не хватило, но юный официант и бровью не повел. Школа Сусика...

Взял он и доллары (Олег так их и не поменял). У Сарафяна можно было расплачиваться чем угодно, даже ракушками каури[34]. Армянские диаспоры были везде, вплоть до островов Океании, где, как говорят знающие люди, каури до сих пор в ходу.

– Прощайте, господа! – сказал Олег иностранцам, которые смотрели на него вопросительно.
– Мне пора бай-бай. Ауф видэрзеэн[35]!

Иностранцы дружно заулыбались и ответили – тоже по-немецки. Правда, улыбка жердяя была больше похожа на оскал черепа.

Но Олег не стал больше копаться в своих ощущениях – у каждого есть недостатки – и направился к выходу. Его здорово пошатывало, но он старался держаться прямо, что не очень ему удавалось.

«Ну вот... все-таки нализался, – думал он, сражаясь с непокорной входной дверью – она норовила вернуть его обратно. – Исполнилась мечта идиота. А радости нет. Почему?!»

На улице было светло, как днем – возле своего заведения Сарафян установил два мощных фонаря – чтобы «Олимп» был заметен издали. Олег полез в карман за сигаретами, закурил, сделал шаг, другой...

И столкнулся лицом к лицу с тем самым «доброхотом», который, помогая ему сесть в вагон электрички, по мнению художника, украл у него портмоне!

– Негодяй! – вскричал сильно захмелевший Олег, хватая его за лацканы пиджака. – Отдай мои деньги и документы!

– Гражданин, гражданин... вы чего? – забормотал кошкомордый воришка, при этом смешно задержав своими дрянными усишками. – Какие деньги?! Отпустите меня... Караул, убивают, милиция! – вдруг заорал он истошным голосом.

При этом мазурик не просто вырывался из цепких рук художника, но еще и нанес ему несколько чувствительных ударов в живот и один по лицу. Рассвирепевший Олег ответил, его противник упал, и они, не разжимая объятий, начали кататься по выложенной тротуарной плиткой площадке, награждая друг друга тумаками.

В какой-то момент художник так удачно приложился к челюсти вора, что тот невольно разжал руки и отпустил его. Олег вскочил на ноги с намерением употребить своего противника в качестве футбольного мяча, но тут кто-то схватил его за рукав.

Олег с негодованием обернулся и увидел давешних иностранцев.

– Пустите, мне не до вас! – рявкнул он не очень вежливо, и пнул ногой пытающегося встать противника.

– Драка не есть корошо, – назидательно сказал толстяк, продолжая держать Олега за рукав. –

Ви нарушайт орднунг[36].

– Да пошел ты... со своим орднунгом, фашистская морда! – взъярился Олег. – Убери свои грабли, фриц хренов!

– Ругань вам совсем не к лицу, Олег Ильич, – вдруг на совершенно чистом русском языке сказал толстяк. – Как же так: интеллигент, дворянин – белая кость, голубая кровь... А ведете себя, простите, словно какой-нибудь биндюжник.

Ошеломленный художник остолбенел. Кто эти двое?! Шпионы! Точно – они. Но откуда им известно его имя-отчество? Понятно, откуда – следили... За ним следили! И хотят завербовать! Надо срочно...

Что нужно делать в такой ситуации, притом срочно, Олег додумать не успел. Сбоку безмолвной тенью возник жердяй и, не говоря ни слова, коротким замахом сбил художника с ног. Удар жестким, словно железным кулаком был настолько силен, что Олег мгновенно потерял сознание.

Глава 10

Очнулся он от гомона. Открыв глаза, Олег увидел, что лежит на широкой скамье в какой-то клетке. И он в этом узилище был не один – несколько мужчин весьма специфической наружности, смахивающие на бродяг, сбившись в один угол, что-то горячо обсуждали.

Кряхтя, Олег сел. Голова гудела как барабан. Художник ощупал ее и, убедившись, что она цела, надел пиджак, который чья-то заботливая душа подложила ему вместо подушки.

– А, оклемался, соколик! – раздался рядом чей-то веселый голос. – Ну ты вчера и оторвался. На всю катушку. Завидую...

Олег с усилием обернулся и увидел курносого мужика, который приветливо улыбался щербатым ртом. У него был не рот, а почтовый ящик – от уха до уха. Одет он был в рванину, кроме совсем новой – с иголки – куртки.

Увидев, что Олег сосредоточил взгляд на куртке, мужик не без хвастовства спросил:

– Как тебе мой прикид? Сэконд хэнд помогал разгружать, дали... с барского плеча... гы-гы. Есть и штаны, только они великоваты. Надо бы ушить, но с баблом напряженка. А модистка задаром даже пальцем не шевельнет, хоть и знакомая.

– Где мы?

– Не узнаешь?

– Нет.

– Да-а, крепко тебя застолбило... Это же районный «обезьянник». Можно сказать, наш родной дом. Менты и подберут, и обогреют... и обдерут, как липку. Что поделаешь, на то и власть. Теперь вспомнил?

Похоже, мужик принимал Олега за своего.

– М-м... В общем, да... узнаю.

– Ну наконец-то! – почему обрадовался сокамерник. – Меня все кличут Щеглом. Будем знакомы.

– Будем. Олег... – Художник посмотрел на запястье левой руки и опешил – часы исчезли.

Наверное, в драке потерял, вспомнил он свое приключение возле «Олимпа». И тут же в голову пришла другая мысль: «Или менты прикарманили». Часы у него были хоть и старенькие, но швейцарские, именные, подарок деда. Поэтому пропажа очень огорчила Олега.

– Который час? – спросил он Щегла.

– Что, твои котлы тю-тю, помахали крылышками? Гы-гы... Бывает. А час уже шестой. Утро. Скоро придет начальство и начнется переключка. Кого выпустят, а кто дальше продолжит тереть нары, только в СИЗО.

Компания в «обезьяннике» собралась разношерстная. Были здесь и «приличные» люди (если судить по одежде), и откровенная босота, и бомжи вроде Щегла. Большинство из них попало в клетку на хорошем подпитии, поэтому воздух в «обезьяннике» был до предела насыщен винными парами.

– Я что, был без сознания? – Олег пощупал шишку на голове, которая отозвалась глухой болью.

Да, у жердяя рычаги будь здоров... И удар был вполне профессиональным.

Несмотря на происхождение, Олегу часто приходилось драться, особенно в школьные годы. Так что он не был маменьким сынком и удар держать умел.

Но на этот раз его свалили, как быка на бойне. «Вот уроды!» – злобно подумал Олег, вспомнив, как иностранцы в баре разыграли перед ним целый спектакль.

– Не то слово. Как мертвец. Хотели даже врача звать. Но потом плеснули на тебя холодной водой, ты застонал, тут все и успокоилось. Живой, значит. Раньше нас в вытрезвитель доставляли, но теперь он закрыт. Денег у власти не хватает... гы-гы.

Олег промолчал. Ему хотелось пить, но он не решился попросить воды у дежурного, который сидел за столом и читал какую-то книгу. Еще разозлится, что его оторвали от столь важного и приятного занятия, и тогда шишкой не обойдешься. По рассказам знакомых, художник хорошо знал нравы, царившие в райотделах милиции.

«Обезьянник» представлял собой просторную квадратную камеру, одна сторона которой была зарешечена. Как в Америке, с горечью подумал Олег. Хоть по этому пункту уже догнали Запад...

Олега вызвали ближе к девяти часам утра. В камере уже осталось всего ничего – три человека. Остальных – в том числе и Щегла – выпустили, а кое-кого увез «воронок».

– Фамилия, имя, отчество? – сухо спросил пожилой майор, посмотрев на Олега как на пустое место.

– Радлов Олег Ильич, – сдержанно ответил художник.

– Адрес?...

Олег продиктовал.

– Род занятий?... Где работаете?... Судимости?...

«Вот и я удостоился быть замеченным нашим государством, – не без иронии думал Олег, наблюдая за собой как бы со стороны. – Наконец-то. Так и живем: кому медали, лауреатские почести и солидный счет в банке, а кому – нары или черный хлеб, на который еще нужно заработать...»

– Что же вы так... гражданин Радлов? – сказал майор, закончив формальности. – Нехорошо.

– Виноват. Выпил лишку... Это со мной такое случилось первый раз. И надеюсь, последний.

– Я не об этом. Выпить не грех. Только меру надо знать. Вот лежит рапорт милицейского наряда, который вас задержал. Сначала вы, покинув ресторан, ни за что избили прохожего, затем подрались с иностранцем. И все же, это еще полбеды. Но оказывается, что при задержании вы оказали сопротивление сотрудникам внутренних дел. А это уже совсем другая статья.

«Пропал... – мелькнула в голове Олега нехорошая мысль. – Посадят... если не заплачу. Мент намекает именно на это. Но где взять деньги? У кого?»

– Сколько?... – спросил он прямо, с вызовом посмотрев на майора.

– До трех лет, – ответил тот, будто не понимая, о чем идет речь.

– Сколько я вам должен? – бухнул напрямик Олег.

– Вы предлагаете мне взятку?

– Нет. Всего лишь хочу оплатить услуги, связанные с неудобствами, которые я причинил милиции.

– Эк вы загнули... – Майор ухмыльнулся. – Сразу видно хорошо образованного человека. Мне ваши деньги не нужны. Мы взятку не берем. Кгм!... Кх, кх!...

Последняя фраза в устах майора прозвучала настолько фальшиво, что он сам это понял и от неловкости поперхнулся. А затем сказал, пряча глаза:

– Благодарите ваших друзей. У вас, оказывается, хорошие связи... Вы свободны, Олег Ильич. И старайтесь больше не попадать в такие ситуации. Вам просто повезло, что в наряде были хорошие ребята. Вы понимаете, о чем я?

– Понимаю. Передайте им мою благодарность и самые искренние извинения.

Олег сразу понял, что имел в виду майор. Обычно при сопротивлении менты не шибко церемонятся. И то, что он отделался лишь одной шишкой, да и ту получил от длинного иностранца, можно было считать большим везением.

– Передам, – ответил майор, немного оттаивая. – Кстати, вот ваши вещи.

Он пододвинул к Олегу картонную коробку с невысокими бортиками. Быстро рассовав свой «скарб» по карманам, он немного растерянно спросил:

– Извините... но здесь нет моих наручных часов.

– Во время задержания у вас не было их, – сухо ответил майор.

– Наверное, забыл надеть, – соврал Олег.

Ему совсем не улыбалась перспектива покачать права; не ровен час, запихнут обратно в «обезьянник», чтобы не выпендривался, и доказывай потом, что не имеешь никакого отношения, например, к торговле наркотиками, которые вдруг как по волшебству оказались в твоём кармане.

Изобразив вежливую улыбку, Олег покинул кабинет майора, едва не бегом проскочил дежурного по райотделу, и вышел на улицу.

«Друзья... – думал он. – Кто бы это мог быть? Вряд ли кто-то из моих коллег. Они скорее утопят, чем бросят спасательный круг. Не зря нашу творческую братию когда-то называли гнилой интеллигенцией. В этом что-то есть... Не знаю, как насчет интеллигентности, а вот гнильцы у нас хватает. Влиятельные друзья... бред! Загадка. Почти что мистика...»

Его недоуменное удивление было рассеяно быстро. Едва он направился к остановке троллейбуса, как рядом остановилась шикарная (перламутр с золотом) «ауди» и раздался чей-то очень знакомый голос:

– Здравствуйте, Олег Ильич! Садитесь, я подвезу вас. Нам по пути.

Олег повернулся – и инстинктивно сделал шаг назад. Из лимузина приветливо скалилась... лошадиная физиономия Карла Францевича! Сегодня он был в светлом клетчатом пиджаке и с красным платком на шее, под черной рубахой. Но взгляд иностранца по-прежнему был неподвижен, тяжел и властен.

– День добрый, – сумрачно буркнул Олег. – Спасибо за приглашение. Но мне нужно в другую сторону.

– Не имеет значения. Я отвезу вас, куда укажете.

– Туда можно добраться только пешком.

– Это, конечно, проблема. Что ж, коль не хотите... Не суть важно. Надеюсь, мою визитку вы не выбросили? Звоните. Но все равно я рад, что вам услужил, пусть и в самой малости.

– То есть?... – Олег удивленно поднял брови.

– Ваша полиция очень коррумпирована – вы это сами знаете – и мне пришлось не просто взять вас на поручительство, но и заплатить, чтобы вы оказались на свободе. Герр майор обещал больше вас не тревожить.

– Так это вы помогли мне выйти из каталажки?!

– Милейший Олег Ильич, а то кто же? В вашей стране благотворительные жесты, насколько мне известно, не в чести. Народ у вас хороший, по-своему добрый и щедрый, вот только его испортил капитализм. Эта формация, знает ли, склонна к ужесточению нравов. А с другой стороны человек становится мягким, бесхарактерным и у него утрачивается способность к сопереживанию. Как это у вас говорится – своя рубашка ближе к телу.

– Как-то странно слышать из ваших уст критику капитализма... – Олег был сильно смущен заявлением Карла Францевича, что это он является тем самым «влиятельным другом», о котором говорил майор, и не знал, как себя с ним держать. – Вы ведь, немец, как я понимаю?

– Правильно понимаете. Да, можно сказать, что я немец. А касательно критики... Я достаточно хорошо информирован, чтобы не принимать на веру различные теории, которые считают капиталистический строй идеальным. Так мы едем?

– Едем, – решил Олег и сел на заднее сидение, рядом с иностранцем.

Шофер плавно дал газ, и «ауди» неспешно покатила по улицам города. Лица его Олег не видел, только толстый, коротко стриженный затылок, потому что водительское место было отгорожено тонированным звуконепропускаемым стеклом.

«Для темных делишек тачка в самый раз», – желчно подумал Олег, который, едва машина тронулась, уже пожалел, что согласился на предложение своего «благодетеля».

«А что если Карла соврал? Может такое быть? Вполне. Этот хитрый немчик непрост, ох, непрост... Узнал, что меня отпускают, и подъехал как раз вовремя. Как узнал? А фиг его знает. Может, случайно, но, скорее всего, через своих информаторов-ментов, которые отправляют ему по электронной почте суточные милицейские сводки. Зачем иностранцу статистика преступлений в отдельно взятом российском регионе? Впрочем, пусть по этому вопросу пусть болит голова у соответствующих органов...»

Карл Францевич будто подслушал мысли художника. Ловким жестом фокусника он достал откуда-то два листа бумаги и протянул их Олегу.

– Это вам на память, – сказал немец, кривя губы своей не очень натуральной улыбкой. – Рапорт наряда, который вас задержал. С подписями. Я прочитал его и должен сказать, получил немалое удовольствие. – Он коротко рассмеялся. – У этих мальчиков чересчур буйное воображение. Они выставили вас настоящим бандитом-рецидивистом.

– Да уж... У наших ментов смекалка работает будь здоров, – ответил Олег. – К столбу придерутся.

– Не вините их сильно. Это издержки профессии. Германские полицейские недалеко ушли от ваших по части эпистолярного жанра.

Олег промолчал. Он напряженно ждал, что скажет дальше этот Карла.

«Миляга, ядрена вошь... – думал художник. – Мягко стелет... Интересно, он знает, ПОЧЕМУ я не пишу портреты? Вроде, сказать ему никто не мог... Да, никто! Тогда откуда?... А ведь его интерес не случаен. Нашел портретиста... С его деньгами (а он явно далеко не беден) и германским паспортом мог бы заказать парсуну в Москве, даже у самого Шилова. Это известное на Западе имя, авторитет. А кто я? Провинциальный художник, да еще вдобавок и неудачник. Никто, ничто и звать никак».

На удивление Олега, его предположение оказалось несостоятельным. Карл Францевич довез художника до подъезда дома, где находилась квартира художника, и любезно распрощался, даже словом не намекнув о заказе, который он предлагал при первой встрече.

Нужно сказать, что Олег, приготовившийся дать немцу резкий отпор, немного растерялся.

– Теперь я ваш должник, – промямлил он, когда покинул салон. – Увы, я сейчас не при деньгах...

– Что вы, что вы... какой вздор! – воскликнул немец. – Как можно! Я ведь от чистого сердца. По велению души.

После этого эмоционального всплеска он вдруг стал строже, сухо попрощался, и «ауди» стремительно сорвалась с места, едва не задавив большого черного кота, которому угораздило усестись как раз на пути машины, буквально в двух-трех метрах от ее бампера. Он наблюдал за «ауди» с пристальным, и как показалось Олегу, кровожадным вниманием, словно это была мышь.

Не успел Олег мигнуть глазом, как лимузин иностранца так быстро исчез за углом, будто его прибрал сам нечистый. Куда-то пропал и кот. Наверное, нырнул в подвал через отдушину.

Художник знал, что в подвале дома живет целый кошачий клан. Когда наступала весна, кошачья семейка устраивали такие громкие и бесконечные «сабантуи», что Олег на время переселялся в свою мастерскую – под этот «концерт» можно было спать лишь высосав на ночь глядя, как минимум, поллитровку беленькой.

Очутившись в квартире, Олег вдруг остановился как вкопанный, даже не закрыв входную дверь. Его поразила мысль: откуда этот Карла знает адрес его местожительства!? Иностранцу об этом он не говорил.

А машина немца остановилась как раз напротив подъезда, в котором находилась квартира художника...

Отчаявшись что-либо понять, Олег обречено махнул рукой, и на время выбросил из головы все, что было связано с таинственным Карлом Францевичем. Перед ним сейчас встала другая проблема, более важная – где взять денег, чтобы сходить в гастроном и купить хоть чего-нибудь съестного.

Ночная отсидка в «обезьяннике» почему-то вызвала чувство дикого голода.

Открыв на всякий случай холодильник, Олег некоторое время смотрел на пустые полки с выражением Робинзона Крузо, который вдруг понял, что оказался на необитаемом острове. Нужно было опять у кого-то занять денег, но у кого именно Олег даже не представлял.

Отчаяние переросло в мрачную хандру, и Олег занялся самоуничижением: «На кой мне такая жизнь?! В стране свобода, которую так долго ждали, мои сверстники в «Мерседесах» ездят и отдыхают на самых фешенебельных курортах мира, а я лишь краски и холсты перевозжу, в долгах весь, как в шелках. Энтузиаст... Бездарь!»

Крик души совпал с дребезжаньем дверного звонка. «Кого там принесла нелегкая?» – с раздражением подумал художник. Он уже хотел открыть дверь, даже не глядя в глазок, но тут же отдернул руку.

А если это пришли коммунальщики? Олег задолжал им, кажись, за полгода. Ему уже рассказали, что в районе создана комиссия, которая передает дела должников в суд, где принимают решения о выселении злостных неплательщиков из их квартир.

– Олешка, отворяй ворота, это я! – раздалось из-за двери. – Чего топчешься?

Облегченно вздохнув, художник отодвинул защелку английского замка и на пороге встал взъерошенный мужичок в майке с блудливыми похмельными глазами. В руках он держал пластиковый пакет, который прижимал к груди так бережно и с такой любовью, словно это был младенец.

– Быстрее замыкай! – сказал мужичок, прошмыгнув мимо Олега. – А то моя, неровен час, еще углядит, куда я подался. Тогда все, хана. Забьет меня, как мамонта.

Это был сосед Олега из квартиры напротив. Его звали Андрюха. Сосед носил фамилию Горемыкин, которая здорово утешала его по жизни.

«Вот ты скажи мне, как образованный человек, – вопрошал он Олега, – может ли хорошо жить, да еще в нашей стране, человек с такой фамилией, как моя? Конечно, нет. Фамилия – это как клеймо на всю жизнь. И на весь род. Вот потому я особо и не переживаю, что не выбился в олигархи. Представляешь – банкир Горемыкин. Бред! По этой причине я и не дергаюсь. Живу, как Бог на душу положит. Одним днем. У нас так полстраны живет...»

– Давай стаканы! – суетился Андрюха возле кухонного стола.

Он достал из пакета бутылку водки, литровую банку с горячей отварной картошкой, кусок молочной колбасы, батон, пучок зеленого лука и в отдельном пакетице малосольные огурцы. «Все-таки, свет не без добрых людей», – подумал Олег, чувствуя, как рот наполняется слюной.

Без лишних слов они быстро разлили водку по стаканам (именно по стаканам; Андрюха другой тары под горячительные напитки не признавал) и выпили. Олег приналег на еду, а его ангел-спаситель тем временем задумчиво жевал зеленые перья молодого лука.

– У бабы был, что ли? – спросил он с интересом, глядя на то, как лихо Олег управляется с харчами.

– Нет. В ментовке, – не стал Олег скрывать от Андрюхи свои ночные приключения.

Андрюха был надежным человеком. Он всегда держал свой язык на привязи. В отличие от собственной жены, которая разносила сплетни по округе как сорока. Она могла трещать языком без умолку часа четыре. Олег уже не раз имел возможность убедиться в ее выдающихся ораторских способностях.

– Правда? Ну ты даешь... Бока намяли?

– Слегка.

– Повезло тебе, братан. Мне поначалу здорово попадало. Это сейчас там у меня кореша. Ежели что, и домой подвезут. Но потом надо поляну накрыть. Менты ведь тоже люди. Если к ним относишься по-человечески, то и они к тебе с дорогой душой.

– Мне трудно судить на предмет человечности наших стражей порядка. Это мой первый опыт.

– Вижу, что сильно волновался. Молотишь за двоих. Да ты ешь, ешь, закусывай. Я как знал, что ты голоден. Картошку сварил... Хорошо, что моя сейчас смотрит какой-то дурацкий сериал. Про любовь. Закрылась в зале – и не подходит. А я в это время отдыхаю. Плохо только, что мало сериалов женских дают. От силы два-три. Надо, чтобы день и ночь их крутили. Вот была бы мне тогда лафа...

– Напиши на телевидение. Так сказать, голос народа. Может, прислушаются.

– А это идея. Ну что, еще по единой?

– Наливай...

Выпили. Олег неторопливо сгрыз огурец и потянулся за куревом. Сытость пришла внезапно, и его потянуло на сон.

– Как ты насчет кофе? – спросил он Андрюху. – У меня, кажись, осталось немного зерен.

– Отрицательно. После кофе я трезвею. Зачем тогда было пить?

– Логично. Ну, как знаешь. А я себе сварю. Иначе усну прямо за столом.

– Хозяин-барин... Твои дела. А я пока отмечусь в туалете...

Кофе немного взбудрило Олега, и они допили бутылку. Андрюха повертел ее в руках и со вздохом сожаления отправил под стол.

– Не мешало бы продолжить, – сказал он с кислым видом. – Но у тебя, как я уже понял, в карманах голый вассэр, а моя куда-то бабки заныкала. Спрячет, а потом сама не может

найти, где положила. Я однажды нашел целых пять тысяч. Погудел конкретно... Знаешь, где они лежали? Никогда не догадаешься. В старом утюге. В асбестовую ткань были завернуты – на всякий случай. У нее сейчас новый утюг, импортный. Мой подарок ей на день рождения. Чтобы не зудела: ой, у Машки то, у Машки сё, куда не кинь взглядом, везде новье, а у нас даже утюг пенсионного возраста... Бесконечная песня.

– А как ты вычислил, что деньги в утюге?

– Нечаянно. Хотел робу после стирки прогладить старым утюгом (до нового меня и на пушечный выстрел не подпускают), а он не фурычит, один проводок оборвался. Ну, я его и разобрал, чтобы отремонтировать.

– Твой случай еще раз подтверждает азбучную истину: нет ничего такого тайного, которое не стало бы явным.

– Мудрено, но не в бровь, а в глаз.

– И что потом тебе было? Не думаю, что твоя ненаглядная не сообразила, куда девалась ее записка.

– Ха-ха... Я ж не совсем дурак, хоть и Горемыкин. Я взял старый утюг и выбросил его на помойку.

– И что, все обошлось тихо-мирно?

– Разве ты мою не знаешь? Вопила, как резаная. Я едва не оглох. Она всю помойку перерыла в поисках утюга, но нашла только пластмассовую ручку. Железо забрали бомжи, чтобы сдать на металлолом. После этого случая она не прятала от меня деньги месяца два. А потом снова принялась за старое. Ну скажи, разве от семьи сильно убудет, ежели я в выходные выпью бутылку-две? Или я мало зарабатываю?

– Она у тебя очень рачительная хозяйка, – утешал Олег соседа, как мог. – Нужно простить ей эту маленькую слабость.

– У нее таких слабостей знаешь сколько? А, что я тебе тут бакланю?! Вот женишься, тогда и узнаешь почему пуд лиха.

Андрюха решительно встал.

– Пойду, пошакую денюжат у Ван Ванюча, – сказал он с некоторым сомнением в голосе. – Он вроде бы вчера пенсию получил. Правда, у него снега зимой не выпросишь, но попытаться стоит.

– Андрюха, без меня. Я устал как собака. Хочу полежать. За угощение спасибо. Разбогатею, в долгу не останусь.

– У нас можно разбогатеть только тогда, когда что-нибудь уворуешь, притом по-крупному. А мы с тобой честные люди. Точнее, невезучие – украсть нечего и негде. В этом вся проблема. Не переживай, сочтемся. Все, я потопал, бывай. Банку потом заберу...

Андрюха ушел. Олег прилег на диван, включил телевизор... и незаметно уснул. За окном потемнело, на город надвинулись серые тучи, и пошел обложной дождь, долгий и нудный.

Пробудился Олег мгновенно, будто и не спал. Кровь в жилах, еще совсем недавно вялая, почти старческая, теперь бурлила, будто в нее влили не стакан водки, а полведра адреналина.

Мурлыча под нос назойливый мотив типа «Ути-пути, миленький мой...», но со скабрезными вариациями, Олег принял контрастный душ, после чего и вовсе взбрыкнул, как молодой жеребчик.

«Может, к Милке завестись? – подумал он, задумчиво рассматривая в зеркале свое отражение. – Неплохо бы и поужинать на халяву. На трамвай я наскребу... А бутылка у нее всегда имеется в наличии. Не говоря уже о еде. Только побриться не мешало бы...»

Милка (или Милена Шостак) была его однокурсницей по институту. В отличие от Олега, она оставила станковую живопись и занялась дизайном интерьеров. У нее даже была своя небольшая фирма. И нужно сказать, дела у Милки шли прекрасно. Она умела находить денежных клиентов, а еще лучше у нее получалось компостировать им мозги.

Когда-то (в студенческие годы) у Олега с Милкой был роман. Он длился ровно месяц, а потом ветренная девица заявила: «Прости, я не создана для моногамной любви. Нет, ты не наскучил мне, но вокруг столько соблазнов... А обманывать тебя не хочется. Неприлично...»

Они остались друзьями, хотя Олег первое время и дулся на Милену. Но у нее был такой легкий и доброжелательный характер, что вскоре все обиды забылись.

Побрившись, Олег натянул на себя походную куртку, – ту, в которой он путешествовал – не без оснований решив, что ночью никто не разглядит его не совсем чистую одежду. А деньги – немного мелочи – он добыл, распотрошив копилку.

Нет, Олег не занимался мелким накопительством. Просто на него иногда находил стих, и Олег бросал в копилку монеты, чтобы они не оттягивали карманы.

Закрыв входную дверь, он сунул ключи в один из карманов куртки – и оцепенел. Не может быть! Не веря своим ощущениям, художник медленно вытащил руку наружу с зажатым в ней предметом, который никак не должен был находиться в его одежде.

В руке у него было портмоне!!!

То самое, которое умыкнул карманный вор во время посадки Олега в электричку. Как оно могло оказаться в кармане куртки?! Вывод напрашивался только один – портмоне подбросили. Но когда и кто?

В райотделе милиции многочисленные карманы куртки не только прощупали, но и вывернули наизнанку. В момент задержания портмоне у него точно не было.

И что тогда получается? После выхода из «обезьянника» он контактировал только с иностранцем. Выходит, портмоне подбросил Карл Францевич? Но ведь они сидели не рядышком, между ними было пространство, и кстати, портмоне лежало в правом кармане, а Олег сидел к немцу левым боком.

Неужто все это козни иностранца?

Совсем сбитый с толку Олег открыл портмоне, пошарил по отделениям, но нашел только паспорт и свои визитки. Деньги исчезли.

А что если портмоне подбросил Андрюха? – подумал Олег. Мог он это сделать? По идее, мог.

Вернее, имел такую возможность. Андрюха выходил в туалет, куртка висела в прихожей. Но зачем все это Андрюхе? И кто его подвиг на такое дело?

Нет, это невозможно! Андрюха сказал бы. Значит, все-таки иностранец? Но тогда он или гипнотизер, или фокусник.

Правда, были еще варианты. Портмоне мог засунуть в карман кто-то из обитателей «обезьянника» или менты. Например, тот же майор. Интересно, сколько дал ему на лапу Карл Францевич, чтобы меня выпустили?

Но про то ладно. Есть голый факт – украденное портмоне чудесным образом возвращается на место. Правда, без денег, но с документами, что избавляет Олега от утомительных и длинных процедур по получению дубликата паспорта.

Факт тянет за собой вполне закономерный вопрос: кто и по какой причине затеял интригу с похищением и возвращением портмоне? Конечно, Олег знал, что карманные воры иногда подбрасывают своим жертвам документы, уворованные у них вместе с деньгами. Наверное, таким образом они снимают с себя часть греха.

Однако, на этот раз был совсем другой случай. В этом художник уже уверился. Он пока не мог связать домыслы и факты воедино, но то, что вокруг него закрутили какую-то интригу, Олег уже почти не сомневался.

Ладно, будь, что будет! – сказал он сам себе. А пока держим прежний курс – еду к Милке.

Решительно потрянув головой, Олег засунул портмоне во внутренний карман – не в тот, что был вспорот, а в другой – и застегнул его на «молнию». Художнику совсем не улыбалась перспектива еще раз потерять документы.

Когда он сел в лифт, ему вдруг показалось, что за ним наблюдаю чьи-то недобрые глаза. Олег резко обернулся, но увидел лишь двери соседней квартиры; там жил пенсионер Ван Ваныч, скопидом и жмот.

Поговаривали, что он служил в НКВД, но сам Ван Ваныч утверждал, что ему пришлось повоевать, правда, с японцами, за что его и наградили то ли боевым орденом, то ли медалью. По крайней мере, в День Победы Ван Ваныч щеголял в кургузом пиджаке, сплошь увешанном блестящими цацками, преимущественно медалями, которые вручались ветеранам на различные юбилеи.

До Милены художник добрался без приключений. Он даже совершил своего рода «подвиг» – на последние копейки купил у припозднившейся бабули-торговки скромный букетик полевых цветов.

Наверное, она просто сжалилась над ним, когда увидела, как он перетряхивает все карманы в поисках мелочи.

Домофон долго не отвечал, и Олег уже начал опасаться, что Милка куда-нибудь заваялась. Конечно, можно было предварительно ей позвонить, но он знал, что к городскому телефону его бывшая подружка обычно не подходит, а визитку с номером ее мобилки он где-то посеял.

– Кто стучится в дверь моя? – наконец раздался в домофоне веселый и немного пьяный голос Милки.

– Это Геббельса твоя, – в тон ей ответил Олег, вспомнив бородатый анекдот о чукотском театре, поставившем пьесу про фашистов.

– Алька, это ты?!

– Нет, тень отца Гамлета.

– Вот так сюрприз. Входи...

Щелкнул язычок электрического замка, и Олег очутился в подъезде.

Он разительно отличался от подъезда его дома. Художнику показалось, что он попал в вестибюль какого-нибудь банка. Новая плитка на полу, красиво отделанные стены, на окне гардины, живые цветы в больших керамических горшках, картины, возле двери коврик, рядом с дверью – электрическая машинка для чистки обуви...

«Шикарно живут наши бизнесмены... – не без зависти подумал Олег. – Не то, что мы, голота...»

Как-то так получилось, что его дом, хотя и находился в центральном районе города, но не считался престижным. Поэтому в нем продолжали жить простые люди, тогда как многие квартиры в соседних домах были выкуплены «новыми» русскими.

– Алька... – Милена буквально прыгнула ему на шею и поцеловала взасос. – Сто лет тебя не видела. Как хорошо, что ты пришел... Ой, это мне?! – воскликнула она, когда Олег вручил ей букет. – Спасибо, Алька, огромное спасибо. Тронута. Обожаю полевые цветы.

– Милка, только не соврачай меня страстными поцелуями. Я мужчина холостой, а потому женщины мне пока еще не надоели. Как бы чего не вышло.

Милена рассмеялась грудным зовущим голосом и ответила:

– А это я, чтобы напомнить тебе о нашей беспечной юности. Иначе ты не раскрепостишься. Я тебя знаю. Гении все такие – зажатые.

– Нашла гения...

– Не нужно прибедняться. Ты был лучшим на курсе. Уж я-то знаю. Что стоишь? Проходи. Не смущайся, у меня гости.

В просторной гостиной был накрыт стол, вокруг которого сидело несколько человек. Они уже были на хорошем подпитии, поэтому не обратили на Олега особого внимания. За исключением одного человека. Художник мысленно возопил: «Не может быть!»

Навстречу ему приветливо скалился Хрестюк.

– Как приятно видеть знакомое лицо! – с воодушевлением воскликнул поэт, ловким движением поймал безвольную руку Олега, и с воодушевлением потряс ее. – А я думаю, с кем выпить?

– Привет, – буркнул Олег и сел на стул рядом с Хрестюком. – Я рад, что могу решить твою проблему.

Возле стола было всего два свободных места: одно – во главе – конечно же, принадлежало Милене, а второе оказалось свободным. Видимо, Хрестюк пришел без дамы.

В это время в гостиную вихрем влетела Милка с двумя бутылками виски в руках, быстро познакомила Олега со всеми присутствующими (кое-кого он уже знал), и все дружно выпили за товарища, присоединившегося к их компании. Потом выпили еще, и еще, и еще...

Тосты были просты, бесхитростны, но по сути: «Ну, за единение!», «Ну, за искусство!». И так далее.

Олегу хотелось поболтать с Миленой, но ее вниманием завладел крутой мэн с золотой цепью на шее. Художник знал его – это был известный в городе банкир, из молодых.

Банк ему сделал папа, он же нашел денежных клиентов, но юнец считал, что у него семь пядей во лбу и потрясающая коммерческая хватка.

К Олегу прилип, как жевательная резинка к штанам, Хрестюк. Он наконец нашел благодарного слушателя и молот языком без остановки.

– ... В милицию вызывали, расспрашивали о Фитиалове, – бубнил Хрестюк с таинственным видом. – Мужики говорили, что у него на квартире и в мастерской был обыск. Как тебе все это?

– Никак. Наверное, обычная процедура. Я в этом мало смыслю.

– Вот! Все думают, как ты. Ничего подобного. Если так глубоко копают, значит, у органов есть какие-то сомнения.

– Какие могут быть сомнения? Судя по твоему рассказу, Фитиалова сбил грузовик. Водитель задержан. Обычное дорожно-транспортное происшествие. Которое предполагает следствие и суд. Фитиалову угораздило попасть в статистику. А статистика говорит, что в нашей стране каждый год по причине ДТП гибнет более тридцати тысяч человек.

– Жаль, что тебя не было на похоронах. У всех нас глаза на лоб полезли. Его хоронили словно какого-нибудь депутата. Один гроб чего стоит. Откуда у вдовы Фитиалова такие деньги? Да он из долгов не вылезал! А поминки... В центральном ресторане. Картину представляешь? Ешь от пуза и пей, хоть залейся. Из самой Москвы какие-то большие господа приезжали. Он что, был подпольным Героем России?

– Когда присоединимся к нему, спросим.

– Все шутишь... – Хрестюк прервался на несколько мгновений, чтобы выпить очередную рюмку, быстро зажевал чем-то и продолжил: – Между прочим, он так и не отдал мне долг... четыреста пятьдесят рубчиков. Мелочь, конечно, но сейчас не помешали бы. Слушай, едва не забыл! – Поэт стукнул себя ладонью по лбу. – Голова садовая... Сегодня с утра тебя разыскивал Злотник.

– Зачем?

– Сам у него спроси.

Злотник еще с советских времен руководил областным художественным фондом. С виду он был похож на барбоса; впрочем, и его внутренняя сущность была чисто бульдожьей.

– Спрошу. Но сначала объясни – что значит разыскивал? Он что, звонил тебе? Я вроде в секретари никого не нанимал.

– Нет, мне Злотник не звонил. Прусман рассказал. Говорит, что ты как в воду канул. В квартире телефон не отвечает, а мастерская заперта. Где ты был?

– Прусман, говоришь... – Вопрос Хрестюка художник пропустил мимо ушей. – Ну, ежели так...

Прусман был ходячим справочным бюро. У него почти на все вопросы находился ответ. Олег совсем не удивился, что Злотник, не найдя его по телефону, первым делом обратился к Прусману. Но зачем он понадобился старому прохиндею?

Злотник слыл несгибаемым ленинцем. Свой партбилет, который уже никому не был нужен, он вставил в рамочку под стекло и повесил дома на стену, рядом с многочисленными грамотами и указами о награждении его орденами и медалями.

Но, при всей своей коммунистической сущности, Злотник был хапугой и лизоблюдом. Потому и продержался на «хлебной» должности при всех властях.

Хлебной потому, что он сдавал помещения худфонда в аренду разным дельцам и имел с этого очень даже неплохие деньги, которые без зазрения совести клал в собственный карман.

– Ты звякни ему, – с какой-то непонятной настойчивостью сказал Хрестюк. – Злотник так просто обрывать телефоны не будет.

– Сегодня уже поздно. А завтра... Завтра посмотрим.

– Может, работу тебе какую подкинет... – осторожно высказал предположение Хрестюк. – Завидую я вам, художникам. Вы с голоду не помрете. На худой конец можно вывески рисовать. Вон сколько сейчас расплодилось разных бутиков и маркетов. А нам, поэтам, впору по миру идти с протянутой рукой.

– Когда говорят пушки, музы молчат. Ты эту прописную истину знаешь. Конечно, у нас нынче не горячая фаза войны, но окопное сидение точно. Жди и вайя свои нетленки. Будет и на твоей улице праздник.

– Ага... такой как у Фитиалова.

Хрестюк вдруг приуныл и умолк. Приняв мрачную демоническую позу, он вперил глаза в окно и задумался. А может, к нему пришла муза, о которой так вовремя вспомнили, и поэт начал складывать в голове стихотворные строки.

– Почему грустим? – спросила Милка.

Она подошла к Олегу сзади и положила ему руки на плечи.

– Жениться хочу, – пошутил он. – Да вот только нынешним невестам подавай богатых женихов. А когда творческий человек был состоятельным? Редкие исключения не в счет. Бог поступил мудро, всех наделил по справедливости: кому – талант, кому – деньги... А нищим, сирым и убогим предоставил место в раю.

– Женись на мне. Я из тех, кому нужен не просто богатенький Буратино, а мужчина. Желательно умный и талантливый. Ты подходишь мне по всем статьям.

– Поздно, Маня, пить «Боржоми», когда почки отвалились. Ты уже раз пренебрегла моими чувствами. Поэтому я люблю тебя как настоящего друга. И не более того.

– Хитрец... – Милка потеряла Олега за волосы. – Викинг... Вся жизнь в сражениях. Думаю, насчет женитьбы ты маленько приврал. Я права?

– Скажем так – помечтал. Перефразирую известную вещь, скажу следующее: «Редкая женщина может долететь до середины души творческого человека. А дальше хоть топись – стена».

– Оказывается, у тебя прорезался литературный талант. Неужто надумал издать мемуары? Пожалуйста, не забудь и обо мне написать, хоть пару строк.

– Литературный талант здесь ни при чем. Дело в том, что у меня есть приятели из

писательской среды. Вот один сидит, – кивнул Олег на Хрестюка, который по-прежнему пребывал в трансе. – Считай, что я лишь подхватил небольшое, но заразное литературное недомогание.

– А скажи мне, друг сердешный, что тебя привело ко мне? Насколько я знаю, ходить по гостям ты не большой любитель.

– Просто соскучился, – соврал Олег и покраснел.

– Старо предание, но верится с трудом. Я, конечно, тронута, но мне кажется, у тебя что-то другое на уме. Может, тебе деньги нужны? Говори, не стесняйся. У меня есть, я дам.

Олег вдруг понял, что у него сейчас даже язык не повернется попросить у Милки займы. Он еще никогда не занимал у женщин. Так низко пасть Олег просто не мог себе позволить, хотя мыслишка попросить у старой подруги две-три тысячи рублей все же крутилась у него в голове. Но он стоически боролся с этим искушением.

– Милка, я тебя не узнаю. Что может сотворить с творческим человеком бизнес... Ты стала прагматиком до мозга костей. Я, конечно, знаю, что в бизнесе настоящих друзей нет, а есть только «нужники» – нужные люди. Но никогда не думал, что у тебя появятся такие подозрения на мой счет.

Олег понимал, что его слова насквозь фальшивы, но не мог остановиться. Милка невольно зацепила его воспаленный нерв. Он вдруг увидел с предельной ясностью, над краем какой пропасти стоит.

Мужчина в расцвете сил, таланта и возможностей – и без гроша в кармане! Это было невыносимое зрелище, и Олег постарался побыстрее закрыть свой третий глаз, принадлежащий чересчур живому воображению.

Но полынная горечь от своей полной несостоятельности, охватившая все его естество, осталась.

– Ну не злись, перестань... – Милка наклонилась и чмокнула его в щеку. – Я из добрых побуждений... Ты ведь мне друг.

– Я не злюсь. Это я брюзжу. Старость, понимаете ли, уже замаячила на горизонте...

Милка весело рассмеялась.

– Алька, ты погляди на себя. Красавец-мужчина в расцвете сил. В волосах расческа ломается, настолько они густы, кожа словно у юноши из рекламного ролика, плечи – косая сажень... А, что я говорю! Одни твои голубые глаза чего стоят. Когда-то ты только глянул на меня, и я уже была готова немедленно, без раздумий, прыгнуть к тебе в постель.

– Умеешь ты леца кидать... Будем считать, что я польщен. Жаль только, что мне было неизвестно, какой я хороший, в студенческие годы.

– Ты все еще в обиде на меня?

– С какой стати? Что было, то быльем поросло. Мы чересчур разные люди, Милка. Я скучный тип. Хорошо, что мы не поженились. Ты все равно сбежала бы от меня через год-два. А то и раньше.

– Как знать, как знать...

Продолжить разговор им не дали. К Милке подошла одна из женщин (Олег уже забыл, как ее

зовут) и они защебетали на тему, которая была ему совсем неинтересна. Поднявшись, художник прошел на кухню, чтобы перекурить. За ним потянулся и Хрестюк, все такой же грустный и отрешенный.

– Ты почему скис? – спросил Олег.

– Перевелись люди... Куда мы катимся? Раньше, бывало, придешь в компанию, так тебя затерзают – почитай стихи, да почитай стихи... А сейчас? Рядом с ними сидит поэт, а они все про риэлтеров, брокеров, процентные ставки... Никакой романтики. Как роботы. Только пью, жрут и бабки заколачивают. Они даже детей не рожают, чтобы не мешали жить красиво и без забот.

– Считай себя динозавром, уникамом. Так легче прожить. Каждая новая эпоха требует своих героев. Мы с тобой родились слишком поздно. Этим нужно и утешиться.

– Наверное, ты прав... Горюй, не горюй – все равно ничего изменить нельзя. Слушай, давай я почитаю тебе кое-что из новенького, поэму. Ты не против?

– Грузи... – Олег обречено махнул рукой.

Хрестюк принял вдохновенную позу и начал декламировать. Олег смотрел на него пустыми, ничего не выражающими глазами. Он отключился от действительности, ничего не видел и не слышал.

В этот момент Олег был очень далеко – в своей глубокой юности...

Глава 12

Пока обучение художественному ремеслу вел дед, Олег никогда не писал людей с натуры. Чаще всего он рисовал так называемые «гипсы» – головы скульптур и торсы античных героев.

В художественном институте ситуация была иная. Там очень много внимания уделялось именно занятиям с натурщиками. Олегу, набившему руку под руководством деда на «гипсах», такие упражнения казались семечками, которые он щелкал, что называется, походя.

Нередко преподаватели ругали его за небрежность в работе с живой натурой, но не могли не отдавать должное способности Олега улавливать малозаметные черты характера человека, которого он рисовал. Юный Радлов двумя-тремя штрихами буквально обнажал внутреннюю, скрытую от посторонних, сущность натурщика.

Из-за этой специфической особенности его художественного таланта некоторые натурщики отказывались ему позировать. А кое-кто и вовсе сменил род занятий, потому что такое поведение преподаватели считали капризом и жаловались руководству института.

Иногда Олегу казалось, что натурщики его просто боятся. А почему, по какой причине, – он не понимал.

Об этом знал дед. Когда Олег поступил в институт, он повесил ему на шею оберег с наказом никогда не снимать, в особенности во время работы с живой натурой. Оберег представлял собой хорошо полированный кусочек обсидиана[37], вмонтированный в серебряную оправу, представляющую собой переплетение языческих символов.

Когда старый художник был жив, Олегу поневоле приходилось носить эту неказистую с виду подвеску на грубо сработанной цепочке, потому что дед проверял наличие оберега почти каждый день. Чтобы к нему не было на сей счет вопросов от друзей-приятелей, юному Радлову приходилось застегивать рубашку на все пуговицы.

После смерти деда Олег сразу выбросил из головы его наказ и снял оберег. Увы, молодость совсем не родственница мудрости.

Правда, подарок деда он сменил на золотой фамильный крестик – к тому времени как раз подоспела мода на православие. Перелицованные коммунисты начали отстраивать храмы (нередко за свой счет, благо денег они наворовали в эпоху дикого капитализма более чем достаточно), которые когда-то развалили их партийные предки, и косяками потянулись замаливать грехи прошлые, настоящие и будущие.

А оберег на некоторое время нашел себе место в шкатулке, где лежали нитки, иголки, булавки, пуговицы и тому подобная дребедень, оставшаяся в наследство матери, которая ушла в мир иной за год до кончины деда...

По паспорту она именовалась Лилянкой. Олег называл ее Ляной. И она просто обожала сирень, которая была ей очень к лицу. Может, потому, что ее имя как раз и происходило от болгарского названия цветка сирени – лиляк. Впрочем, и сама Лиляна была наполовину болгаркой – по отцу.

Настоящая любовь настигла Олега спустя год по окончании института, когда он поступил на работу художником в театр оперы и балета. Лиляна была балериной.

Восхитительное время! Никогда ни до того, ни после Олег не чувствовал себя таким окрыленным. Временами ему казалось (в основном, когда он возвращался с очередного свидания), что еще миг – и его тело станет легче воздуха, и он полетит, полетит... куда? какая разница.

Просто душа Олега жаждала полета.

Безумие любовной страсти напрочь лишило Олега свойственного ему благоразумия. Он забыл о наказе деда и решил сделать Лиляне ко дню рождения подарок – написать ее портрет. Олег изобразил девушку на фоне цветущего сиреневого куста в одежде цыганки – Лиляна была черноглазой, смуглолицей и с густыми пышными волосами цвета воронова крыла.

Но, похоже, главной его ошибкой было то, что он не надел на себя дедов оберег, когда Ляна ему позировала. Увы, Олег это понял слишком поздно.

Лиляна начала болеть спустя месяц после своего дня рождения. Это были ужасные часы, дни и недели. Никто не мог поставить ей диагноз. Медицинские светила только руками разводили – случай уникальный.

У девушки практически ничего не болело, не было никаких злокачественных образований, и тем не менее она чахла прямо на глазах.

Когда ей стало совсем плохо, кто-то из ее родни догадался свозить Ляну к знахарке. Она была очень старой, никого не принимала, жила под опекой своей дочери, которой уже пошел седьмой десяток. Но ее все-таки уговорили хотя бы одним глазом взглянуть на несчастную девушку.

Едва Лилянку завели под руки в избу ведуньи, бабка вдруг страшно закричала неестественно пронзительным голосом и забилась едва не в конвульсиях. Ее дочь тут же вытолкала

посетителей на улицу.

Когда испуганные родственники девушки спросили женщину, в чем дело, она, немного поколебавшись, ответила: «Мы ничем помочь вам не сможем. То, что высасывает ее жизненные силы, никому не подвластно». И все, больше никаких объяснений.

Ляна умерла ночью, на третьи сутки после визита к знахарке. Олег вымолил у ее родителей возможность быть с нею до конца. Он и принял последний вздох любимой.

И услышал ее последние слова: «Сожги мой портрет. Прошу тебя...»

В суматохе похорон, а затем в горячечном бреде, куда Олега вверг двухнедельный запой, он забыл обо всем. Полмесяца художник жил, как примитивное животное – пьяное, беспамятное и грязное.

С работы его уволили; впрочем, он не имел моральных сил даже приблизиться к зданию театра оперы и балета, не говоря уже о том, чтобы взяться за эскизы декораций к новой постановке.

А затем наступило прозрение. Он все вспомнил – и предостережение деда, и свое обещание, и даже место, куда он положил оберег. С удивительной ясностью Олег вдруг осознал, что всему виной его талант портретиста.

Как прагматик до мозга костей, он понимал, что его умозаключение – мистика чистой воды. Но потом Олегу пришло на память то, как дед страдал по поводу безвременной кончины своей жены и что в ее смерти он винил только себя.

Мозаика сложилась...

С той поры он почти никогда не снимал оберег деда. И уж тем более не брался писать портреты, хотя ему и предлагали за это немалые деньги. Мода...

Олег так и не смог выполнить предсмертное желание Ляны. Поначалу он как-то не придавал значения ее словам, а когда наконец до него дошел весь трагизм ситуации, пробился сквозь пьяное отупение, родители девушки вдруг снялись с места и уехали в Болгарию. Больше он никогда их не видел, хотя и знал, что они два-три раза в год навещают могилу дочери.

– ... Ты что уснул?! – возмущенный Хрестюк теребил Олега за рукав.

– Что ты! Я внимательно слушал. Просто твоя поэма сначала меня потрясла, а затем ввергла в транс. Сильная вещь.

– Правда? – просиял поэт.

– Ну. Свежо, оригинально... а какие рифмы. Блеск.

– Ты настоящий друг... – От избытка чувств Хрестюк ткнулся носом в грудь Олега и всхлипнул. – А как тебе образ?...

Художник не дал ему договорить – из опасения, что придется выкручиваться, понятия не имея, о чем шла речь в поэтическом сочинении Хрестюка.

– У меня есть предложение, – оборвал он поэта на полуслове. – Пойдем, выпьем за твою поэму. Она того стоит.

Мысли Хрестюка мгновенно потекли в перпендикулярном направлении.

– Золотые слова, – молвил он с чувством. – Ты читаешь мои мысли... – И они

присоединились к компании...

Олег долго у Милки не задержался. Ему вдруг стало скучно и очень неуютно.

С чужими малознакомыми людьми общаться он не любил, а хорошо поддатый Хрестюк уже нес совершеннейшую ахинею. Поэт сел на своего любимого конька – начал громогласно рассуждать о высокой любви, якобы существовавшей в патриархальном обществе.

Воспользовавшись моментом, когда внимание гостей Милки было сосредоточено на витийствующем Хрестюке, Олег потихоньку вышел в прихожую. Он хотел уйти по-английски – не прощаясь.

Художник знал, что Милка не обидится на него; она и сама могла внезапно и незаметно покинуть компанию – так сказать, «среди шумного бала». Но Милена все-таки узрела его маневр и остановила Олега уже у выхода.

– Уходишь? – спросила она, подходя вплотную.

– Как видишь...

– Причину не спрашиваю. Но есть претензия.

– В чем она заключается?

– А поцеловать хозяйку на прощанье?...

Олег рассмеялся.

– Не можешь уснуть не целованной? – спросил он, улыбаясь. – Милка, это к тебе уже старость подкрадывается. Душа требует любви. Срочно выходи замуж.

– Знаешь анекдот про обезьяну и крокодила? Выйдешь тут замуж, если кругом одни крокодилы.

– Это камень в мой огород?

– Нет. Честно. Ты исключение из правила. С тобой всегда легко и просто. Ты никогда не лжешь, не хитришь. Сказал, как отрезал. Почему ты тогда не удержал меня? Мне до сих пор обидно. Ты даже не попытался это сделать.

– Ну, насчет женских обид мне уже кое-что известно. Друзья просветили. В отличие от основной массы мужчин, которые забывают про обиду на второй день, женщины копят их в своей памяти всю жизнь. В этом деле они напоминают снайпера, который каждого убитого противника отмечает зарубкой на ложе винтовки. Женщина может в любой момент достать из запасников памяти какой-нибудь эпизод, указать, когда он произошел (притом с точностью до минуты), и построить на нем сногшибательную версию события, в которой мужчина выступает законченным негодяем.

– В тебе пропал великий философ. Я говорю не о проблемах такого рода вообще, а совершенно конкретно – применительно к нашим прошлым отношениям.

– Хочешь честно?

– Хочу.

– У нас не было никаких отношений. Я просто любил тебя. Увы, безответно.

– Алька... – Милка вдруг всхлипнула и припала к его груди. – Какая же я сука...

– Не возводи на себя напраслину. Просто мы тогда были очень молоды и многого не понимали.

– Я и сейчас не понимаю, что со мной творится... Дура, дура! Возомнила себя неизвестно кем.

– Заниматься самоуничижением не самое приятное и благодарное занятие. Признаюсь, я и сам этим нередко грешу. Наверное, это свойство всех творческих натур.

– Это ты творческая натура. А я... – Милка опять горестно всхлипнула. – Я пошлая примитивная самка, бездарь.

– Не согласен с тобой. Вот как раз с талантом у тебя все в порядке. К слову, настоящим художником, творцом прекрасного, может называться не только тот, кто стоит за мольбертом с кистью в руках. И тебе это известно не хуже, чем мне.

– А ты научился льстить...

– Только не в твоём случае.

– Правда?

– Тебе поклясться?

Повеселевшая и немного успокоенная Милка улыбнулась, и погладила ладонью щеку Олега.

– Не надо. Будем считать, что я тебе поверила...

Олег вышел из подъезда и глубоко вдохнул изрядно посвежевший ночной воздух. Хорошо, подумал он. Жизнь продолжается...

Достав из кармана горсть монет разного достоинства, Олег подсчитал под фонарем свое «богатство» и подумал: «Жизнь, конечно, продолжается, летит, бежит, но я-то на обочине... Ладно, Бог даст день, Бог даст пищу. Подумаем... Но завтра. А пока на обратную дорогу денег хватает. Уже хорошо, что не нужно топтать пешком...»

Укладываясь в постель, он вспомнил про Милку. «Зря все-таки я у нее денег не попросил займы. Зря. Тоже мне выискался... благородный рыцарь. Некоторые классики живописи вообще были на содержании у женщин. И ничего. Кто об этом сейчас вспоминает?»

Утром Олег первым делом набрал номер Злотника. Он знал, что тот приходит на работу очень рано. Вчера вечером Олег постарался выбросить из головы нехорошие мысли, но под утро Злотник ему даже приснился.

Сон не запомнился, но он явно был из разряда кошмаров, потому что Олег проснулся весь в поту и с сильным сердцебиением.

– Здравствуйте, Лев Ефимович! Это Радлов.

– А, пропажа... Ты игде пропадаешь?

– На пленэр ездил.

– Водку, что ля, жрать?

– Обижаете, Лев Ефимович. Я не по этой части.

– Все вы не по этой части... – проворчал Злотник. – Три месяца назад Морковин отдал концы.

А из-за чего? Не знаешь? Квасил по-черному. Ему теперь там хорошо, а худфонду одни убытки. Нынче похороны влетают в такую копеечку... Не меньше, чем свадьба.

– Вы искали меня...

– Ага, искал. Уполномочен сообщить тебе пренеприятнейшее известие. Твою мастерскую забирают. Найти тебя не смогли, поэтому ее пока только опечатали.

– Что-о?! Лев Ефимович, вы это серьезно, или я ослышался?

– Сурьезней не бывает. Платить надо. У тебя задолженность коммунальщикам почти за два года. Это ого сколько.

– Но я заплачу! Обязательно заплачу! Как только деньги появятся, так и...

– Вот я, к примеру, верю тебе. Но ты походи им докажи. Уже и акт нарисовали, по инстанциям пошел. Подпишут, можешь не сомневаться. Твоя мастерская в центре находится, лакомый кусок, сам понимаешь. На нее многие зубы точат.

– Что же делать?! Сейчас я пустой. Может, худфонд подкинет денег? Хотя бы займы. Лев Ефимович, выручайте. Я долг верну, честное слово, готов дать нотариальную расписку.

– Не могу, Радлов, не имею права. Вот ежели бы на похороны... Это по уставу положено. Да и денег у нас на счете – кот наплакал.

– Понятно...

Олег медленно, словно сомнамбула, положил телефонную трубку на рычаги. Да, мастерская – это удар. Страшный удар...

Если ее и впрямь отберут, тогда остается лишь попросить у Злотника деньги на собственные похороны. Авансом. Чтобы потом работу бухгалтерии худфонда не сбить с ритма траурной спешкой.

На художника вдруг навалилось стопудовой глыбой полное безразличие. Пошатываясь, словно пьяный, он добрел до кровати, упал на нее и закрыл глаза.

Ему хотелось уснуть навсегда...

Вялые и какие-то совершенно бестолковые мысли стали плоскими и параллельными – как слоеный пирог. Мыслительный процесс продолжался помимо его воли, но он состоял из отдельных несвязных фрагментов, которые, взаимопроникая, устроили в голове настоящую какофонию.

Когда Олег наконец открыл глаза и посмотрел на будильник, то увидел, что часовая стрелка стоит на цифре «2». С трудом выбравшись из мягких объятий постели – словно старец, больной остеохондрозом – художник поплелся в ванную.

Стоя под душем, он попытался сконцентрироваться на мысли, которая пока еще не сформировалась и постоянно ускользала от него в лабиринт подсознания. Ему казалось, что она весьма ценная и может вывести его из тупика, в котором он оказался.

Озарение пришло, когда он по привычке включил холодную воду, чтобы взбодрить себя контрастным душем.

Есть! Только так и не иначе!

Хватит изображать из себя большого моралиста. Принципы, это, конечно, хорошо, но когда

жевать нечего, они обычно отходят на задний план.

«И вообще – почему я должен беспокоиться о каком-то неизвестном мне человеке?! – думал Олег. – Это его проблемы – следить, чтобы с ним ничего не случилось. Тем более, что будущий натурщик явно не какой-нибудь Ванька, простой человек, слесарь-сантехник или шофер, а скорее всего чиновный вор и взяточник. О чем еще может так сильно заботиться иностранец в нашей стране, как не о солидных прибылях, которые невозможны без дачи взятки большому начальнику – для начала хотя бы в виде парсуны? Так сказать, для более близкого знакомства. К тому же, живописный портрет сейчас в моде».

Уже стоя возле телефона, он продолжал уговаривать себя: «Пока еще не факт, что от меня исходит какая-то отрицательная энергия. Возможно, это всего лишь самовнушение. Тем более, что к будущей натуре я не буду испытывать никаких эмоций...»

Глядя в визитку, он медленно набрал указанный в ней номер и, когда ему ответили, сказал почему-то вдруг севшим голосом:

– Карл Францевич? Извините, что побеспокоил. Это Радлов. Я согласен...

Глава 13

Квартира, в которой жил немец, потрясла Олега. Она находилась в пентхаузе шестнадцатэтажного дома новой постройки.

– Я, знаете ли, очень не люблю гостиницы, – сказал Карл Францевич, усаживая Олега в глубокое кресло с высокой спинкой, сработанное «под старину». – Поэтому мои добрые друзья нашли мне это жилье, которым я вполне доволен. Я перебрался сюда неделю назад.

– Да, впечатляет, – невольно вырвалось у Олега, но иностранец, кажется, его не услышал.

Он как раз занимался сервировкой фуршетного столика. Это действие было весьма занимательным и очень приятным на вид, но Олег совсем забыл, что он голоден, и с жадным интересом рассматривал интерьер гостиной.

Огромную квадратную комнату, казалось, вырезали целым блоком из музейной экспозиции, находящейся в каком-нибудь западноевропейском замке, и перенесли ее в Россию в полной целостности и сохранности. Целостность восприятия нарушал только телефон (кстати, вполне современный, японский, с факсом и автоответчиком) на круглом столике возле массивной дубовой двери.

В комнате главенствовал большой камин, отделанный мрамором. Несмотря на летнее время, в нем тлели уголья, а над ними на вертеле скворчал приличный кусок мяса. Ароматный запах жаркого кружил голову и вызывал обильное слюноотделение.

Вся мебель была изготовлена из дуба. Она не только выглядела как старинная, но, скорее всего, и была таковой. «Наверное, куплена с аукциона», – подумал восхищенный Олег. Резьба на мебели явно была выполнена великим мастером; такую работу и в музее не часто встретишь.

А уж Олег знал в этом деле толк...

На полу гостиной лежал большой персидский ковер. Он выглядел новым, но что-то подсказывало художнику, что это впечатление обманчиво. Рисунок на ковре и его цветовая

гамма были совсем из другой эпохи. Так теперь ковры не делают.

Такой же ковер, только другой расцветки, был прибит и на стене. На нем было развешано разнообразное холодное оружие – от длинного двуручного рыцарского меча, не раз побывавшего в бою, если судить по щербинкам на темном лезвии, до украшенной инкрустацией парадной шпаги с золотой рукоятью. Под этой же стеной стоял громоздкий диван, обтянутый хорошо вычищенной коричневой кожей.

Но больше всего Олега поразили окна. Это была чистая готика – словно срисованная со средневекового католического собора. Рисунок витражных стекол, конечно, был совсем не библейский, но и в нем чувствовалась, во-первых, старина, а во-вторых, некая загадочность.

С одного взгляда художник не сумел разобраться в сюжете витражных рисунков, а присмотреться к окнам пристальней не дал гостеприимный хозяин.

– Прошу-с, – сказал он с доброжелательной улыбкой, которая не очень гармонировала с его пугающе холодными глазами, и придвинул столик к креслу, в котором сидел Олег. – Рекомендую отведать... – Немец отрезал приличный кусок истекающего жиром горячего мяса и положил его на тарелку Олега. – Под водочку, знаете ли, очень даже хорошо идет. Это оленина.

– В магазине купили? – не без удивления спросил художник.

– Что вы, как можно?! – воскликнул иностранец. – Мясо из магазина не есть свежее. – Он вдруг начал коверкать слова; наверное, от переизбытка чувств, подумал Олег. – Этот олень бегал еще сегодня ранним утром по альпийский луг. Он приезжал утренний рейс. На самолет.

«Не хило... – подумал Олег. – Впрочем, чему тут удивляться? Были бы деньги. При наличии солидного счета в банке можно завтракать в Москве, обедать в Ницце, а ужинать в Рио-де-Жанейро. Что тогда говорить о куске свежей оленины, доставленной в Россию из Австрии?».

Мясо и впрямь было восхитительным. Отбросив стеснение, художник ел так жадно и много, словно его дня три морили голодом. Кроме жаркого, на столе находились белые маринованные грибы, красная икра на льду, белый хлеб – восхитительно мягкий и душистый, вологодское масло и фрукты – апельсины и бананы.

Насытившись, Олег потянулся за сигаретами, но тут же, бросив быстрый взгляд на невозмутимого Карла Францевича, выдернул руку из кармана, словно там было горячо.

– Курите, курите, не стесняйтесь. Курение, конечно, человеческая слабость, но простительная слабость. И поверьте мне, от сигарет вы не умрете.

Немец опять заговорил правильно; даже ударения начал ставить там, где нужно.

– Может, вы еще скажете, от чего и когда именно я умру? – нагло спросил художник, который выпил больше, чем следовало бы, и теперь чувствовал себя совершенно раскованно.

– Ну, это не такая уж сложная проблема... – Иностранец изобразил улыбку, растянув свои тонкие губы в две узких полоски. – Что я? На сей вопрос при гадании вам может ответить практически любая цыганка, которая разбирается в хиромантии и физиогномике. Только она этого вам не скажет.

– Все гадалки врут, – упрямо боднул головой Олег.

– Так уж и все? – Карл Францевич вонзил в художника свои буркалы, которые достали Олега

до самого донышка души.

Художник даже вздрогнул и инстинктивно подался назад.

«Неужели он знает про Ожегу?! – запульсировала в голове неприятная мысль, разом притушив хмельной огонь. – Откуда? Наверное, следил. И понятно, почему... Вот сволочь! Угораздило мне с ним встретиться... А я тоже хорош – задал такой дурацкий вопрос».

– Не могу сказать точно, – уклончиво ответил Олег. – У меня по этой части чересчур малый опыт. Но есть многочисленные научные труды на эту тему, написанные умными людьми. Они отвергают запрограммированность человеческой судьбы. Я верю в науку.

– Что вы говорите? – Иностранец развеселился. – Значит, вы верите в науку... Это хорошо. Это делает вам честь. Но позвольте поинтересоваться, а как насчет гениальных научных открытий, которые случаются при внезапных озарениях, нередко происходящих во сне? Не кажется ли вам, что они нашептаны ученому на ухо некими высшими силами? Притом это обычно происходит одновременно в разных частях земного шара.

– Не кажется, – раздраженно буркнул Олег. – Вы выдвигаете постулат, что человек всего лишь игрушка в руках некоего вселенского разума. Возможно даже биоробот. Лично мне совсем не хочется быть паяцем, которого дергают за невидимые ниточки. Я верю, что человек существо более сложное, умное и самоорганизующееся, нежели вы о нем думаете.

– Успокойтесь, я ничего такого не думаю. Мы ведем диспут, а потому имеем право высказывать любые предположения. Не так ли?

– Я пришел к вам не дискутировать, – хмуро ответил Олег.

– Ах, да, да... Дело прежде всего. Мое предложение остается в силе. Двадцать тысяч долларов за портрет. Вот аванс... – С этими словами Карл Францевич небрежным движением фокусника достал откуда-то пачку сотенных с изображением одного из американских президентов, и положил ее на столик перед Олегом. – Нет, нет, никаких расписок! Вы не из тех, кто нарушает слово.

– Что ж, спасибо... – Олега при виде такой суммы даже в пот бросило.

– За что? Это всего лишь деньги, которые помогут вам не испытывать никаких затруднений в предстоящей работе.

– Спасибо за хорошее мнение о моей скромной персоне.

Иностранец вновь натянул на свое мрачное лицо не очень естественную улыбку.

– Милейший Олег Ильич! Я в первую голову бизнесмен, а потому, прежде чем иметь с человеком дело, стараюсь узнать о нем побольше, желательно всю его подноготную. Чтобы потом не сожалеть.

– Ну и что вы узнали обо мне?

– То, что вы человек чести. Об остальном позвольте умолчать.

Последняя фраза была сказана таким тоном, что Олег поневоле прикусил язык, хотя и намеревался задать немцу еще несколько вопросов по этой теме. После небольшой паузы он сказал:

– У меня есть одна неприятная проблема...

– Вы хотите, чтобы я помог?

– Думаю, это в ваших силах.

– Говорите, я слушаю.

Олег быстро пересказал Карлу Францевичу утренний разговор с директором художественного фонда.

– Боюсь, что дело зашло слишком далеко, – сказал он угрюмо. – Я хорошо знаю Злотника. Это его интриги, скорее всего. Он уже кому-то пообещал мою мастерскую, поэтому, даже если я и погашу задолженность, мне все равно не видать ее, как своих ушей. Получается, что мне работать негде.

– Не волнуйтесь, Олег Ильич. Я постараюсь сделать все возможное и невозможное. Не решаемых проблем не существует. Сегодня вы отдохните от треволнений, настройтесь на работу, а завтра приходите в мастерскую. К двенадцати часам туда подъедет вот этот господин... – С этими словами немец всучил художнику цветную фотокарточку мужчины примерно сорока лет. – Будьте с ним повежливей.

– Буду.

– И еще одно... – Иностранец остро прищурился. – Нужно, чтобы при написании картины вы работали, используя методы и технику старинных мастеров. Вы это умеете, я знаю.

– То есть?... Извините, я не совсем понял, о чем идет речь.

Конечно же, Олег понял, ЧТО иностранец имеет ввиду. Он понял все и сразу. А вопрос задал от растерянности, которая постепенно переходила в безысходность. Он влип, влип по-крупному. Еще не поздно отказаться от заказа... Еще не поздно...

Поздно!

Олег покосился на пачку долларов и понял, что он просто не в силах вернуть их иностранцу. Искус был чересчур сильным.

Снисходительно глядя на Олега, Карл Францевич ответил:

– В принципе, техника написания не суть важна. Вы и так работаете в реалистической манере. Но что касается красок... Краски вы должны готовить сами.

– У меня нет исходных материалов, – глухо сказал Олег.

– Об этом я уже позаботился. Завтра, к десяти утра, они будут доставлены в вашу мастерскую. Да, да, и холст тоже. Ну, а с кистями, надеюсь, у вас все в порядке.

– Да...

– Вот и отлично.

Олег встал.

– Разрешите откланяться. Спасибо за обед. – Голос художника стал каким-то деревянным, словно из него выдавили прессом все эмоции.

– Домой вас отвезут. Внизу ждет моя машина.

– Зачем? Я сам...

– Нет, нет, ни в коем случае! По гороскопу у вас сегодня опасный день. Нужно побережись. С такой суммой в кармане нельзя ехать трамваем. У вас тут много воров... как их?... ах, да, вспомнил – щипачей[38].

Олег восторженно впилился взглядом в лицо немца. Но оно было бесстрастным и неподвижным.

Художник коротко кивнул, изображая поклон, и вышел к скоростному лифту, который в один миг доставил его в парадное. На улице и впрямь переливалась золотом и перламутром уже знакомая «ауди», а возле нее торчала кряжистая фигура водителя с бычьей шеей.

Он вежливо поприветствовал художника, отворил заднюю дверь, приглашая Олега в салон, и они поехали...

В своей квартире Олег упал, не раздеваясь, на диван и задумался.

Осведомленность иностранца в делах, о которых он, по идее, не должен был знать вообще, поражала. Дед предупреждал Олега, когда он учился в институте, что при написании портретов (а это все равно приходилось делать в учебных целях) ни в коем случае нельзя использовать собственноручно приготовленные краски, которые обычно долго и нудно перетирают курантом[39].

Так делали гениальные художники эпохи Возрождения. Их картины до сих пор волнуют невероятной энергетической мощью, исходящей от обычного холста. Для старинных мастеров краски были не просто пигментом, глиной, а эманацией души, которую они вкладывали в свои произведения.

Олег уже не раз убеждался, что приготовленные вручную краски гораздо лучше фабричных. Они отличаются от красок массового производства не столько своей яркостью, светостойкостью, долговечностью или каким-то иными качествами. Они просто ДРУГИЕ.

Это все равно как сравнить суп настоящий, домашний, в котором плавает половина курицы, с тем бледным пойлом, что получается из пакетика.

Портрет Лиляны Олег писал собственноручно приготовленными красками...

Резкий, требовательный телефонный звонок разрушил мрачные мысли Олега. Он поднял телефонную трубку и услышал преувеличенно бодрый голос Злотника:

– Усё! Можешь не беспокоиться насчет мастерской. Я порешал этот вопрос. Деньги я нашел и уже заплатил. Выписал тебе помощь от худфонда. На наш счет как раз пришла необходимая сумма. С тебя причитается.

– Премного благодарен, – довольно сухо ответил Олег. – Я всегда знал, что вы хороший человек.

На другом конце провода раздался звук, похожий на сдавленное рычание, и Злотник отключился. Олег торжествующе рассмеялся. Как же, благодетель... Деньги он нашел. Наверное, в валенке за печкой.

На памяти Олега еще не было случая, чтобы Злотник оказал материальную помощь художнику не из своего ближнего круга...

Да-а, этот Карла и впрямь имеет большие связи. Надо же, с какой оперативностью прижал твердокаменного ленинца Злотника... да так, что тот лишь слюной в телефонную трубку брызжет, а ничего поделаться не может.

Олег встал, достал пачку долларов, разорвал упаковку, и швырнул деньги на диван. Зеленые бумажки разлетелись, образовав умопомрачительно приятную картину. Художник вдруг почувствовал прилив сил; эйфория от неожиданного богатства ударила в голову, заставив совесть замолчать.

«Пойду в кабак! – решил Олег. – Что сидеть одному в пустой квартире. К тому же кишки марш играют, а в холодильнике – пустыня. И вообще – плевать я хотел на все проблемы!»

Куда идти, Олег уже знал – в ресторан «Арарат». Это было, пожалуй, самое шикарное заведение подобного рода в городе. Кухня там была потрясающей. Шеф-повар «Арарата» даже какой-то приз привез из Франции, когда ездил туда на конкурс.

Сборы много времени не заняли. Уже спустя полчаса Олег ехал в такси. Сегодня был его вечер, и он должен – нет, просто обязан! – отметиться в ресторане по полной программе.

На город опускались сумерки.

Глава 14

Когда едешь в машине на месте пассажира, обычно не замечаешь дорожных ориентиров. И уж тем более не запоминаешь повороты, перекрестки, улицы и переулки. Олег тоже грешил этим то ли недостатком, то ли счастливой особенностью человеческой психики не нагружать мозг излишними подробностями.

Главное для пассажира – благополучно доехать в пункт назначения. И если он едет в такси – поменьше заплатить.

У таксистов обычно свой счетчик, в голове, а не тот, что установлен в кабине. И считает он почему-то не длину пути, пройденного машиной, а сумму расстояний, которые преодолели все ее четыре колеса по отдельности. Это болезненное состояние у таксистов особенно проявляется в ночное время.

Сегодня Олег не следил за счетчиков. Он был богат. Тысяча рублей туда, тысяча сюда – какая разница? Человек с большими деньгами в кармане о таких мелочах не задумывается.

Художник по-прежнему пребывал в состоянии эйфории. Мыслями он был далеко и от машины, в которой ехал, и от города, и даже от страны.

А потому мелькающие за стеклами кабины здания, проспекты, скверы, уличные фонари были просто не стоящим внимания задником сцены, на которой разворачивалось действие его фантазий.

Наверное, Олег еще долго находился бы в состоянии прострации, не попадись на пути «волги» глубокая колдобина. Его сильно потрянуло, побеспокоенные мысли разбежались, и художник наконец начал присматриваться к дорожным ориентирам.

Местность была совершенно незнакома. Олег, проживший в городе практически всю свою сознательную жизнь, знал его достаточно хорошо. Конечно, в темноте иногда даже свой дом видится чужим. Но все же...

Олега поразила темнота. Ему показалось, что она опустилась на город внезапно, словно над небесным куполом задвинули плотные шторы. Уличных фонарей не было, большей частью одно- и двухэтажные дома вдоль дороги угадывались лишь тогда, когда на них попадал свет

фар, а в небе не просматривалась ни одна звезда.

Шокированный увиденным, Олег окликнул таксиста:

– Эй, куда мы едем?!

– Обьезд... – буркнул тот, закладывая вираж, чтобы не угодить в очередную выбоину.

Это объяснение не успокоило художника. Он, конечно, знал, что летом на городских улицах сплошь и рядом ведутся дорожные работы, но такси, судя по всему, уже выехало на окраину города, тогда как ресторан «Арарат», куда Олег направлялся, находился почти в центре.

Неужели такой длинный объезд? Нет, здесь кроется что-то другое... Чувствуя, как откуда-то из неведомых глубин подсознания начинает подниматься мутная волна страха, возбужденный Олег скомандовал:

– Стой! Тормози!

– Ну... чего там еще? – недовольно спросил водитель, но машину не остановил.

– Тормози, говорю! И поворачивай обратно.

– Зачем?

– Не твое дело. Я плачу, ты рулишь. Я передумал. Отвези меня домой.

– Дело ваше...

«Волга» съехала на обочину и остановилась.

– Что такое? – воскликнул Олег.

Водитель повернулся к нему всем телом и спокойно ответил:

– Ничего. Просто ты, козел, уже приехал.

С этими словами таксист подсунул под нос художнику баллончик и нажал на кнопку распылителя. Струя какой-то гадости ударила в нос, попала в глаза и рот, и Олег почувствовал, что теряет сознание.

Последнее, что он успел сделать, это изо всех сил двинуть в ухмыляющуюся физиономию таксиста. Удар отчаяния оказался настолько силен, что голова негодяя мотнулась назад, словно была тряпичной, и ударилась о лобовое стекло.

Больше Олег уже ничего не помнил. Он ухнул в глубокую бездонную ямину, на дне которой ревели и бесновались какие-то звери...

Очнулся художник от разговора. Разговаривали двое – таксист и еще кто-то. У второго голос был грубее и с начальственными нотками.

– Ты что, дурак?! Тебе бы только мочить.

– А что ж он... сука!... приложился, как кувалдой.

– Все, будем считать, что вы квиты. Не надо было свою ряшку под его кулак подставлять. Сам виноват.

– Висок рассек... – продолжал злобно бубнить таксист.

– Достань из аптечки пластырь, я тебя подремонтирую.

Какое-то время в наступившей тишине слышалось только обиженное пыхтение таксиста. Олег повернул голову направо, затем налево, и убедился, что лежит на спине связанный скотчем по рукам и ногам.

На небе уже появились звезды, и стало немного видней. В их неверном свете художник различил, что его, похоже, отвезли на городскую свалку, потому что вокруг высились бугры мусора и доносился неприятный запах разлагающейся биомассы, который никак нельзя было спутать с каким-то другим.

«Все, мне конец... – вяло подумал Олег, еще пребывающий под воздействием усыпляющего препарата. – Тут меня и зарюют... Глупо. Даже деньги, что дал мне Карла, я не успел спустить. А он был прав. Сегодня у меня действительно опасный день. Надо было прислушаться к его советам... дурак!»

– Нормалек? – спросил обладатель грубого голоса.

– Сойдет...

– Не скули, немного поболит и перестанет. Какой ты нежный... А все потому, что армии не попробовал. Там бы тебя научили, как свободу любить.

– Меня не взяли по здоровью, – буркнул таксис.

– Не надо лохматить бабушку. Скажи, что откупился, это будет честнее.

– А тебе какое дело?!

– Да, в общем, никакого. Но мне не нравятся крысы, которые отсиживаются на гражданке, когда нормальные парни тянут войсковую лямку.

– Ты чего завелся?

– Ничего. Это я так... Все, по машинам. Время...

Спустя несколько минут над свалкой воцарилась настороженная тишина. Олег попытался освободиться от пут, но клейкая лента, которой были связаны его руки и ноги, оказалась чересчур прочной.

И в это время неподалеку заработал дизельный мотор бульдозера. Этот звук Олегу был хорошо знаком, потому что в студенческие годы на летних каникулах он ездил с бригадой однокурсников на лесоповал – больше для того, чтобы вкусить романтики, нежели для заработка.

Бульдозер приближался. Он нутужно ревел, толкая перед собой груды мусора – планировал свалку. Олег попытался откатиться в сторону, но его положили в канаву, и он никак не мог из нее выбраться.

Художник в отчаянии замычал (его рот был заклеен все тем же скотчем), но рокот дизеля заглушал все звуки. Обессиленный Олег в конечном итоге прекратил все попытки выбраться из канавы и беззвучно заплакал, прощаясь с жизнью.

Неожиданно шум мотора утих, и в наступившей тишине послышались шаги и посвистывание. Бульдозерист подошел к канаве, в которой лежал Олег, расстегнул брюки и начал мочиться, блаженно охая.

Собрав последние силы, Олег снова замычал и заворочался, надеясь привлечь к себе внимание.

– Блин! – вскричал бульдозерист. – Что там такое? А, наверное, пес... Пшел!

Олег продолжал извиваться и мычать. Он даже сумел, изогнувшись дугой, одним прыжком встать на ноги, но не удержал равновесия и упал. Однако этого мгновения для бульдозериста хватило, чтобы он наконец заметил, что перед ним человек.

– Черт побери! Опять пьяный бомж под отвал полез. Выползай оттуда, слышишь? Иначе похороню. Ни ответа, ни привета... Наверное, пьяный в стельку. Придется спуститься...

Недовольно кряхтя, бульдозерист спустился вниз, нагнулся над Олегом – и отшатнулся назад.

– Чтоб мне пусто было! – вскричал он в страхе. – Опять мафия поработала... И что мне теперь делать?

Олег замычал.

– Да знаю, знаю, жить хочешь... Все хотят. А каково мне? Начнут таскать в ментовку, на допросы, протоколы там и все такое прочее... Скажу нечаянно не то, что надо, придут братки. Замочат прямо здесь и загребут как падаль. Что делать, что делать?!

Какое-то время царило молчание. Но вот бульдозериста, наверное, осенила какая-то толковая мысль, и он торопливо сорвал кусок пластыря, которым был заклеен рот Олега. При этом он сокрушенно покачал головой, и что-то пробормотал под нос – наверное, выругал себя за слабохарактерность.

– Хр-р... Кх, кх! – прокашлялся художник. – Мужик, развяжи меня. Я денег дам. И никому не скажу, что ты участвовал в моем освобождении. В ментовку я не пойду, можешь быть на этот счет спокоен. Развяжи... ты ведь добрый, порядочный человек. Я в этом уверен. Не бери грех на душу, дай мне отсюда уйти живым.

– Будем считать, что ты убедил меня, – с сомнением ответил бульдозерист и достав нож, начал резать путы на ногах и руках Олега. – Ох, и пожалею я еще об этом...

Размяв затекшие конечности, художник вскарабкался вверх, к бульдозеру. Его спаситель уже был там. Он достал из кабины термос с чаем и налил полную кружку.

– Попей, – сказал бульдозерист, протягивая кружку Олегу. – Считаю, что сегодня ты второй раз на свет народился. Хорошо, что меня прижало сходить по малой нужде, а не то был бы тебе кырдык.

– Не знаю, как тебя и благодарить... – Олег уже обшарил все свои карманы и убедился, что они пусты; грабители забрали у него пятьсот долларов. – Но я сюда еще вернусь и привезу деньги, как обещал. Клянусь.

– А вот этого не нужно. Мне и так хорошо платят. Вдруг я когда-нибудь попаду в такое положение... тьху! тьху!... Может, и меня кто выручит. Бог все видит...

– Как мне добраться до города?

– Это не проблема. Мусоровозки курсируют всю ночь. Пойдем, я определю тебя к какому-нибудь шоферюге. Нет, деньги не понадобятся. Я договорюсь...

Когда Олег наконец вошел в свою квартиру, был третий час ночи. От его одежды шел

отвратительный запах прокисших щей, солярки и еще какой-то дряни, поэтому он быстро снял ее с себя и выбросил в мусоропровод. А затем залез под душ.

Никогда прежде художник не чувствовал себя таким счастливым. А горячие струйки воды вообще показались немислимым блаженством. Он намыливался пять раз. Олегу казалось, что только так он сможет истребить запах свалки и отмыть дочиста не только тело, но и мысли.

Потом он уснул. Сон был таким крепким, что утром, когда зазвенел будильник, Олег минуты две пытался освободиться от его оков. Не будь сегодня встречи с будущей натурой, художник проспал бы до обеда...

У двери мастерской валялась бумажка, которой опечатывали дверь. Злотник подсуетился, злорадно подумал Олег. Не вышел номер у этого старого прохвоста.

Едва художник переоделся в свой рабочий балахон, как у входной двери звякнул колокольчик. Олег повесил его вместо электрического звонка.

Он с юности был поклонником стиля ретро. Кроме колокольчика, Олег сложил еще и настоящий камин, – совсем небольшой – который облагородил собственноручно изготовленными оригинальными изразцами.

Правда, огонь в камине обычно зажигался не чаще двух раз в году, – 31 декабря и на Рождество – но главным был сам факт существования такого раритета; своим гостям (в основном женского пола) Олег рассказывал байки, что он-де перевез камин в мастерскую из какой-то заброшенной дворянской усадьбы.

И ему верили, потому что изразцы и впрямь выглядели самой что ни есть патриархальной стариной.

А еще в мастерской висело старинное, немного потускневшее, зеркало из бемского стекла. Олег купил его по случаю на толкучке еще в студенческие времена. Его продавал совсем уж дряхлый старик, который еле передвигался. Зеркало так понравилось Олегу, что он заплатил, почти не торгуясь.

Оно было заключено в красивую резную раму. Судя по манере резьбы, а также по композиционному построению орнамента, зеркало висело на стене в замке какого-нибудь немецкого барона и попало в Россию после Великой Отечественной войны, реквизированное советским офицером высокого ранга.

Генералы, полковники и даже майоры имели тогда возможность привезти домой разное барахло, среди которого нередко попадались антикварные вещи. Хотя, конечно, больше всего ценились машины и мотоциклы, но они достались немногим.

В моменты, когда с ним случались приступы черной меланхолии, художника почему-то тянуло к зеркалу. Он останавливался перед ним и долго всматривался в его таинственную глубину. Олега не интересовало собственное отображение; его взгляд проникал в зазеркалье – туда, где шевелились странные бесформенные тени и рождались образы, от которых становилось жутко.

Зеркало действовало на него как наркотик, добавляя в кровь адреналина и вытаскивая художника из состояния тоски, а нередко и отчаяния, смешанного с безысходностью.

– Кто там? – осторожно спросил Олег.

Ночное приключение еще не совсем выветрилось из головы, и художник нервно вздрагивал от каждого шороха.

– Вам посылка.

– Почта?...

– Нет. Мы от Карла Францевича.

Олег отворил дверь и увидел на лестничной площадке двух молодцев. У их ног стоял большой картонный ящик, перевязанный бечевой. В такие обычно упаковывают телевизоры.

– Мы сами занесем, – предупредили порыв Олега посыльные. – Ящик тяжелый...

Им и впрямь пришлось попыхтеть, пока они втащили ящик в неширокий проем входной двери.

Наверное, парни были служащими какой-то почтово-транспортной конторы, потому как попросили Олега расписаться на фирменном бланке, что он получил посылку. Художник сам несколько раз пользовался услугами таких частных фирмочек, обеспечивающих быструю доставку почты в любой конец страны и за рубеж.

Открыв ящик, Олег убедился, что его содержимое подбирал человек, весьма подкованный в художественном ремесле. Кроме набора пигментов, необходимых для приготовления красок, представляющих практически всю палитру, там было хорошо выдержанное ореховое масло, широко применяющееся старыми мастерами, и копаловый лак явно кустарного производства, что только увеличивало его преимущества.

Но главным гвоздем программы был холст, натянутый на подрамник. От него просто веяло стариной. Создавалось впечатление, что некий средневековый мастер изготовил много таких заготовок под картины, а затем законсервировал их.

Олег, знающий толк в реставрации живописных произведений, взял большую лупу и спустя несколько минут вынужден был с удивлением констатировать – да, все верно, холст явно не современный и уж тем более не фабричный. Переплетенные по-особому нити основы указывали на то, что холст имел иноземное происхождение.

«Скорее всего, Нидерланды, – подумал художник, совсем сбитый с толку. – Кустарная работа... Но что значат все эти ухищрения? Нынешним заказчикам, понятия не имеющим в живописи, чаще всего без разницы, на чем будут изображены их физиономии. Некоторые художники пишут картины даже на паршивом картоне, не выдерживающем никакой критики. И ничего. Обычно такие холсты, как этот, в основном искусственно состаренные, применяют при изготовлении подделок, ради больших гешефтов, но портрет-то зачем? Загадка...»

До двенадцати, когда должен был прийти клиент, оставался почти час, и Олег сварил себе кофе. По дороге он забежал в гастроном и купил много продуктов, едва пакеты до мастерской дотащил.

Добавив в кофе грамм двадцать коньяка, художник начал задумчиво прихлебывать обжигающую нёбо горечь. В голове роились мысли – одна мрачней другой.

Он думал, что за всю свою жизнь ему не доводилось испытать столько разных приключений. А еще Олегу сильно захотелось вернуться на круги своя, но он прекрасно понимал, что назад ходу уже нет...

Клиент опоздал на тридцать минут. Олег даже начал его выглядывать, сидя у окна. Наконец в половине первого к дому подъехали две импортные машины – черный «мерседес» и вторая (сверху художник не смог определить ее марку), с охраной.

«Круто, – подумал художник, чувствуя, что начинает волноваться. – Интересные знакомые у

этого Карлы...»

Мужчина, который вошел в мастерскую, представлял собой яркий образец большого чиновника в постсоветской России. Вальяжный, упитанный, в костюме стоимостью не менее пяти тысяч долларов, с золотыми швейцарскими часами на запястье руки, он олицетворял собой наглую безнаказанную силу провинциальной бюрократии.

Едва глянув на него, Олег тут же предположил, что, кроме взяток на своем чиновном посту, у этого господина есть еще и заводик, возможно, не один, и скорее всего, по розливу водки. А на чем еще можно заработать кучу денег, как не на гнусном суррогатном пойле, от которого люди мрут, как мухи?

И попробуй останови деятельность такого «бизнесмена», если вся милиция и прокуратура ходит под его крылом.

Вместе с ним в мастерскую вошли два охранника, которые без лишних слов осмотрели все ниши и шкафы. Удовлетворившись осмотром, один удалился, а второй остался у входа. Он не спускал глаз с Олега, следил за ним, как кот за мышью, готовый в любой момент пустить в ход оружие.

– Илья Максимович, – представился чиновный клиент Олегу, но руки не подал.

– Очень приятно, Олег, – вежливо ответил художник.

– Мне сказали, что вы лучший в своей деле... – сказал клиент, разглядывая интерьер мастерской с брезгливой миной; в его голосе явственно прозвучало сомнение.

Олег лишь вздохнул сокрушенно про себя – надо было сделать генеральную уборку. Не успел. Правда, не очень и хотелось.

Он мысленно поставил себя на место клиента, и совсем по-иному посмотрел на стены с ободранными обоями – будто их местами погрыз пес, на кучи разного хлама по углам мастерской, на старый письменный стол, испещренный пятнами самого разного происхождения, на картонные со старыми эскизами, развешанные по стенам; глядя на них можно было подумать, что это работы начинающего художника...

Нет, картина, открывшаяся взору чиновного клиента, точно не впечатляла.

– Цыплят по осени считают, – ответил Олег сдержанно, но с вызовом, чувствуя, что начинает заводиться.

– Что ж, посмотрим... – Илья Максимович бросил взгляд на свои наручные часы. – Сегодня у меня мало времени. От силы час и сорок минут.

– Для начала достаточно, – коротко ответил Олег.

Он усадил его в кресло, предварительно застелив сидение куском чистого негрунтованного холста, и начал работать над рисунком. Постепенно он полностью отключился от окружающей действительности и очнулся лишь от слов своего «натурщика»:

– Мне пора.

– Да-да, конечно...

Олег болезненно поморщился – еще бы полчаса не помешали. Остались мелкие уточнения; обычно их делают во время работы маслом, но уж больно заказ был ответственным.

Художник понимал, что просто обязан добиться того, чего ждал от портрета заказчик-иностранец – сходства не только внешнего, но и внутреннего. Это не одно и то же. Об этом Карл Францевич заявил при первой же встрече, расхваливая купленный им портрет кисти Радлова.

И потом – требование готовить краски вручную...

Дело, в общем-то, было ясным. И Олег только порадовался, что его клиент принадлежит к новобарскому сословию новой России. Нувориши и вороватые чиновники не вызывали в нем никаких эмоций, кроме презрения и пролетарской ненависти.

Теперь Радлов, дворянин неизвестно в каком колене, хорошо понимал чувства, овладевшие «черной костью», полунищими крестьянами, когда они в годы революции шли грабить и жечь помещичьи поместья...

– Мне нужно сделать несколько фотоснимков вашего лица крупным планом, – сказал Олег, доставая свой «Nicon», подаренный отцом.

– Зачем?

– Чтобы поменьше держать вас при позировании. Вы, я вижу, человек занятой...

– Что ж, если надо...

Сфотографировав Илью Максимовича несколько раз в фас, в три четверти и в профиль, Олег спросил:

– Когда мне ждать вашего появления в следующий раз?

– Ну... где-то через неделю. Я вам позвоню. У вас есть визитка?

Вопрос был задан небрежным тоном, явно предполагающим отрицательный ответ. Естественно, откуда у бедного художника деньги, чтобы заказать отнюдь не дешевые визитные карточки...

– Да, конечно... – Чувствуя, что начал краснеть от гнева, Олег достал из ящика письменного стола пачку визиток и отдал одну из них чиновному клиенту.

И едва не попросил вернуть ее обратно, чтобы заменить, – визитки в этой пачке были на английском языке. Он подготовил их к персональной выставке, надеясь, что на него обратят внимание иностранцы.

Так оно и вышло, только этому обстоятельству Олег был почему-то не очень рад...

– Вы бывали за границей? – невольно удивился Илья Максимович.

«Мог бы и промолчать, – злился Олег. – Эка невидаль – заграница. Нынче каждый сопляк может приобрести авиабилет и лететь куда угодно, хоть в Австралию или Конго. Все дело в деньгах. А он решил, что я полное ничтожество, лишенец, не способный заработать даже на ремонт мастерской. Впрочем, если честно, этот вальяжный хмырь недалек от истины...».

– А у вас что, с английским слабо? – не преминул ответить он колкостью, ловко увильнув от прямого ответа на поставленный вопрос.

– Нет, нет, все о`кей, – поспешил парировать укол художника Илья Максимович. – Тут все понятно. До свидания.

Он ушел. За ним потопал и охранник, закрывая шефа своей широкой спиной. Парень здорово

устал и едва не уснул стоя, но Олег из зловредности не предложил ему стул. Конечно, для этого пришлось бы освободить его из-под груды подрамников, но для хорошего человека художник постарался бы.

Однако охранник не вызвал в его душе положительных эмоций. Физиономия парня подсказывала, что он был зачат своими родителями, пребывающими в состоянии алкогольного опьянения. В начале «демократизации» такие дебилы ходили по улицам и рынкам толпами, терроризируя мелких торговцев.

Теперь многие из них – самые невезучие и тупые – лежат под могильными плитами. И лишь некоторые (кто не сидит в тюрьме, и не сбежал за рубеж) слегка пообтесались – ровно до уровня чуть выше дорожного бордюра, чтобы завести собственное дело или занять места среди депутатов разных уровней.

Закрыв дверь на ключ, Олег обессилено упал в кресло и закрыл глаза. Он вдруг почувствовал себя совершенно опустошенным. Ему никогда не приходилось так сильно уставать, работая над портретным рисунком. Наверное, причиной тому послужили большие деньги, которые он уже получил, и которые его ждали по окончании работы.

Но, скорее всего, его усталость имела другое происхождение. Временами художнику казалось, что из него изливается какая-то сильная энергия и сразу же впитывается пожелтевшим от времени грунтом холста.

Глава 15

Связь художника и портрета, который он писал, проявлялась все сильнее и сильнее. В свое время, работая над изображением Лиляны, он этого не ощущал. Наверное, потому, что был совсем юн, и какая-то неведомая и непонятная сила, овладевавшая Олегом, когда он рисовал человека, тогда еще не совсем созрела.

Но теперь было совсем другое дело. Едва Олег брался за кисть, как внутри словно щелкал невидимый переключатель, и он с неистовой страстью погружался в феерический цветной мир тонов и полутонов.

Совсем недавно художник видел красочные мазки как бы плоским зрением, а нынче он стал различать их в объеме, разделяя на десятки оттенков. Он писал в манере старинных мастеров, лессировками, но не дожидаясь, пока высохнет предыдущий красочный слой.

Чтобы сцепление подсохшего и свежего красочных слоев было прочным (от чего, собственно, и зависит долговечность картины в многослойной живописи), Олег протирал прописанные места чесночным соком.

Ему было известно, что чесночный сок не размягчает затвердевший слой красок, а лишь оставляет загустевшее клейкое вещество, способствующее сцеплению слоев. В будущем это обстоятельство могло сказаться на сохранности картины, но художник знал рецепт от своего деда для таких случаев – в сок ядреного чеснока добавлялся винный спирт, настоянный на корешках некоторых растений.

Наконец настал день, когда последний мазок улегся на то место, что нужно, и Олег, отлакировав холст, отвалился от портрета, как насытившаяся кровью пиявка от человеческого тела. Только в его случае все было с точностью наоборот – изображение высосало из него все силы.

Он с трудом добрался до дивана и упал на него, ощущая огромную душевную опустошенность. Несмотря на позднее время, художник знал, что он долго не сможет уснуть. Им овладели непонятное раздражение и черная меланхолия. В этот момент он ненавидел весь мир.

Его разбудило треньканье колокольчика. С трудом продрал глаза – он так и уснул на диване, не раздеваясь – Олег пошел к двери, шатаясь как пьяный. Он чувствовал себя словно после тяжелой болезни.

– Кто? – прохрипел он, держась за горло, которое немного побаливало.

Наверное, ангина, подумал Олег. С чего бы? Среди лета...

– Это я, милейший Олег Ильич! – раздался за дверью бодрый голос иностранца.

– А... – Мысленно послав любезного Карла Францевича куда подальше, художник открыл дверь и побрел обратно.

У него совсем не было желания с утра пораньше общаться с кем бы-то ни было, тем более – с этим подозрительным иностранцем.

– Как заказ? – первым делом спросил немец, водружая на стол объемистый пакет.

– Вон он... стоит, – вяло ткнул Олег пальцем в сторону мольберта. – День-два и можно забирать. Лак еще не высох.

Чтобы ускорить процесс, художник не стал дожидаться, пока высохнет последний красочный слой и нанес покровный лак по сырому. Он знал, что от этого качество картины не ухудшится.

– Ну-ка, ну-ка... – Карл Францевич подошел к мольберту и застыл, восхищенно цокая языком.

– Ц-ц-ц... Ах, как здорово! Я в вас не ошибся. Видна рука мастера. Что значит кровь.

– Вы это о чем? – насторожился Олег.

Иностранец как-то нехорошо ухмыльнулся и ответил, вильнув взглядом в сторону:

– О ком, милейший Олег Ильич. О вашей бабушке. Вы унаследовали его гены. Сознаю, у меня есть несколько работ Радлова-старшего. Как это говорил на Руси – яблок от яблоня близко падай... – Он вдруг начал коверкать слова на иностранный манер.

«Придуривается, – подумал художник. – Паяц...» И тут же мысленно себя отругал. Нет, этот Карл совсем не похож на паяца. Он скорее гоблин в человеческом обличье.

– Я как чувствовал, – между тем продолжал Карл Францевич и снова на чистом русском языке; даже излишне чистом, словно он был диктором телевидения или конференсье. – Поэтому принес тут кое-что, дабы отметить этот знаменательный момент в наших отношениях. Нет, нет, никаких отговорок!

С этими словами иностранец начал разворачивать пакет. В нем оказались бутылка вина странной формы – явно иностранная, и не магазинная, а с винных погребов, даже пыль на ней сохранилась, и легкая закуска, большей частью фрукты.

– Бокалы у вас найдутся? – спросил Карл Францевич.

Олег смутился.

– С этим делом у меня напряг, – буркнул он неприязненно. – Был бокал... один, да и тот намедни упал и разбился.

– Это не беда, – бодро сказал немец. – Давайте любую посуду. Хорошее вино не может испортить даже простая глиняная кружка. Между прочим, с глины люди пили много веков подряд. И от этого особо не страдали.

Вино было просто превосходным. Тяжелое, густое, и в то же время обладающее восхитительным букетом и хорошей прозрачностью. На просвет оно было как чистый рубин. А еще вино оказалось очень хмельным.

Олег отпил совсем немного, треть стакана, и тем не менее вино загло внутри целое жарожище. Оно хлынуло по жилам, словно поток расплавленной лавы, миглом взбодрив художника и разом покончив с остатками мизантропического настроения и хандры.

– Как вино? – спросил немец, наблюдая за Олегом со странным интересом.

– Великолепное, – совершенно искренне ответил художник, у которого сразу поднялось настроение. – Никогда такого не пил.

Иностранец рассмеялся.

– Еще бы, – ответил он не без самодовольства. – Это настоящее фалерно – из лозы, которая произрастает в итальянской Кампаньи. Его пили еще римские цезари... – Немец сделал многозначительную паузу, уколол Олега острыми буравчиками своих мрачных темных глаз, и добавил: – Нужно отметить, что и Понтий Пилат, римский прокуратор и наместник Иудеи, оставивший изрядный след в истории, тоже был весьма неравнодушен к фалернскому...

«Причем тут Понтий Пилат? – безмятежно подумал Олег. – Винцо и впрямь славное, словно бальзам. Тяжести на душе как не бывало. Классный напиток... Надо узнать, где это фалерно можно купить. У меня теперь денег будет – как у собаки вшей. На что мне их тратить?».

– Мне хотелось бы иметь такое вино в своем баре, – сказал художник. – Не подскажите, где его можно приобрести?

Карл Францевич снова развеселился.

– Ах, любезнейший Олег Ильич! Сразу видно человека неискушенного в тонкостях виноделия. Впрочем, даже весьма опытный в своем деле *sommelier*[40] стал бы в тупик, предложи ему кто-нибудь продегустировать фалерно, которое мы сейчас пьем. Такие вина в супермаркетах не продаются. Иногда их выставляют на аукционы, но очень редко. Глоток этого фалерно почти равноценен такому же количеству – по весу – расплавленного золота.

От его слов Олег поперхнулся и резко отставил свой стакан в сторону.

– Вы... шутите? – спросил он, резко трезвея.

– Ни в коем случае. Разве я похож на шутника?

– Нет, но...

– Ни слова больше! Я понял вас. И прошу меня простить. Мне не стоило говорить о цене этой бутылки. Да, мне повезло купить коллекцию вин на аукционе, и среди них не только фалерно, но я весьма состоятельный человек и могу себе позволить маленькие слабости. И самое главное, дорогой Олег Ильич – все познается в сравнении.

– Не понимаю, о чем вы говорите...

– Ну это же так просто... То, что обычному человеку, не обремененному излишним количеством денег, представляется большой ценностью, для состоятельного джентльмена

кажется сущим пустяком. Уверяю вас, есть такие закрытые клубы, где бокал вина стоит не меньше, чем эта бутылка фалерно, хотя по вкусовым и прочим особенностям наше вино стоит неизмеримо выше. И тем не менее, богатые господа платят. Но не за вино. А за возможность принадлежать к кругу избранных. Вот такая арифметика, милейший Олег Ильич.

После «лекции» иностранца пить вино Олегу расхотелось. Впрочем, и сам Карл Францевич не настаивал на продолжении застолья. Он вдруг поскущел, стал серьезным и неулыбчивым. Выдержав необходимую паузу, иностранец сказал, поднимаясь:

– Премного вам благодарен, Олег Ильич, за то, что вы исполнили мою просьбу. Вот остальные деньги. Портрет я забираю.

– Но я ведь уже говорил, что лак еще не высох...

– Это ничего. Мы упакуем его так, чтобы не повредить красочный слой...

С этими словами Карл Францевич посмотрел на входную дверь... и тут же зазвенел колокольчик.

Недоумевающий Олег пошел открывать.

В мастерскую вошел водитель иностранца. Он нес плоскую картонную коробку точно по размеру подрамника портрета. Приветствовав художника вежливым кивком головы, он, повинаясь жесту немца, быстро и сноровисто уложил портрет в коробку и ушел, держа ее перед собой горизонтально, словно в ней находился торт.

– Всего вам доброго, – попрощался Карл Францевич. – Мне бы хотелось надеяться, что мы еще продолжим наше плодотворное сотрудничество.

Олег неопределенно пожал плечами.

– Да, кстати, едва не забыл! – Иностранец остановился на пороге. – Вашими полотнами заинтересовались зарубежные коллекционеры. Надеюсь, вы простите меня за то, что я дал им ваш адрес и номера телефонов – того, что в мастерской, и мобильного.

– Заинтересовались?... – Художник решил, что ослышался.

– Именно так, милейший Олег Ильич, именно так. Советую вам не продешевить. Они все равно купят. Это истинные ценители. Они умею различить подлинный талант. До свидания...

Карл Францевич ушел. Дверь закрылась. Ошеломленный Олег глядел на нее, как замороженный, глупо хлопая ресницами. Неужели его мечты начали сбываться?!

Он перевел взгляд на стол. Там лежала очередная пачка долларов. Художник взял ее в руки и почувствовал, как в нем просыпается чувство уверенности в своих силах, которое он уже начал терять из-за творческих неудач.

Живем!!! – мысленно вскричал Олег. Какая-то неестественная радость заполонила все его естество, и художник затанцевал, запрыгал по мастерской как молодой козлик.

Так случается с умирающим от голода и жажды путником, наткнувшимся на оазис посреди пустыни, а в нем – водоем с чистой родниковой водой, над которым растут пальмы и созревают кокосы и бананы.

Еще совсем недавно Олег чувствовал себя ничемным неудачником. Одним из тех мазил, которые вечно плачутся, что общество не оценило их талант. И которые топят последние его

крохи в вине.

Встреча со странным немцем все поставила на свои места. Он востребован! Олег совершенно не сомневался, что ему скоро позвонят упомянутые Карлом Францевичем коллекционеры. Этот иностранец слов на ветер не бросает.

И вообще – какое Олегу дело до чиновного взяточника?! (Кстати, он узнал, что позирующего звали не Илья Максимович, а Ильяс Максудович, и работает он первым заместителем мэра). Тем более, что цветущий вид природы предполагал долгую и успешную жизнь.

За время работы над портретом (немногим больше месяца; Олега сильно задержал процесс приготовления красок вручную) чиновный клиент не изменился ни на йоту, что почти успокоило художника.

Каждый топчет в этой жизни свою тропу, в том числе и я, думал Олег, и не моя проблема, если она пересекается с чьей-то другой. И не только пересекается, но и затапывает ее.

Художник перевел взгляд на стол, который он прикрыл листом ватмана – вместо скатерти. Иностранец оставил драгоценное фалерно; забыл? Вряд ли. Какое-то время Олег колебался, а затем решительно налил себе полстакана и выпил, смакуя каждый глоток.

Да, это и впрямь было не вино, а нектар. «Оставлю... для особых случаев», – решил художник. Чувствуя необыкновенную легкость во всем теле, он вызвал такси, чтобы доехать до своего дома, и, замкнув мастерскую, вышел на улицу.

Такси еще не подъехало и Олег от нечего делать начал рассматривать прохожих, классифицируя их, как портретист, по типам лиц. Неожиданно он почувствовал на себе чей-то острый пронизывающий взгляд. Художник даже вздрогнул от неприятно чувства, будто ему бросили за шиворот кусочек льда.

Олег посмотрел на противоположную сторону улицы и увидел, что там стоит странного вида старик. Он был высок и прям, несмотря на годы, которые выдавала его седая борода и худое аскетическое лицо, изборожденное глубокими морщинами.

Одежда старика и вовсе была невероятна в современных городских условиях. Он был одет в подпоясанную сыромятным ремешком, длинную домотканую рубаху с красной вышивкой по вороту, полосатые портки и лапты с обмотками, закрепленные на лодыжках тонкой бечевой.

На плече у старика висела вышитая бисером кожаная сума – та, что в свое время называлась калитой[41]. В руках он держал клюку, а длинные белые волосы на лбу были схвачены темно-красной лентой.

Но самыми примечательными были глаза старика. Огромные, бездонные и голубые, как весеннее небо, они, казалось, смотрели прямо в душу Олега.

Не выдержав их неистового напора, Олег отшатнулся и на мгновение прикрыл лицо рукой. А когда снова посмотрел на старика, то его уже там не было. Он словно испарился. Лишь стайка сизых голубей вдруг упала с небес на то место и начала деловито клевать раскрошенное печенье, которое бросал им под присмотром няньки крохотный карапуз.

«Что это? – спрашивал себя Олег в сотый раз. – Видение? Возможно. А что если это Дедко? Приехал меня навестить... – Он мысленно рассмеялся; правда, смех этот был мрачноват. – Мы ведь теперь с ним почти кореша... Нет, вряд ли. Совсем не похож. Дедко будет пониже и пошире в плечах. А этот высокий, худой... и сильно похож на волхва, как его изображали дореволюционные художники. Смешно... Волхв в нашем городе. Нет, братец кролик, ты с этим фалерно будь поосторожней. Не исключено, что в нем образовался от длительного

хранения какой-то галлюциноген. Вполне возможно...»

На город надвигалась гроза. Небо вдруг стало черным, а затем местами окрасилось в красный цвет – словно в сажу добавили киновари. Сильный порыв ветра обломал толстую ветку дерева, что росло на обочине улицы, и она упала прямо перед бампером такси.

Побледневший от страха таксист, чудом сумевший затормозить в последний момент, – наверное, чисто интуитивно – истово перекрестился.

Глава 16

Олег был в загуле вторую неделю. За это время он по несколько раз отметился почти во всех приличных ресторанах города и даже посетил казино «Золотой век». В это престижное заведение хаживали в основном те, у кого денег куры не клюют. А он налил под завязку спиртным и пошел.

И самое удивительное – выиграл!

Десять с половиной тысяч долларов ему принесли на блюдечке с голубой каемкой. От большого удивления Олег заказал на тысячу фейерверк, чтобы поблагодарить удачу, а остальные попытался пропить, но не получилось – провинция...

Это в Монте-Карло можно за вечер спустить в ресторане тысяч двадцать, а в городе, где жил художник, на выигранные в казино деньги можно было напоить все взрослое население до положения риз.

Ему везло. Удивительно везло. За что бы он ни брался, все превращалось в деньги. Иногда Олег даже начинал пугаться такого непонятного везения.

У него купили все его картины; даже те, что он когда-то писал левой ногой. И что характерно, покупателями были чаще всего иностранцы, которые платили, почти не торгуясь. Но самое смешное – Олег наконец узнал истинную цену своих полотен.

Как-то ему попала в Интернете одна статейка, в которой рассказывалось о современном искусстве и торгах на зарубежных аукционах. У Олега глаза полезли на лоб, когда он прочитал там свою фамилию и то, что одну из его картин купили... почти за сто тысяч долларов!

Это была фантастика. Он точно помнил, что отдал ее иностранцу за пять тысяч зеленых бумажек. Как могло такое случиться, что цены на его произведения взлетели до небес?!

Тогда Олег стал продавать свои полотна на порядок дороже. И все равно к нему выстраивалась очередь. О нем писали центральные газеты, его стали показывать по телевидению, и не только по местному, а однажды он удостоился публичной похвалы самого Церетели.

Олег стал модным художником. Что это такое, он узнал, когда его начали приглашать на различные светские тусовки и в «приличные» дома. Временами (когда он еще был трезвым) Олег сам себе начинал казаться комнатной собачкой редкой породы типа чихуа-хуа.

Непривычный к такому пристальному вниманию к своей персоне, художник прятался по углам, но его все равно вытаскивали на свет ясный, и ему приходилось выкаблучиваться перед толпой разряженных «новых» господ, надувая щеки и изображая из себя что-то

такое-эдакое.

Когда ему это паясничанье надоедало, он напивался до неприличия, что никак не сказывалось на его имидже. Даже наоборот – тусовщики объясняли выходки пьяного Олега квинтэссенцией творческой личности.

В конечном итоге, устав от гламурной жизни, он стал избегать выходов в свет, мотивируя свое поведение большим количеством заказов, которые обязательно нужно выполнить в срок. Этот довод для городской бизнес-элиты оказался весьма убедительным – деловые люди понимали, что работа, которая приносит деньги и славу, прежде всего.

На самом деле Олег писал очень мало. Он вдруг утратил интерес к своему ремеслу. Тех денег, что лежали у него на счете, Олегу могло хватить до нового пришествия. Тем более, что он не привык шиковать.

А другого стимула к творчеству художник найти не мог. Он плыл по течению, даже не делая попыток выбраться на берег...

Карл Францевич почему-то не объявлялся. Он как в воду канул. Олег наводил о нем справки, но никто ничего о нем не знал.

Однажды художник поехал к нему на квартиру. Его словно тянул к себе этот загадочный иностранец.

Но в пентхаусе уже жили другие люди, какой-то хорошо упакованный господин. Его домработница, с которой Олег столкнулся на лестничной площадке (она как раз выводила гулять пса, премерзкого и злобного с виду питбуля) сказала, что никогда не слышала об иностранце, и что ее хозяйева живут в этой квартире уже три года.

Ее ответ сильно озадачил Олега, который не знал, что и думать.

Конечно, можно было спросить у Ильяса Максудовича, но художник почему-то поостерегся это делать. Впрочем, скорее всего, он и не смог бы выйти с ним на контакт. Бывшего заместителя мэра избрали депутатом Государственной Думы, и теперь он заседал в Москве.

Сегодня Олег решил навестить когда-то горячо любимый им бар «Олимп». Он не был в нем уже очень давно. Ему хотелось полностью освободиться от реалий прошлой жизни, зажить по-новому.

Когда у него появилось много денег, он сделал капитальный ремонт мастерской и квартиры; в квартире художник поменял всю старую мебель, двери и окна. Полы в ней были паркетными, поэтому Олег их оставил, как память о родителях, только отциклевал и покрыл очень стойким лаком.

А еще он избегал встреч со своими коллегами, даже не приходил на отчетное собрание союза художников. И не потому, что возгордился, а из-за примитивной зависти собратьев по ремеслу, которая непременно должна была обрушиться на него многотонной лавиной. Ему очень не хотелось под нее подставляться.

Олег уже был далеко не мальчик, и хорошо представлял, какие разговоры идут среди членов союза. Он оказался первым из живых художников, проживающих в городе, кто добился международного признания.

Но даже успех Радлова на зарубежных аукционах не так больно бил по самолюбию коллег Олега, как его баснословные, по их мнению, заработки. Этого не смог пережить спокойно даже твердокаменный ленинец Злотник, сам далеко не бедствующий и сумевший каким-то образом купить своим двум отпрыскам дома в Англии.

(Впрочем, его кумир, Ульянов-Ленин, предводитель мировой гольфтыбы, тоже как-то умудрялся никогда не ощущать денежных затруднений и в эмиграции жил на широкую ногу).

На собрании Злотник внес предложение вывести Олега из состава правления как уклониста, который не участвует в общественной жизни союза художников. За это проголосовали почти все присутствующие на собрании.

Кто бы в этом сомневался...

Сегодня Усика Сарафяна не было. Усевшись за свободный столик, Олег сделал заказ и с интересом огляделся. «Олимп» был тот же и в то же время какой-то другой. Присмотревшись внимательней, художник понял, что его смутило.

Усик-Сусик заменил стойку бара. Вместо прежнего деревянного короба сверкало никелем экстравагантное суперсовременное сооружение, дизайнерский изыск. Новая стойка подходила мрачноватому полуподвальному помещению как корове седло.

Не успел Олег выпить первую рюмку, как в бар ввалилась четверка закадычных дружков. Вавочкин, Шуршиков, Прусман и Хрестюк уже были слегка навеселе. Наверное, зашли в бар добавить, понял Олег.

Поднявшись, чтобы привлечь к себе внимание, он позвал их, повысив голос, так как в «Олимпе» было шумно.

– Здорово, Олежка! – с чувством потряс ему руку Вавочкин. – Сто лет тебя не видел.

Он говорил, а его глаза были прикованы к столу, который Олегу накрыли по высшему разряду.

– Привет, – доброжелательно сказал Шуршиков, и рука Олега утонула пухлой, словно перина, ладони писателя.

– Да-а, нам так не жить... – с подковыркой бросил Прусман, но его рукопожатие было крепким и вполне дружеским. – Такой коньяк пивали только баре...

А Хрестюк полез обниматься. С чувством облобызав Олега, он не без пафоса выдал несколько стихотворных строк:

– Шаги в опустевшем доме. Как холод внезапный – летом. В оконном застыл проеме художник – автопортретом. Чертовски рад лицезреть твой нордический лик, дружище!

– Взаимно, – ответил Олег и сделал рукой приглашающий жест. – Присаживайтесь. Сегодня я угощаю.

– Хорошие слова и, главное, вовремя сказанные, – обрадовался Вавочкин и плюхнулся в креслице рядом с Олегом.

Остальные тоже не стали церемониться, и вскоре за столом воцарилась привычная атмосфера дружеского застолья.

Впервые за долгие дни и недели Олег почувствовал себя в своей тарелке. Он шутил, смеялся, его подкалывали, он тоже не оставался в долгу... Никто из четверых друзей-приятелей не заискивал перед ним, не пел дифирамбы, не заставлял рассказывать, как у него прорезался талант, признанный на международном уровне.

Обстановка за столом была, как прежде... ну, может, чуточку не такая, менее искренняя, но все же, все же...

Художник увидел ее, едва она вошла в бар. Она остановилась на пороге и осмотрелась. Ее безразличный взгляд скользнул по верхам голов, лишь на миг зацепившись за внезапно побледневшего от какого-то предчувствия Олега, который слегка привстал. Затем она прошла к стойке бара, где села на высокий круглый стульчак и что-то себе заказала.

С этой минуты бар для Олега стал пустым. Вокруг мельтешили какие-то полупрозрачные тени, Хрестюк начал читать свои новые стихи, но его слова доходили до художника словно сквозь толщу воды и звучали глухо и невыразительно, а светильники начали мерцать как звезды, освещая своим холодным неземным светом только ее.

Кто она? – вопрошал сам себя Олег. И по дорогой одежде, купленной явно не на вещевом рынке, и по поведению девушки было видно, что она – не путана. Ей уже минуло немало лет, где-то около тридцати; возраст натурщиков художник определял с большой точностью.

Это женщинам только кажется, что различные косметические ухищрения и подтяжки кожи лица делают их моложе. Приятное во всех отношениях заблуждение. Пусть их.

Но человека пронзительного, в особенности художника, которому довелось сделать сотни рисунков живой натуры, трудно провести. Одна маленькая морщинка на все еще точеной, «лебединой», женской шее может рассказать ему многое, и даже подчищенная дата рождения в паспорте не сможет поколебать мнение специалиста.

Что она забыла в баре, который ну никак нельзя было назвать популярным и престижным среди состоятельных горожан? Эта мысль не давала Олегу покоя. И почему она одна...

Девушка была красива. Но не той броской красотой, на которую так падки глянцевые журналы или различные конкурсы красоты, а какой-то домашней, мягкой и светлой. Да и ее параметры не подходили под общепринятые стандарты.

Она была невысокого роста, но фигуристая. Черные волосы девушка заплела в короткую толстую косу и перевязала алой шелковой лентой. Но особенно поражали ее ножки. Они были совершенной формы. Такие ноги имели древнегреческие богини, изваянные в мраморе.

К глубокому сожалению и недовольству художника, девушка привлекла не только его внимание. Пока он пребывал в некотором замешательстве, заключавшемся в вечном вопросе русских интеллигентов «что делать и как быть?» – подойти к ней прямо сейчас или чуть позже, девушку окружили несколько парней, наперебой предлагая ей свою компанию.

Она вежливо отмахивалась, погруженная в невеселые мысли (судя по несколько мрачноватому выражению ее миловидного личика), но парни не отставали. Особенно вел себя напористо один из них, крутолобый здоровяк с характерным бритым затылком. Раньше в баре Олег его не видел.

Но девушка на уговоры не поддавалась. Она упрямо крутила головой и говорила «нет». Тогда совсем потерявший голову здоровяк схватил ее на руки и под гогот приятелей понес к своему столику.

Увидев это, Олег вскочил, кипя праведным гневом, но его придержал за рукав Прусман, который исподтишка наблюдал за художником.

– Не лезь, остынь, – сказал он с нажимом. – Я знаю этих отморожков. Им человека резать, что тебе стакан воды выпить.

– Пусти!

– Не чуди, Олег. Это гораздо серьезней, чем ты думаешь. Будет драка, а потом и другие

неприятности. Кулаками махать – это не наш профиль. Ты ведь знаешь выражение «кто на что родился»? То-то. В лучшем случае тебе ребра и нос сломают. А в худшем... – Прусман изобразил на пальцах какую-то каббалистическую фигуру. – Изыди, нечистый! В худшем придется нам идти на поклон к Злотнику. Чтобы он организовал прощание с известным всему миру членом нашего союза по высшему разряду.

Пришлось Олегу, скрепив сердце, сесть на место. Тем более, что и остальные собутыльники, даже не вникнув в суть дела, схватили его за полы.

– А ну вас!... – сказал он в сердцах и одним махом выпил рюмку коньяка.

Тем временем история получила неожиданное продолжение. Девушка вдруг перестала сопротивляться и даже заулыбалась, и удовлетворенный верзила разжал свои объятия и поставил ее на ноги. Он думал, что чернавка сядет за стол. Но не тут-то было.

Едва освободившись от его медвежьего захвата, она вдруг сильным и точным ударом вогнала острый носок своей туфли прямо ему в промежность. От дикой боли парень согнулся пополам, замычал, как раненый бык на бойне, и словно подкошенный рухнул на пол.

А затем девушка схватила со стола пустую бутылку из-под водки, отбила у нее доньшко и весьма решительно продемонстрировала ошарашенной компании образовавшуюся в итоге смертоносную «розочку».

– Ничего себе... – Изумленный Прусман хотел еще что-то добавить, но лишь резко закрыл рот, при этом щелкнув зубами.

– Какая девушка! – восхищенно сказал Вавочкин, от возбуждения ерзая в кресле. – Огонь. Моя Зайнаб когда-то была такой же.

– Зато ты остался прежним, – хохотнул Шуршиков. – Ни одну бабу не пропустишь, взглядом насилуешь.

– Как только что сказал наш коллега, – Вавочкин кивнул в сторону Прусмана, – кто на что учился. Если мужчину не интересуют чужие женщины, значит он уже глубокий старец.

– Эка ты загнул, батенька... – Шуршиков погладил себя по упитанному животу. – Ты не смотри, что я худой и кашляю. Мы тоже, знаешь ли, пока кое-что можем. Неделю назад я с такой кралею познакомился...

Начался обычный мужской треп. Олег его не слушал. Он продолжал наблюдать за отчаянной девушкой.

Уладив отношения с компанией бедного здоровяка, которого подняли под руки и усадили в кресло, она вернулась к стойке бара, спокойно и неторопливо допила свой коктейль, и не спеша направилась к выходу.

К этому времени народ в баре успокоился и сосредоточился на своих проблемах. Поэтому почти никто не обратил внимания, как оклемавшийся здоровяк вместе со своим дружкой последовали за девушкой, стараясь быть понезаметней.

Олег решительно встал и провожаемый неодобрительным взглядом Прусмана поторопился к выходу. Намерения здоровяка, опозоренного девушкой при всем честном народе, не были для него загадкой.

Он подоспел как раз вовремя. Парни набросились на девушку и, несмотря на ее отчаянное сопротивление, потащили за угол.

Не долго думая, Олег схватил подвернувшуюся под руку палку и огрел ею все того же здоровяка. Парень охнул, отпустил девушку, обернулся, и в следующую секунду художник увидел кулак, который очень быстро летел на сближение с его лицом.

Удар разозлившегося здоровяка оказался настолько силен, что Олег отлетел метра на три от эпицентра событий. На мгновение он отключился, но когда к нему вернулась возможность соображать, художник вскочил на ноги и снова набросился на парня, который уже намеревался своими ботинками попробовать на прочность ребра Олега.

Драка завязалась нешуточная. Олег вцепился в здоровяка, как бульдог, и они начали возиться на асфальте, нещадно обрабатывая друг друга отнюдь не слабыми ударами и зуботычинами.

Почувствовав, что губы разбиты в кровь, Олег осатанел. Из глубины души вдруг поднялось какое-то темное, нехорошее чувство, и он начал даже не бить противника, а рвать его – словно тигр свою добычу.

Наверное, здоровяк испугался. Видимо, он не был психологически готов к такому отпору. Олег разорвал ему рот, едва не выдавил глаза и добирался до горла. Парень что-то прохрипел в отчаянии, перестал наносить удары и попытался вырваться.

Но Олег словно с ума сошел. Он рычал, как затравленный зверь, и продолжал полосовать противника сведенными судорогой скрюченными пальцами, на время превратившимися в ороговевшие отростки.

Неизвестно, что он сделал бы со своим противником, но тут Олег услышал голос девушки:

– Перестаньте! Вы убьете его!

И не по-девичьи сильные руки оттащили Олега от поверженного здоровяка, который уже не сопротивлялся, а лежал, закрыв голову руками, и подвывал, словно побитый пес.

– Что такое, в чем дело?! – вопрошал Олег, все еще пребывающий в каком-то отороженном состоянии. – Что вам надо?!

Он не узнавал склонившейся над ним девушки, и даже посчитал ее своим противником, но врожденный пиетет перед женщинами не позволил ему нанести ей удар. С трудом сдержав этот кровожадный порыв, Олег перевел дыхание, и встал на ноги.

Красная пелена, до сих пор застывшая его глаза, постепенно растаяла, растворилась в свете уличных фонарей, и художник, наконец, сообразил, кто перед ним и где он находится.

– Простите... – сказал он покаянно. – Я всего лишь пытался вам помочь...

– Ваша помощь оказалась весьма кстати. Но нам нужно убираться отсюда, – решительно сказала девушка. – И как можно быстрее.

А где же второй? Олег осмотрелся и увидел, что приятель здоровяка лежит на земле и не подает признаков жизни. Художник испуганно спросил:

– Он что, мертв?!

Девушка рассмеялась.

– Нет. Этот придурок всего лишь испытал на своей шкуре, что такое электрошокер. Он скоро очнется.

Она показала художнику черный пластиковый цилиндр длиной примерно двадцать и диаметром около трех сантиметров с двумя электродами на конце.

– Понятно... – Олег облегченно вздохнул.

Художник уже увидел, что и его противник пытается сесть.

– Уходим. Вы со мной? – спросила она. – У меня машина.

– С вами, – не колеблясь ни секунды, ответил Олег.

– Тогда поехали.

– Поехали... – как эхо повторил художник, не веря своей удаче.

Это же надо – все вышло так просто и естественно. (Если, конечно, не считать драки). Он почти познакомился с этой невероятной девушкой; оставалось лишь представиться. Удача снова была на его стороне...

Они ехали недолго. У девушки была симпатичная новенькая «мазда» сиреневого цвета. Олег боялся, что испачкает кровью кожаные сиденья, поэтому держался скованно.

А еще он думал, что поступил правильно, оплатив заказ в баре заранее. Олегу хорошо были известны трюки официантов «Олимпа».

Дождавшись, пока пьяный клиент перестанет что-либо соображать, они дописывали в его счет такие баснословные суммы, словно в меню значилась не свинья отбивная, а горб американского бизона, даже в Штатах считающийся редким и очень дорогим деликатесом.

Теперь ему не будет неловко перед компанией, потому что в противном случае у них могли быть затруднения и даже неприятности.

– Мне бы... – Он назвал адрес своей квартиры. – Если это вас не затруднит...

– Я не оставляю вас одного, – сказала девушка. – Вам нужна медицинская помощь. Вы посмотрите на себя в зеркало... ужас! А я как-никак в свое время оканчивала курсы медицинских сестер. Едем ко мне. У меня есть все необходимое. Вы не против?

– Что вы! – невольно вырвалось у Олега.

Девушка затаенно улыбнулась; наверное, своим мыслям...

Жила она в центре, в престижном районе. Квартира у нее была небольшая, всего две комнаты (правда, просторные, с высокими потолками), но со вкусом обставленная. Имелась в квартире и просторная кладовка, которую переделали под платяевой шкаф.

– Ну и вид у вас... – сказала девушка с сочувствием. – Вы как будто выскочили из какого-то американского боевика. Глядите...

Она подвела Олега к большому зеркалу в прихожей, и он невольно отшатнулся, увидев в нем не себя, а какого-то грязного, вывалившегося в пыли бомжа. Он был весь в крови, лицо в синяках, которые продолжали проявляться, а одежду словно порвали взбесившиеся псы.

«Здоровый, гад! – с внезапно нахлынувшей злостью подумал о своем противнике Олег. – Такое впечатление, что по мне танк прокатился...»

И тут же он сильно пожалел, что согласился заехать к девушке домой. Что она может подумать, глядя на оборванное, грязное чучело?

– Мне бы для начала обмыться, – сказал он хмуро, не глядя на девушку.

– Обязательно. Вот свежее полотенце, а вон дверь в ванную.

Олег не только принял душ, но также постирал рубашку и, как смог, почистил брюки. Когда он разделся, то увидел, что синяки проступили не только на лице, но и на всем теле. А еще он свез левую руку, когда упал на шершавый асфальт, и царапины продолжали понемногу кровоточить.

– Вот теперь совсем другое дело, – с удовлетворением сказала девушка, когда он наконец вышел из ванной.

– Да уж... – смущенно буркнул Олег, не зная, как дальше себя вести.

Его тянуло к этой девушке со страшной силой, и одновременно ему хотелось немедля ни минуты выскочить за дверь и уехать отсюда, чтобы никогда не возвращаться. Эта непонятная двойственность желаний сковывала художника и в словах, и в поступках.

– А вот рубаху вам придется снять, – молвила девушка. – Она вся изорванная. Я попытаюсь ее подремонтировать.

– Что вы, не стоит...

– Но вы же не наденете мою кофточку? – Она рассмеялась. – И потом, я вижу на вашем теле царапины. Их обязательно нужно смазать йодом. Ребра целы?

– Как будто...

– Это хорошо. А синяки до свадьбы заживут. Или вы уже женаты?

– Да как-то не смогился...

Олегу показалось, что девушка посветлела лицом.

– Тогда тем более я должна привести вашу одежду в надлежащий вид, – сказала она решительно. – Ведь это вы из-за меня пострадали. И вообще – я неблагодарная свинушка. Я даже не высказала вам свое большое горячее спасибо. Вы спасли меня.

– У меня есть такое подозрение, что вы и сами с ними справились бы.

– Вряд ли. Я не успела достать шокер из сумочки. Немного зазевалась. А они напали внезапно. Негодяи...

Олег снял рубаху и девушка начал обрабатывать ушибы и царапины перекисью водорода и йодом. Когда ее руки прикасались к его телу, у художника захватывало дух. Прикосновения девушки действовали на Олега как легкий удар током.

Когда медицинские процедуры были закончены, девушка вдруг спохватилась:

– Мадонна! Что это со мной сегодня?!

– Вы о чем?

– А вы не догадываетесь?

– Нет.

– О, времена, о, нравы... Мы ведь так до сих пор и не представились друг другу. Это

форменное безобразие.

– Да... вы правы. Меня зовут Олег.

Девушка церемонно подала ему свою узкую, но крепкую ладонь и ответила:

– Маргарита...

Глава 17

Появился иностранец. Он свалился, как снег на голову. Олег как раз заканчивал натюрморт, который заказал ему московский банкир. В последнее время у него вдруг проснулось неистовое желание творить, и художник днями не отходил от мольберта.

Впрочем, разгадка его энтузиазма лежала на поверхности. Работая над живописными полотнами, Олег таким образом убивал время. Дело в том, что Маргарита днем была на службе (она работала в какой-то мутной конторе типа «купи-продай»), и они могли встречаться только по вечерам.

Первое время он места себе не находил, наблюдая за большим циферблатом старинных напольных часов. Он словно издевался над ним. Иногда ему казалось, что движется только минутная стрелка, а часовую заклинило на одном месте.

Тогда Олег и нашел отдушину в виде работы над картинами. А когда он сидел за мольбертом, время даже не бежало, а летело. Это вполне устраивало художника, и он за месяц сделал больше, чем за год.

Он сблизился с Маргаритой в первый же вечер. Она не отпустила его домой, а когда наступило время отойти ко сну, Маргарита, не говоря ни слова, завела его в свою спальню, разделась, и они окунулись в удивительно прохладный и ласкающий китайский шелк простыней.

После, когда они отдыхала, Маргарита сказала:

– Я была замужем...

– Это недостаток?

– Думаю, что нет. Просто констатация факта.

– Почему ты ушла от него?

– Ушла не я, а он.

– Не может быть?!

– Еще как может.

– Ничего не понимаю... Тебя нельзя не любить.

– А он любил. И сейчас любит.

– И тем не менее, ушел. Не понимаю...

– Я не любила его. Этого оказалось вполне достаточно.

– Он оказался чересчур гордым...

– Скорее, страдающим нарциссизмом. До него никак не могло дойти, почему другие женщины от него без ума, а я к нему холодна.

– Тогда зачем ты выходила за него замуж?

– Потому что дура.

– Это не ответ. И на дуру ты никак не похожа.

– Спасибо за комплимент. Между прочим, умные женщины ночами по значным местам не шастают без кавалеров. В отличие от меня.

– Просто ты устала от одиночества, и тебе нужно было развеяться. Но так, чтобы потом о тебе лишней раз не судачили. Мне это знакомо. А поскольку в других, более престижных, заведениях подобного типа тебя, скорее всего, хорошо знают, ты выбрала бар, который не посещают твои знакомые и друзья. Я прав?

– Да... почти. А вышла я замуж потому, что так захотелось моим родителям.

– Это какой-то нонсенс. В наше время – и патриархальный обычай, давно канувший в небытие. Ну разве что на Кавказе или в Средней Азии... Но ты ведь славянских кровей.

Маргарита рассмеялась грудным смехом.

– Сложный вопрос... – ответила она. – В моем роду были и поляки, и немцы, и даже, как намекала бабушка, французы. Но по паспорту я русская, так как мой отец – сибиряк. А мама – украинка. По крайней мере, она родилась во Львове.

– В общем, ты сплошной интернационал. Что только добавляет тебе шарму.

– Оказывается, ты еще и льстец. Кроме того, что забияка.

– Нет, я не забияка и не бузотер. Просто на меня что-то нашло.

Маргарита крепко обняла его и шепнула на ухо:

– Это не на тебя нашло, это я тебя нашла...

Карл Францевич снова представился милым и веселым бонвиваном[42]. Он притащил с собой, как обычно, пакет со снедью и выпивкой и заставил Олега быстро накрыть на стол.

– У вас тут большие перемены, как я вижу, – сказал он, окинув любопытным взглядом мастерскую. – Судя по всему, ваше финансовое положение значительно улучшилось.

– В общем... можно и так сказать. Все благодаря вам.

– Ну уж, мне... Благодарите ваших предков, которые передали вам по наследству большой талант.

– Передали?...

Иностранец испытующе посмотрел на Олега и под его тяжелым взглядом художник невольно опустил глаза.

– Вы считаете, что это не так? – Карл Францевич посмотрел на кресло, которое художник пододвинул к столу, оценил на глазок его чистоту, и сел, слегка поддернув узковатые брюки.
– Все в этом мире взаимосвязано. А уж прочная связь предков и потомков несомненна. Кровь, знаете ли...

– Вам трудно возразить.

– И не пытайтесь. Вы еще молоды, а я... У меня за плечами годы и большой опыт.

– Несомненно...

– А вы присаживайтесь, присаживайтесь, милейший Олег Ильич. Я сегодня не завтракал, а время уже обеденное. Да и вы, наверное, изрядно проголодались. Наливайте. Выпьем за ваши успехи. Это, конечно, не фалерно, однако меня уверяли, что вино отменное. Я купил эту бутылку еще в Москве, на Арбате.

Олег скептически покривился, наполнил бокалы (он купил их только потому, что в мастерскую нередко заходила Маргарита), и они выпили.

Вино, которое принес иностранец, не выдерживало никакой критики. Несмотря на достаточно невзрачную этикетку (это как раз говорило о том, что напиток должен быть превосходным), где были указаны шато – замок, в котором произвели вино, и его классификация – Grand Cru [43], оно даже близко не лежало возле винных подвалов Бордо.

– Как, неужели в вашей стране, да еще в столице, могут быть мошенники?! – возмутился иностранец. – Это не вино. Это совсем не похоже на вино, несмотря на этикетку.

– Людям свойственно ошибаться, – дипломатично заметил Олег. – Наверное, этикетку перепутали. Так иногда бывает.

– Позвольте возразить. Об ошибке не может быть и речи. Вино продавалось в дорогом и престижном магазине, который обязан отвечать за качество продукта. Значит, меня обманули. И заставили испытать неловкость. Это непростительно.

– У меня есть хороший армянский коньяк, – сказал Олег. – Если вы желаете...

– Армения когда-то славилась коньяками. Что ж, попробуем.

Возможно, и коньяк не пришелся по вкусу Карлу Францевичу, но он не подал виду. Закусив бутербродом с красной икрой и двумя ломтиками осетрины, немец вытер губы бумажной салфеткой и сказал:

– К вам обратится один молодой человек с просьбой нарисовать его портрет, так вы уж не откажите ему. Он приедет завтра.

– Опять?! – невольно вырвалось у Олега.

После того, как он написал портрет вице-мэра, любое подобное предложение художник встречал в штыки. Олег внимательно следил за прессой и выпусками новостей, но Ильяс Максудович продолжал восхождение по карьерной лестнице и не думал ни болеть, ни умирать.

Вскоре Олег успокоился, решив, что перестал своим мистическим даром отрицательно влиять на людей, и очень этому порадовался. Он даже думал с огромным облегчением, что утратил его. И тем не менее, портретной живописи он по-прежнему избегал, словно внутри у него стоял какой-то тормоз.

– Так надо, Олег Ильич, – с мягким нажимом сказал иностранец. – Материалы для работы и холст вам привезут. Как и в прошлый раз.

Он смотрел на Олега добродушно и благожелательно, но его глаза давили на художника, словно тяжелый пресс.

– Ну... если надо... – Олег сдался.

Карл Францевич поболтал минуты две-три о том, о сем, и ушел, оставив после себя запах дорогого мужского одеколona и еще чего-то, какой-то экзотической травы. Что это за трава, Олег никак не мог вспомнить.

Проводив иностранца к двери, художник вернулся к столу, налил себе полный бокал коньяка и выпил его, почти не ощущая вкуса. На душе было сумрачно и тревожно.

Глава 18

Новый клиент оказался молодым, говорливым и шустрым как живчик. А еще Олегу показалось, что он чего-то сильно опасается, хотя старается не подавать вида. Клиент приехал на недорогом (по сравнению с престижными марками) «фольксвагене», но, как и вице-мэр, в сопровождении машины с охраной.

Похоже, молодой мужчина был крутым и богатым бизнесменом. А как в России в конце двадцатого века делались большие деньги, Олегу было известно не понаслышке.

– Давайте знакомиться, – приятно улыбаясь, сказал клиент и крепко пожал руку художника. – Меня зовут Алекс.

– Олег... Простите, а как вас по батюшке?

– Зачем такие церемонии? Мы с вами почти одногодки.

– Как пожелаете...

– А не перекусить ли нам для начала? – сказал Алекс, указывая на корзину, которую внес в мастерскую его охранник.

Она была прикрыта белоснежной салфеткой, но из-под нее выглядывали горлышки двух бутылок.

– Если вы голодны, то пожалуйста. Но я не буду.

– Что так?

– Мне нужно, чтобы во время работы у меня был пустой желудок. Ну разве что чай или кофе...

– Даже так? – Алекс был сильно удивлен. – Как можно работать голодным?

– Сытость притупляет реакции и остроту восприятия. Я уже не говорю о спиртном.

– Не знал, не знал... Тогда и я не буду. Мы вместе пообедаем. Когда вы закончите работу.

– Что ж, это разумно...

Работать с такой неусидчивой натурой было трудно. Алекс все время вертелся на стуле, словно в его сидение был вбит гвоздь. Олег несколько раз просил Алекса посидеть спокойно, но вскоре смирился с таким положением вещей и положился на свою фотографическую память.

Он лепил лицо Алекса фрагментами, словно делал мозаику. А когда посмотрел критическим взглядом на почти законченную работу – рисунок углем, то едва не выругался вслух.

Алекс на картине выглядел взъерошенным и испуганным. Олег изобразил его внутреннее состояние.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Алекс. – Получилось? Можно посмотреть?

– Нет! – отрезал Олег. – Только когда я закончу. – И накрыл мольберт с подрамником большим куском холстины.

Нужно было еще закрепить рисунок фиксативом – чтобы уголь не осыпался, но он решил сделать это, когда Алекс уйдет.

– Но почему, почему?!

– Я человек суеверный.

– А... Понятно. Что ж, если так... – Он с сожалением покривился. – Тогда есть предложение отобедать. Думаю, что пора. Не знаю, как вы, но я готов съесть жареные гвозди.

Алекс заразительно рассмеялся.

– Чуть позже, – ответил Олег. – Нам еще предстоит фото-сессия. Мне нужно сфотографировать ваше лицо – фас, профиль, анфас. Это много времени не займет...

Съестных припасов, что находились в корзине, хватило бы дня на три. Все было свежее и очень дорогое. В том числе и текила «анехо» семилетней выдержки.

– Как вы насчет текилы?... – спросил Алекс.

– Я, конечно, не большой знаток крепких спиртных напитков, но что касается этой текилы, то ваш выбор можно только приветствовать.

– Это мне посоветовала моя девушка, – признался Алекс.

– Наверное, она много помоталась по миру...

– Вы угадали. Легче перечислить страны, где Лолита не была, чем те места, куда она ездила отдыхать.

Понятно, с сарказмом подумал Олег. Деньги идут к деньгам. Все как в старые времена. Современные богатеи ищут своим отпрыскам жен из весьма состоятельных семей. И находят.

Естественно, о любви речи не идет. Женитьба или замужество – всего лишь очередной бизнес...

Текила и впрямь оказалась превосходной. На подпитии Алекс стал еще разговорчивей. Он трепался почти без пауз. Олег лишь слушал и поддакивал.

Но в какой-то момент Алекс, несмотря на то, что уже был на изрядном подпитии, вдруг стал очень серьезным и спросил, понизив голос едва не до шепота:

– Вы тоже... с нами?

– Простите, не понял...

– Бросьте! А то я совсем тупой и ни о чем не догадываюсь... Мой наставник сказал мне, что портреты доверяют рисовать только кому-нибудь из братьев.

– Я не знаю, о чем вы говорите.

Олег соврал. Он уже все понял. В свое время его интересовали тайные сообщества, в том числе и масоны. Он перелопатил много разной литературы, часами копался в Интернете, и в памяти кое-что отложилось.

Художник вспомнил, что при посвящении будущий масон обязан предоставить руководству масонской ложи свой портрет. Этим, на первый взгляд символическим, жестом неопит как бы отдавал в залог свою душу, что предполагало полное согласие с идеалами масонства и служило предостережением от предательства.

– Вот! – торжествующе вскричал Алекс. – Именно это мне и нравится больше всего. Неукоснительное соблюдение тайны и братская помощь.

– А вам какая помощь нужна?

– Да все вроде ничего, но никак не могу продвинуть свой бизнес дальше Латвии и Эстонии. А мне хочется выйти на крупные западные рынки. Там лежат большие деньги. Но – везде тормоз. Русских стали бояться. Мы накопили очень большие капиталы, которые пока не работают, как должно. Поэтому нас стараются никуда не пускать. Хоть бейся головой о стенку.

– И вы решили...

– Да. Да! Ради дела я готов даже с дьяволом пойти в одной упряжке. Главное – прозвучать на международной арене. А без помощи сильных мира сего со всеми своими деньгами и возможностями я всего лишь нуль без палочки. Уж поверьте мне.

– Верю.

– Ну, мне пора, – сказал Алекс, посмотрев на часы. – Когда очередной сеанс?

– Приезжайте через пару дней. Но предварительно позвоните. Вот моя визитка. Вы, я так понимаю, не местный?

– Нет. Я из Москвы. Но у меня здесь образовались кое-какие делишки... так что в вашем распоряжении я могу быть целую неделю. Управитесь?

– Постараюсь. Но сам портрет будет готов только к концу месяца.

Они попрощались, и Алекс ушел. Нужно сказать, что он, в отличие от Ильяса Максудовича, не вызвал у Олега неприятия. Парень как парень. Деловой и хваткий. Олег даже пересилил себя и сделал гипотетическое предположение, что Алекс сумел нажить состояние, не ступая по трупам конкурентов.

И все же молодой бизнесмен не чувствовал себя уверенно. Он явно чего-то боялся. И совсем не факт, что Алексу так уж сильно понадобились богатые западные рынки. Просто он искал защиты у могущественных и вездесущих масонов.

Но тогда выходит, что Карл Францевич – глава какой-то масонской ложи? Не исключено.

Ладно, пусть не глава, но один из руководителей.

Олег с облегчением вздохнул. Масоны так масоны. Среди них в прошлом было немало людей талантливых и вполне достойных. Лишь бы деньги платили и в душу не лезли. Главное, что немец заказывал ему портреты не потому, что хотел кому-то зла, а по совсем иной причине. Так велит устав «вольных каменщиков», как называли себя масоны.

Повеселевший художник допил свою текилу, подошел к мольберту и сдернул покрывало. Надо все переделать, подумал он с огорчением. Иначе это будет не светлый портрет молодого, уверенного в себе, бизнесмена, а кошмарный офорт Гойи[44]...

За полгода Олег написал еще четыре портрета. Карл Францевич уже не приезжал, только звонил. Финансовое положение художника еще больше упрочилось, и он наконец приобрел себе машину. До этого Олег не испытывал ни малейшего желания сесть за руль, но, как говорится, nobles oblige – положение обязывает.

Он купил себе дорогую японскую «тойоту» – во всех отношениях надежную и выносливую машину, которую не смущали даже российские дороги. По крайней мере, так проинформировали Олега специалисты по автомобильному маркетингу.

Чтобы опробовать ее на ходу, он решил немного поколесить вместе Маргаритой по загородным маршрутам, благо снегопады прекратились, и установилась хорошая погода. А заодно и проветриться, пообщаться накоротке с природой, потому что за работой Олег не заметил, как пробежало лето, затем отплакала проливным дождями осень, потом как-то очень быстро отшумели новогодние праздники (Новый год они с Марго встречали вдвоем) и наступил вьюжный месяц февраль.

Все это время он практически не выходил из мастерской. А почти все вечера Олег посвящал общению с Маргаритой, но и они происходили обычно в четырех стенах, чаще всего возле его знаменитого камина.

Марго очень любила забраться с ногами в кресло и подолгу неотрывно смотреть на огонь. Она словно что-то там видела, какой-то огненный фильм. Ее лицо то светлело, и она затаенно чему-то улыбалась, то становилось мрачным и озабоченным, и тогда ее глаза метали молнии.

Эта резкая смена настроений интриговала Олега, даже иногда пугала, но он держался как стойкий оловянный солдатик – ни о чем не спрашивал и делал вид, что не замечает ее дурного настроения. Так они договорились сразу – не лезть друг другу в душу, если на то не будет доброй воли.

Но самое интересное – она никогда не заводила речь о своих родителях и не расспрашивала Олега про его семью. Это было какое-то странное табу. Олег и этот момент воспринял совершенно спокойно. Видимо, у Маргариты с родителями отношения были натянутыми.

– Куда мы едем? – спросила она, когда Олег выехал за город.

– Куда прикажешь.

– Тогда в лес. Я знаю одно красивое место. Там такие потрясающие ели...

– Снегу много. Главные дороги успели почистить, но что касается проселков... Боюсь, моя японка забуксует. И придется нам тогда покинуть теплый салон и заняться спасательными работами на морозе.

– Не волнуйся, там есть лесная дорога. По ней мало кто ездит, но она всегда очищена от снега. Это даже интересно. Возможно, дорога ведет в лесничество или к лесной деревне.

Правда, я смотрела по карте и ничего не нашла, но это еще не факт.

– В лес, так в лес, – беспечно ответил Олег и добавил газу.

«Тойта» рванула с такой скоростью, что деревья по обочинам только замелькали.

– Не гони так быстро, – сказала Маргарита. – Иначе мы приедем к конечному пункту гораздо раньше, чем положено.

– Понял. К тому конечному пункту, на который ты намекаешь, у меня нет желания торопиться.

Они дружно рассмеялись. Сегодня пятница, завтра и послезавтра у Марго выходные, и от предвкушения радостных встреч и свиданий, не ограниченных во времени, у Олега хмелела голова.

Место и впрямь было очень красивым. Они заехали в лес (действительно, дорога оказалась вполне сносной) километра на два и остановились на берегу небольшой речушки. По ее берегам росли густые пушистые ели, которые придавали таинственность и даже сказочность всей картине.

Но главным сюрпризом оказался совершенно чистый лед – словно и не было многочисленных метелей, укрывших землю полуметровым слоем удивительно чистого снега. Наверное, в этом месте дули сильные ветры, которые очистили лед и отполировали его до зеркального блеска.

– Ну почему, почему мы не взяли коньки?! – воскликнула восхищенная Маргарита и закружила на льду в плавном вальсе, каким-то чудом сохраняя равновесие.

– Осторожно! – воскликнул Олег. – Лед может быть тонким, и ты провалишься.

– А ты спасешь меня, – беспечно ответила девушка.

– Я не умею плавать.

– Да ну?!

– Шучу... Хватит забавляться, нужно дело делать. Иди сюда, поможешь.

– Слушаюсь, гражданин начальник!

Они развели костер и начали поджаривать на нем сосиски, которые Олег захватил в гастрономе на окраине города. Сосиски показались им просто восхитительными. Потом они пили кофе из термоса, захваченного Олегом, и дурачились, бегая на четвереньках по льду – играли в догонялки.

– Давай проедем дальше, – вдруг предложила Маргарита. – Время еще не позднее, дорога неплохая...

– Твои желания для меня закон.

– Ой ли?

– Готов землю есть, чтобы доказать это, но она мерзлая.

– Вот, все вы мужики такие. Герои только на словах.

– Нет, я не такой. Я лучше.

– Правда?

– Вот те крест.

– Мой милый рыцарь... – Маргарита впилась в его губы крепким и долгим поцелуем.

А затем дала коварную подножку, опрокинула Олега в сугроб и начала хохотать...

Дорога и дальше была очищена от снега. Но следов каких-то снегоуборочных мероприятий не наблюдалось. Создавалось впечатление, что снег лишь припорошил дорогу, а остальной снежный заряд равномерно распределился по лесу.

Наконец дорога привела их к странному строению. Оно было сложено из окоренных бревен, клетью, и напоминало средневековый княжеский терем. Даже крышу построили теремком и покрыли тесом.

Только почерневшие от времени стены сильно изгрызли древоточцы, и было непонятно, как строение до сих пор не развалилось.

Терем окружал частокол – в землю были вбиты колья, заостренные сверху, – и имел ворота с калиткой. Олегу даже почудилось, что на эти колья нанизаны человеческие головы, а над ними кружит воронье. (Впрочем, стаи ворон и впрямь летели над лесом, только чуть поодаль; похоже, они направлялись на место ночевки). Он вздрогнул и протер заслезившиеся глаза.

Поначалу показалось, что терем нежилой. Но едва приметная полупрозрачная струйка дыма над печной трубой доказывала обратное.

– Как в сказке, – почему-то шепотом сказала Маргарита.

– Не нравится мне здесь, – сдержано ответил Олег. – Жутковато...

– Просто ты не романтик. Давай зайдем внутрь. Интересно, кто здесь живет?

– А вдруг это притон разбойников? Как в сказке. Это твои слова.

– Любая сказка предполагает хеппи энд, счастливый конец.

– Умеешь ты убеждать. Но как мы в него проникнем? Ворота закрыты, калитка на замке.

Олег продемонстрировал свои слова, попытавшись отворить калитку, но она не поддавалась.

– Это делается очень просто, – ответила Маргарита и звонко крикнула: – Э-эй, хозяева! Ау! Пустите погреться!

Поначалу не происходило ничего. Терем как был, так и остался безмолвным. Немного подождав, Маргарита хотела снова включить свои неслабые децибелы, но тут за забором раздались шоркающие шаги, стариковское покашливание, затем звякнул засов, калитка отворилась, и к молодым людям вышел старик.

Глянув на него, Олег обомлел. Это был тот самый, что привиделся ему в облике древнерусского волхва!

Маргарита, приняв смиренный вид, продолжила свою игру:

– Здравствуйте! Можно у вас немного отдохнуть и погреться?

Посмотрев испытующе на девушку, старик перевел взгляд на Олега, который вмиг помрачнел.

– Погреться? – переспросил старик, не ответив на приветствие. – А чего ж, ежели добрые люди... Заходите.

Олег испытывал сильное желание немедленно сесть за руль и гнать машину отсюда на самой большой скорости, с которой только можно ездить по лесной дороге. Он был сыт по горло странными стариками, ведуньями и разными таинственными событиями, обрушившимися на его бедную голову за последний год.

Но Маргариту будто что-то толкало на приключения. Она схватила Олега за рукав и едва не силком втащила его на подворье. Старик шагал впереди, все такой же длинный и ровный словно палка.

Художник осмотрелся. Подворье как подворье, ничего особенного. Слева сарайчик, возле него большая поленница. Живности не было никакой, даже собаки, что сильно удивило Олега.

Обычно у всех лесных жителей бегают по двору кобелек, а то и несколько; притом это не какие-нибудь дворняги, а кавказские или русские овчарки, нередко вместе с лайкой, если хозяин охотник. Жить на отшибе, вдали от людей, всегда было небезопасно.

Горница, куда завел старик незваных гостей, была очень просторной, на весь терем. Посреди нее стояли два толстых деревянных столба; они поддерживающие массивные балки. В углу громоздилась большая русская печка с лежанкой; в ней дотлевали угли.

Внутри было темновато; наверное, поэтому на столе едва теплился жировой светильник, который несколько раз подмигнул вошедшим в горницу. Возле него лежала толстая книга в изрядно потертом кожаном переплете, из-за чего ее название не читалось. А может, его и не было вовсе.

Олег был немного обескуражен. Терем, в отличие от своего внешнего вида, изнутри оказался весьма добротным строением; даже тщательно выскобленные некрашенные половые доски не скрипели и между ними не было щелей.

– Располагайтесь, – сказал старик, указывая на скамейку, застеленную домотканым ковриком. – А это вам для сугреву...

Он поставил на стол наполненную каким-то напитком деревянную братину с ковшиком и две керамические кружки. Олег принялся, с удовлетворением кивнул и ковшиком разлил напиток по кружкам.

– Что это? – шепотом спросила Маргарита, с подозрением глядя на его манипуляции.

– Думаю, что хорошо выдержанный подогретый мёд[45], – негромко ответил Олег. – Напиток наших прародителей. Пей, это вкусно и полезно.

Старик не слышал их переговоров; он ковырялся возле печки.

Олег сделал несколько глотков и понял, что не ошибся, доверившись своему обонянию, – мёд оказался просто превосходным. В нем присутствовали какие-то травы, от чего он был немного терпковат, но это только добавляло ему неповторимости и даже изысканности вкуса.

Художнику и раньше приходилось пробовать хмельной мёд. Этот напиток любил дед, который сам и варил его, используя старинные рецепты, передающиеся из рода в род.

– Боже, какая прелесть... – подала голос Маргарита. – Будто огонь побежал по жилам.

– Сильно не увлекайся. Мёд коварен. Он может свалить с ног даже здорового мужика, привычного к спиртному. Притом незаметно. Пьешь, словно квас, а в итоге хмелеешь как от хорошего коньяка.

К столу подошел старик. Он держал в руках деревянное блюдо, на котором лежала румяная и лоснящаяся от горячего жира птичья тушка.

– Отведайте, – сказал старик, поставив блюдо посреди стола.

– Что это? – осторожно спросил Олег.

Он никак не мог избавиться от подозрений. Старик точно был тот самый; его выдавали по молодому блестящие голубые глаза, которые никак не соответствовали почтенному возрасту.

Но одежда на нем была не такой, как при первой встрече. (Или при первом явлении, подумал с невольным смятением Олег). Старик был одет в безрукавку из заячьего меха, темную рубаха, портки в мелкую полоску и обут в валенки. Обычный деревенский дед.

Ну разве что выправка у него была как у царского лейб-гвардейца. И манера держаться совсем не напоминала деревенскую простоту. Степенное достоинство просматривалось во всех его движениях. Возможно, так выглядел сельский староста в царское время.

– Это тетерка, – объяснил старик. – Утром в ловчие сети попала. А вот хлеб. Угощайтесь без стеснения.

Незваных гостей долго уговаривать не пришлось. У них неожиданно прорезался зверский аппетит. Тем более, что приготовленная как-то по-особому тетерка испускала умопомрачительные запахи.

– Ничего более вкусного есть мне еще не приходилось, – призналась Маргарита, совсем не по интеллигентному облизывая жирные пальцы.

– Что да, то да, – ответил Олег.

Несмотря на определенную расслабленность, которая наступила во время трапезы, он продолжал держаться настороже. Чтобы не стеснять незваных гостей, старик вышел во двор, но его незримое присутствие художник ощущал кожей.

– Нужно будет ему хорошо заплатить, – сказала Маргарита. – Жаль, что у нас нет никакого гостинца.

– Боюсь, что плату он не примет, – хмуро ответил Олег, который уже насытился.

Они съели полтетерки. Птица была большой и весила никак не меньше трех килограмм.

– Тебя что-то тревожит? – спросила Маргарита, пытаясь заглянуть ему в глаза.

– Нет, – поспешней, чем следовало бы, ответил Олег. – Но нам пора уезжать. Зимой быстро темнеет. А в темноте по зимнему лесу сильно не разгонишься.

– Да, пора. Спасибо, дедушка! – обратилась Маргарита к старику. – Все было очень вкусно. Мы ввели вас в разор...

– Не приветить путника – большой грех, – сурово ответил старик.

– Мы уезжаем, – сказал Олег. – А это вам за хлеб-соль. – Он с решительным видом достал из портмоне сто долларов; и поторопился добавить: – Всякий труд должен быть оплачен. Тетерки с неба сами не падают.

На удивление, старик от американских денег не отказался, в отличие от Беляя.

«А ведь я так и не съездил к Беляю, чтобы долг отдать, – с запоздалым раскаянием подумал Олег. – Все некогда... А сейчас зима, и туда можно добраться разве что на вездеходе. Как только станет тепло, и подсохнут дороги, сразу же отправлюсь в Зеньки».

– Ехать не советую, – молвил старик, к чему-то прислушиваясь. – Надвигается буран.

Олег выглянул в окно. Шел четвертый час пополудни, и небо уже начало по вечернему сереть. Но никаких намеков на предстоящий разгул стихии он не заметил. Даже ветра не было. Заснеженные ели за забором казались оплывшими свечами, вставленными в беломраморные подсвечники.

– Думаю, вы ошибаетесь, – ответил Олег. – Но нам и впрямь нужно торопиться. Еще раз большое спасибо вам за вашу доброту.

Старик ничего не ответил, лишь индифферентно пожал плечами – мол, как хотите, вам решать, мое дело предупредить, и направился к выходу; за ним последовали и его незваные гости.

Олег вышел на высокое теремной крыльцо – и едва не задохнулся от сильного порыва ветра, который прилетел неведь откуда и в один миг иссек лицо ледяной крупой. Откуда?!

– Ах! – воскликнула Маргарита, цепляясь за Олега, потому что ветер едва не сбросил ее с крыльца.

Художник поднял голову и увидел, что с севера надвигается черная туча – сажа с ультрамарином, испещренная сизыми мазками снежных вихрей. Она уже была почти над головой.

Но самым поразительным было другое – в ее толстом чреве время от времени возникало свечение, и слышались раскаты грома.

Гроза в феврале! Это было ново и необычно. Художнику захотелось немедленно взять в руки кисть и написать эскиз, насколько потрясающе эффектным был вид надвигающейся снежной бури, подсвеченный постепенно угасающим солнцем.

Надо запомнить, подумал он, впитывая глазами представший перед ним разгул стихии.

– Так мы едем или нет? – спросила Марго, прижимаясь к нему потеснее.

– Боюсь, старик прав. Через пять-десять минут видимость упадет до нуля. Снежный заряд идет вполне конкретный. Придется остаться, переждать.

– А как мы тогда вернемся? Ведь дорогу точно заметет.

– У нас есть две мобилки, так что связью с внешним миром мы обеспечены. Позвоним, чтобы прислали тягач или вездеход. Недалеко отсюда находится военная часть, у меня там есть хорошие знакомые.

– Ну, если так...

– Надо загнать машину во двор. Иначе потом не откопаем.

Поставив «тойоту» посреди двора, где, по идее, не мог образоваться большой сугроб, Олег вернулся в избу-терем. Маргарита сидели возле печи и, слегка щурясь, смотрела на горящие поленья.

Наверное, старик решил подбросить поверх едва тлеющих угольев сухих дровишек, потому что поднявшийся сильный ветер начал быстро забирать тепло.

Олег сел рядом с ней.

– И чем мы будем заниматься? – дразнящим шепотом спросила Маргарита. – Боюсь, нам придется здесь заночевать...

Словно в подтверждение ее слов ветер с такой силой ударил по терему, что он содрогнулся и закричал, как старый дед, которому положили на закорки тяжелый груз. И вслед за этим ударом раздался вой, будто разом подали голос волчья стая.

– Будем былины слушать, – нервно ответил Олег, покосившись на старика, который сидел за столом, в задумчивой позе, подперев голову рукой.

Художник все больше и больше не нравился этот лесной приют, в который их завело гипертрофированное женское любопытство Маргариты. Не было в нем человеческого тепла и той обжитости, которая присуща любой крестьянской избе.

Создавалось впечатление, что это всего лишь охотничий домик, куда время от времени наезжают сановные охотники, чтобы всласть попить водки подальше от нескромных глаз и убить какого-нибудь зверя... если, конечно, выберут время между застольями.

Но такое впечатление было обманчивым. Это Олег чувствовал на уровне подсознания. Внутренний голос подсказывал ему, что терем и старик совсем не то, что видится обычным взглядом.

Иногда художнику даже начинало казаться, что стены избы-терема раздвигаются до бесконечности, и они находятся в каком-то громадном древнем храме, купол которого находится в небесах. Но наваждение быстро проходило, и Олег начинал убеждать себя, что это всего лишь действие хмельного мёда.

Кто знает, на каких травках настаивал его старик...

Снег повалил так, будто Дед Мороз перед приходом весны решил очистить огромной метлой свои ледяные камеры и закрома. За окнами стояла сплошная белая пелена, которую иногда рвали в клочья сильные порывы ветра.

«Если буря продлится три-четыре часа, – с тоской думал Олег, – застрянем мы здесь неизвестно на сколько. Дороги может так замести, что никакой вездеход сюда не пробьется. Но главное другое – откуда такой сильный снеговой заряд? Я ведь перед выездом смотрел прогноз погоды в Интернете, и там ничего подобного даже близко не намечалось...»

А еще его мучила другая мысль – как старик узнал, что надвигается непогода? Ведь когда они ехали по лесу, во всю светило солнце, и небо голубело, словно перед весенней капелью.

Чудеса...

Чудеса ли? После посещения Ожеги художник несколько подправил свое мировоззрение. По крайней мере, он понял, что мир устроен не так просто, как кажется, и что странные проявления, кажущиеся чудесами, на самом деле всего лишь фрагменты ДРУГОЙ жизни,

параллельной человеческой.

А еще до Олега дошло, что не нужно испытывать судьбу и совать свой любопытный нос туда, где его можно лишиться...

Им все-таки пришлось заночевать в этой лесной обители. Снег шел до самого вечера, не прекращаясь ни на минуту. Природа словно сошла с ума. Лес под напорами бешеного ветра стонал, трещал и ухал.

Старик постелил им на лавках, а сам забрался на теплую лежанку. Несмотря на то, что под боками у них была отнюдь не перина и даже не жесткий ортопедический матрац, а всего лишь тонкое рядно, и Маргарита, и Олег уснули почти сразу, едва улеглись. Мёд оказался посильнее любого патентованного снотворного.

Сон приснился Олегу сразу же, едва он смежил веки. Какая-то неведомая сила подхватила его и понесла в метельную темень. Он попытался закричать, но ветер забивал дыхание, и Олегу пришлось смириться со своей участью.

В какой-то момент художник вдруг осознал, что все это происходит с ним во сне. Понимание этого факта пришло к нему как внезапное озарение. И Олег, уже совсем успокоенный, отдался на волю воздушных волн, которые то плавно качали его, то швыряли со стороны в сторону, словно утлое суденышко в шторм.

Наконец в сплошном сизом мареве появился просвет, и Олег пошел на снижение. Он уже не летел, а падал. От ужаса, что сейчас разобьется, художник забыл о своем сонном состоянии и что его видения – всего лишь проделки подсознания.

Олег вскричал и замахал руками, как птица крыльями, но все было тщетно, воздух больше его не держал... и тут тело художника легко, как пушинка, приземлилось на мягкий мох. Все еще не в себе от переживаний, он сел, тряхнул головой, приводя в порядок мысли, и осмотрелся.

Вокруг была степь. Судя по желтой траве, уже наступила осень. Над бескрайней равниной, на которой лишь кое-где виднелись холмы, низко нависло мрачное предгрозовое небо.

И слышался низкий вибрирующий звук какого-то струнного инструмента. Брум-м-м-м... Брум-м-м-м... Брум-м-м-м...

Неподалеку горел костер. Это Олег определил по запаху и по тонкой струйке дыма, едва видимой на фоне темно-серых туч. Сам костер был скрыт от взгляда художника невысоким холмом, явно рукотворным, очень похожим на могильный курган древних славян.

Олег встал и пошел к костру. Идти было легко, несмотря на высокую траву и кротовые норы. Художник посмотрел вниз и невольно ахнул: он не шел, а плыл по воздуху, лишь переставляя ноги и едва касаясь верхушек высокого сухостоя!

Костер возник перед ним внезапно, словно чья-то невидимая рука вмиг нарисовала его на громадном холсте. Чуть поодаль мрачной глыбой из серого песчаника возвышался каменный идол с жертвенником, почерневшим от запекшейся крови. Впадины на его грубо отесанной физиономии, изображающие глаза, смотрели на Олега пристально и злобно. Казалось, что в них притаились крохотные кровожадные зверьки.

Возле костра на скамейках сидели три женщины и пряли пряжу. Их прялки были украшены затейливой резьбой. Женщины были чем-то похожи друг на дружку – как родные сестры, и в то же время отличались.

Та, что посредине, казалась старше остальных. На ней была надета длинная вышитая рубаха

то ли белого шелка, то ли тончайшего полотна. Густые распущенные волосы пряжи ниспадали едва не до земли, хотя она и сидела на достаточно высокой скамье. Под кикой у женщины в районе темени ярко светилось серебряное наголовье в виде молодого месяца рогами вверх. Ее прялка была гораздо больших размеров, нежели у сестер (если, конечно, это были сестры), и отсвечивала позолотой.

Вторая пряжа – та, что справа, – была совсем юной. Она излучала какое-то неземное сияние – будто сошедшая с небес звезда. Девица была с косой и в кокошнике, расшитом бисером (а может, и драгоценными камнями); ее длинное льняное платье украшала богатая вышивка, а прялка была красного цвета. Нить из-под ее рук выходила ровная, прочная – одно загляденье.

Третья женщина тоже была молода, но ее бледное изможденное лицо навевало мысль о тяжелой и даже смертельной болезни. Она носила черное платье с капюшоном, напоминающее плащ; оно было оторочено темно-красной каймой. Ее распущенные волосы уже начали сесть, а тонкие исхудавшие руки с трудом справлялись с работой.

Прялка у поседевшей чернавки была темного дерева, а нить выходила тонкой, неровной и постоянно рвалась.

Женщины будто и не видели Олега. Они продолжали заниматься своим делом все так же размеренно и без остановок – как заведенные. Кто они? Почему сидят в голой степи, далеко от жилищ? И почему рядом с ними находится жертвенник с идолом?

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Олега, и он обратился к женщинам с приветствием – как и положено вежливому, воспитанному человеку. Но ни единый звук, кроме заунывной мелодии, состоящей из двух-трех нот, не потревожил неподвижный степной воздух.

От удивления Олег едва не прикусил язык. А потом закричал, что было мочи. Увы, старания Олега пропали втуне – голос у него пропал. Слышалось только тихое шипение, словно вместо голосовых связок у него внутри была проколота велосипедная шина.

Наконец, накричавшись вдоволь, Олег решил подойти к женщинам поближе. Он даже удивился, почему не сделал это сразу.

И тут его ждало еще одно разочарование: он и шел, и бежал, а расстояние между ним и костром не сокращалось. Мало того, и пейзаж не менялся, словно Олег только изображал бег, как это делают мимы.

Но на самом деле он даже запыхался.

Что за чертовщина?! Олег остановился и с недоумением уставился на невозмутимую троицу.

Наконец среди женщин началось какое-то другое движение. Чернавка совершенно запуталась в своей работе и остановилась, беспомощно глядя на подруг (или все-таки сестер?) Все три не проронили ни слова; похоже, они советовались мысленно.

Наконец старшая из женщин, которая сидела посередине, тяжело вздохнула, кивнула головой и скорбно потупилась. Чернавка решительно оборвала нить, сплошь состоящую из узелков и петель, она выпорхнула из ее рук, как испуганная стрекоза, и плавными кругами улетела ввысь, где и пропала среди туч.

Над степью послышалось «бам-м!», словно ударил большой колокол, а музыка зазвучала еще громче.

В этот момент Олег почувствовал, как у него под сердцем неожиданно закололо, будто туда

проникла заноза, а затем по телу волной прошла боль, которая очень быстро исчезла, словно испарилась.

Неожиданно женщины разом, словно по команде, подняли головы и посмотрели на Олега. Он как стоял, так и закаменел. Глаза у них были одинакового золотого цвета. Казалось, что они видят его насквозь, будто просвечивают рентгеном.

Непонятный страх сковал его тело тяжкими оковами, взгляды женщин тоже были свинцовой тяжести, и Олег начал задыхаться, не в силах терпеть такой огромный груз. Он даже не мог крикнуть.

И тут послышался сильный раскат грома. Это оборвалась струна неведомого музыкального инструмента, на котором явно играли не люди, а великаны. Звук был настолько силен и так больно надавил на ушные перепонки, что Олег мгновенно растерял все мысли, невольно вскрикнул, закрыл глаза и прижал ладони к ушам, чтобы не сойти с ума от грохота, который усиливался с каждой секундой...

И проснулся. Над ним склонилась испуганная Маргарита; она трогала его за плечо и что-то спрашивала, но он ничего не слышал, как после контузии, потому что в голове все еще бушевала гроза.

– ... Да что с тобой?! – Марго уже трясла его, как грушу.

– Ты... ты чего?! – Олег рывком сел и бессмысленным взглядом окинул горницу. – Со мной все нормально, – сказал он не совсем уверенно, когда к нему, наконец, дошли слова Маргариты.

Они были одни. Старик куда-то ушел. На дворе уже рассвело, и в окно заглядывало солнце.

«Ничего себе, – подумал Олег. – Хорошо мы поспали... Наверное, одиннадцатый час».

– Ты кричал во сне, – сказала Маргарита, приглаживая его растрепанные волосы.

– Бывает. Сон мне приснился...

– Кошмарный?

– Я бы так не сказал. Но очень странный.

– Расскажешь?

– Что-то не хочется. Как-нибудь потом. И вообще, я в сны не верю.

– А я верю. Почти все мои сны сбываются.

– Я тоже тебе приснился?

– Да.

– Иди ты! Почему я об этом узнаю только сейчас?

– Как-то не было момента, чтобы и эту свою тайну тебе открыть.

– Наверное, я предстал перед тобой златокудрым богатырем, эдаким былинным Алешей Поповичем, – пошутил Олег.

Маргарита весело рассмеялась.

– Хочешь верь, хочешь нет, но это совсем не так, – ответила она. – Мне приснилась обычная птичка, – нет, нет, не сокол! скорее, чиж или синица – которая влетела в окно моей спальни и села мне на ладонь. Она даже не чирикнула, но мне стало так хорошо... нет, я не могу передать это состояние словами! А проснувшись, я была совершенно уверена, что у меня не за горами встреча с моим суженым. Так оно и случилось... третьего дня.

– Значит, ты своего суженого решила найти в дешевой забегаловке. М-да... История просто таки авантюрная. Тебе бы романы писать в стиле Дюма-отца.

– Я знала, что ты не поверишь. И тем не менее, это так. Меня потянуло в этот бар, да так сильно, что я не могла противиться. Поэтому у меня и не было никакого настроения. Я спрашивала себя: «Какого дьявола мне здесь нужно?! Шалман какой-то, а не бар».

– Не трогай святых вещей! Теперь для меня бар «Олимп», что Мекка для правоверного мусульманина. Я готов ему поклоняться, потому что там впервые увидел тебя. И не только увидел, но и познакомился.

– А потом соблазнил и совратил невинную красотку, превратив ее в свою наложницу.

Смеясь, Маргарита обняла Олега и начала страстно целовать. В это время раздался скрип двери и смущенное покашливание.

Они отскочили друг от друга, словно между ними всунули раскаленный стальной прут. В горницу вошел старик с ведром воды. Впрочем, это было даже не ведро, а деревянная бадейка, но вода оказалась прозрачной, как самый дорогой хрусталь, студеной до ломоты в зубах и на удивление вкусной.

Олег выпил целый ковш.

– Садитесь, будем завтракать, – просто сказал старик и указал на стол, где уже стояла тарелка с медом, лежала связка баранок, и стоял самовар.

Пили чай они торопливо. Может, потому, что старик обрисовал ситуацию с дорогой в положительном свете:

– Ехать можно. Снега мало выпало. Он больше по буеракам лежит. А на дороге ветер подмел...

И впрямь, дорога была на удивление чистой, хотя поначалу машина шла с трудом, пробуксовывая. Но по мере продвижения вперед, снега становилось меньше, и «тойота» побежала быстрее.

День был ясный, солнце светило вовсю, чистое голубое небо, казалось, доставало до космических глубин, а машина шла плавно, словно лодка по тихому пруду, радуя Олега, который придерживал руль лишь одной рукой. Тихо мурлыкал радиоприемник – пели что-то о любви – и в салоне царили полная расслабленность и благостное настроение.

Пикник удался на славу.

Только выехав на трассу, они вдруг дружно вспомнили, что так и не поинтересовались, как зовут старика, и не спросили его, что он вообще делает среди леса.

А еще Олег и Маргарита со стыдом признались самим себе, что они не представились гостеприимному отшельнику, как того требуют элементарные правила этикета. У них даже мысль такая не мелькнула в головах.

Олег поехал на рынок, чтобы купить овощей и фруктов.

Это можно было сделать и в ближайшем супермаркете, но художнику не нравилась казенная стройность прилавков и полок фруктово-овощного отдела, пусть и расцвеченная разнообразной красочной палитрой зарубежной растительной экзотики.

Он любил базар.

Эту любовь привил ему дед. Притом совершенно случайно. Как-то он взял Олега в поездку по Средней Азии, и в Самарканде повел его на базарную площадь. Это было зрелище...

Сначала Олега поразило волнующееся людское море в яркой разноцветной одежде. Затем торговцы и продавцы, которые, торгуясь, орали так, будто хотели докричаться до пригородных кишлаков. А потом обоняние Олега было потрясено гаммой разнообразных, удивительно вкусных и ароматных запахов.

Когда же он, наконец, зашел вглубь торговых рядов, то не мог оторвать глаз от рукотворной радуги, разложенной прямо на земле и по прилавкам. Разнообразные фрукты и овощи так и просились на живописный холст.

Остаток зимы и весну он работал как одержимый. У них с Маргаритой появилась цель – съездить в отпуск куда-нибудь за границу, желательно туда, где много экзотики. Марго, например, настаивала на бунгало и небольшом островке, чтобы они там были одни, а кругом лишь море или океан.

Заказов становилось все больше и больше; в том числе и портретных, от Карла Францевича. Он редко появлялся на глаза, они общались в основном по телефону, что Олега вполне устраивало.

Художник начал его бояться. Эта боязнь не имела под собой никаких конкретных оснований, и тем не менее, в присутствии иностранца Олег чувствовал себя очень неуютно.

Когда Карл Францевич приходил в мастерскую, у художника создавалось впечатление, что помещение мгновенно превращалось в морозильную камеру, таким потусторонним холодом веяло от мрачной фигуры немца, по-прежнему одевавшегося во все черное...

Рынок назывался «Чебурашка». Почему его так называли, история умалчивает. Возможно, он получил свое наименование благодаря двум автостоянкам по бокам рынка, которые на плане и впрямь напоминали ушастую голову мультипликационного любимца детворы.

Олег потому благоволил к «Чебурашке», хотя к нему и ехать было далековато, что на нем торговали в основном крестьяне из близлежащих сел, тогда как другие рынки были во власти перекупщиков, сильно вздувающих цены.

Продукты из крестьянских подворий всегда были свежими, фрукты, что называется, яблочко к яблочку, а обстановка была теплой и дружественной, располагающей к философскому созерцанию и обстоятельной неторопливости.

Неторопливо продвигаясь вдоль многочисленных прилавков и лотков, Олег вдруг резко остановился. Его внимание привлек низенький старичок, который как раз покупал пучок зеленого лука и укроп.

Не может быть! – мысленно воскликнул Олег. Он смотрел и не верил своим глазам: это был

всемирно известный архитектор Сухов-Мезецкий; по его чертежам было построено несколько зданий даже в Париже. Мало того, он увлекался, притом успешно, еще и астрономией, и его космогоническая гипотеза считалась весьма правдоподобной и обстоятельной.

Сухов-Мезецкий был хорошо знаком с дедом Олега. Можно даже сказать, что они дружили. По крайней мере, закадычными приятелями точно были. Архитектор нередко гостил у Радловых и когда Олег был маленьким, играл с ним в разные увлекательные игры.

Особенно запомнился Олегу подаренный Суховым-Мезецким большой заграничный конструктор – набор разнообразных строительных элементов, из которых старый архитектор на глазах мальчика творил чудеса, строя красивые замки и другие сооружения диковинного вида.

Потом, гораздо позже, когда Олег подрос и пошел учиться в художественный институт, дед рассказал весьма занимательную историю жизни Сухова-Мезецкого. К тому времени архитектор уехал за рубеж, где жили дети его близких родственников, эмигрировавших из России во время революции.

В свое время Сухов-Мезецкий влюбился во взбалмошную барышню. Притом влюбился так, как могут влюбляться лишь тонкие и легко ранимые творческие натуры.

Однако, ветреная особа предпочла выйти замуж не за потомственного дворянина и будущего гения архитектуры, а за героя гражданской войны, который носил романтическую потертую кожанку с привинченным к ней большевистским орденом – уж неизвестно, за какие заслуги.

К слову, спустя десять или двенадцать лет геройский комбриг был замордован в подвалах Лубянки, а бывшая возлюбленная Сухова-Мезецкого сгинула где-то в Колымских лагерях.

Но с той поры архитектор напрочь выбросил женщин не только из головы, но и своей жизни. Он никогда больше даже не пытался жениться, и жил в частном доме вместе со старшей сестрой, которая заменяла ему мать, и которую бросил муж, потому что она была бесплодной.

«Это же сколько ему стукнуло лет?! – мельком подумал Олег, догоняя старого архитектора, который, несмотря на свой немалые годы, шагал достаточно бодро, правда, мелкими шажками. – Никак не меньше сотни. Да-а, нам столько не прожить...»

– Леонид Константинович! – окликнул он старика, который уже направился к выходу из рынка.
– Одну минуту!

Старик обернулся и с удивлением воззрился на Олега. Похоже, он не узнал молодого человека. Что, впрочем, и не мудрено – последний раз они виделись лет двадцать назад.

– Не узнаете? – Олег подошел вплотную.

– Извините – увы... – Старик вежливо улыбнулся.

– Я Радлов, Олег. Вы дружили с моим дедушкой. Он был художником.

– Батеньки! Олешка! Экий большой ты вымахал! Как верста коломенская. Вот теперь узнаю. Да, Радловых трудно с кем-либо спутать. Иди сюда, голубчик, дай я тебя расцелую...

Они обнялись. Когда старик разжал объятия, его глаза подозрительно заблестели. Он достал носовой платок и промокнул сентиментальную слезу.

– Как я рад, мальчик, что мы встретились. Будто вернулся в свою молодость. И я когда-то был таким гусаром, как ты. Ах, годы, годы...

– Вы приехали кого-то навестить?

– Нет, голубчик, я вернулся, чтобы умереть на родной земле. Хочу лежать рядом со своими родными и близкими. Никакая манна небесная на чужбине, сколь угодно сытная и сладкая, не заменит краюху душистого черного хлеба, испеченного на капустном листе в русской печи.

– Не могу с вами не согласиться.

– Мальчик мой, у меня есть предложение. Хочу позвать тебя к себе в гости. Конечно, если ты куда-то торопишься...

– Нет, что вы! Какие могут быть срочные дела у вольного художника? Я согласен. С удовольствием.

– Тогда поспешим, вот-вот должен подойти трамвай.

– Леонид Константинович, я с машиной.

– Вот и чудно... – Старик вдруг рассмеялся. – Значит, сегодня мне вдвойне повезло: встретил любимого внука своего друга, и мне в очередной раз не намнут бока в общественном транспорте...

Старый архитектор жил в двухэтажном частном доме почти в центре города. Олег, который вместе с дедом несколько раз бывал в гостях у Сухова-Мезецкого, с удивлением отметил, что это тот самый старый дом, который старик сам спроектировал и построил на месте разрушенного Отечественной войной.

Наверное, он, уезжая за рубеж, не продал его, а оставил под чьим-то присмотром.

Заметив удивление Олега, старик рассмеялся и сказал, показывая на не очень приметную табличку, привинченную к стене дома:

– Никогда бы не подумал, что мне придется жить в личном музее. Ишь, как написали: «Здесь жил выдающийся архитектор...» Маленько приврали насчет выдающегося, но все равно приятно. Меня определили на второй этаж, там я и живу.

– Вы подарили дом городу?

– Да. С условием, что в нем откроют музей архитектуры... и оставят мне две-три комнаты, если я вдруг надумаю вернуться.

– Предусмотрительно...

– Это не я предусмотрителен, а мои французские родственники. Они люди практичные и заранее предугадали развитие событий.

Олег и старик вошли в дом с черного хода, лестница которого вела прямым ходом на второй этаж. Две комнатки старика были крохотными, но уютными, и выходили окнами не на шумную улицу, а в сад, посаженный им собственноручно.

– Я знаю, за рулем пить нельзя, но это слабенькая наливка... – Леонид Константинович поставил на стол графин с рубиновой жидкостью. – Сам делал. Хотелось бы отметить нашу встречу по русскому обычаю.

– О чем речь? Конечно, выпьем, – улыбнулся Олег. – Если автоинспекция остановит, придется заплатить штраф. Всего лишь. Но я очень рад вас видеть, поэтому поддерживаю ваше желание.

Старый архитектор, который явно страдал от одиночества, нашел благодарного слушателя в лице Олега, и художник услышал много занимательных историй из жизни городской интеллигенции при царе, во времена НЭПа и военного коммунизма, а в особенности при Сталине.

Когда старик упоминал его имя, то нервно вздрагивал. Похоже, товарищ Сталин так въелся в мозги людей его эпохи, сколько залил им сала за шкуру, что они будут бояться его и в гробу, подумал Олег.

Рассказал Леонид Константинович и историю своей дружбы с дедом Олега. Нужно отметить, что художник слушал его, открыв рот. О многих фактах из жизни деда он понятия не имел.

А когда старый архитектор по ходу разговора коснулся фамильных традиций семьи Радловых, Олег перебил его и спросил:

– Скажите, вам что-нибудь известно о моем прапрадеде?

– Как, разве тебе ничего не рассказывали?

– Ну, моего деда вы хорошо помните. Из него лишнего слова клещами не вытянешь. Мать, скорее всего, знала о прадеде очень мало, а отец все обещал, обещал рассказать полную историю нашей семьи, да так и унес фамильные тайны в могилу. Он умер внезапно... погиб. Авиационная катастрофа.

– Сочувствую тебе, сиротинушка. Мне ли не знать, как это тяжело – потерять родных в юном возрасте...

– Короче говоря, я кое-что знаю, но в общих чертах.

– Что ж, тогда слушай. История очень занимательная. А начинается она от твоего пращура, немецкого живописца Готфрида Кнеллера по прозвищу Годфри...

– Постойте! – воскликнул Олег. – Годфри... Тот самый?!

– Да, мой мальчик, да. Гениальнейший портретист, баронет, придворный художник короля Англии и правителя Нидерландов Вильгельма III, принца Оранского – твой прямой родственник по мужской линии. Это его портрет царя Петра Алексеевича в рыцарском облачении считается каноном, не раз воспроизведенным в гравюрах. Оригинал находится в Гемптонкорте, близ Лондона, я сам видел, а копии Белли – в Эрмитаже.

– С ума сойти... – Олег был поражен до глубины души.

– Гордись таким предком!

– Я не могу поверить... Кто вам это сказал?

– У твоего деда даже были документы, подтверждающие это родство. Я видел их собственными глазами. Но, как тебе, надеюсь, уже известно, в советские времена не принято было кичиться дворянскими титулами...

– Да, я знаю...

– Поэтому твой дед скрывал свое дворянское происхождение. А когда в тридцать седьмом году начались повальные аресты творческой интеллигенции, он то ли закопал эти бумаги где-то, то ли сжег... от греха подальше. Как-то так получилось, что больше на эту тему мы не разговаривали.

– Но насколько я знаю, имя Готфрида Кнеллера никогда не упоминалось в нашей семье. А такого просто не могло быть! Дед сказал бы мне. Он много чего говорил... И не боялся.

– Нужно сказать, что эта история – уж извини, мой мальчик, за прямоту – была не из тех, которыми принято гордиться. Если я не ошибаюсь, в 1698 году Кнеллер писал портрет датского короля Кристиансена V. Несмотря на достаточно солидный возраст, придворный художник английского короля был еще тем ловеласом. И как-то так получилось, что ему, хотя он и был женат, приглянулась близкая родственница Кристиансена, одна из принцесс. В общем, понятно... Годфри уехал в Англию, а бедная девушка осталась при своих интересах. Спустя девять месяцев она родила мальчика, которого называли Хельги...

– Хельги?!

– Да. Потом это имя станет в вашей семье традиционным. Между прочим, так звали и твоего прапрадеда.

– Это мне известно.

– Принцессу с новорожденным в качестве наказания отослали на какие-то острова (об этом есть запись в хрониках), потом она вышла замуж за немецкого дворянина, корабль которого выбросило штормом на берег острова, где уединенно жила принцесса. Его фамилия неизвестна. Что касается твоего прапрадеда, то это была удивительная и очень необычная личность...

Тут старый архитектор запнулся и смущенно прокашлялся.

– Кх, кх... Он был путешественником, объездил много стран. Но не это главное. Дело в том, что твой прапрадед обладал большими познаниями в магии. И они были получены не во время обучения, книжным путем, а даны ему от рождения. Дурная слава чернокнижника закрыла ему дорогу в высшее общество, и вынудила его покинуть Европу. Он перебрался в Америку. Как он там жил, практически неизвестно. Потом твой прапрадед возвратился в Старый Свет. На его удачу, к тому времени о нем уже почти забыли. Он поступил на воинскую службу, участвовал в сражениях, затем женился, сменил фамилию и поселился в России. Не могу не сказать о том, что твой прапрадед был еще и масоном, притом не из рядовых. Но в те времена масонство было модным поветрием среди дворянства...

Он – потомок самого Готфрида Кнеллера! Один из его предков – датский принц! А прапрадед – масон!

У Олега закружилась голова. Чувствуя, что вот-вот ему станет нехорошо, он быстро плеснул в бокал наливки и выпил.

Старый архитектор немного погрешил против истины. Наливка не была такой уж слабенькой, как он ее представил. А может, Олег чересчур дал волю эмоциям. Но, как бы там ни было, а в голове художника царил кавардак, и ноги стали ватными.

– Что с тобой? – встревожился старик. – Ты сильно побледнел.

– Все в норме, – откликнулся Олег. – Это я перевариваю информацию.

– Ну тогда понятно... – Старый архитектор мягко улыбнулся. – Надеюсь, мой рассказ будет тебе только во благо...

От старика Олег уезжал в каком-то странном настроении. Это была смесь удивления, смятения, гордости и почему-то страха. Его что-то сильно беспокоило, но что именно, он так и не мог понять.

Какая-то мыслишка упрямо долбила в висок, однако в сети анализа она никак не попадала. Олегу даже начало казаться, что он упустил какой-то важный момент в повествовании старого архитектора. Художник так сосредоточенно об этом размышлял, что едва не въехал в задний бампер «джипа».

Ночью ему снились странные, фантастические сны: остров в северном море, сильный шторм, черные скалы и капитан парусника, который пытается спасти свое судно от неминуемой гибели.

Но все его потуги тщетны. Ветер рвет паруса, ломает мачту, и большая волна выбрасывает судно на берег. Из последних сил капитан борется с волнами, цепляясь за камни, ползет на сухое место – и теряет сознание.

Спустя какое-то время, когда к нему возвращается способность соображать, он видит, что над ним склонилась прекрасная фея, которая что-то говорит на незнакомом языке и ласково гладит его по лицу своей изящной ручкой.

И этим капитаном был он, Олег Радлов.

Глава 21

... А спустя неделю сон начал сбываться. Только рифы, о которые разбился его корабль, оказались на русской равнине; от нее до северных морей ехать, не доехать, плыть, не доплыть.

Fortuna fingit latratque, ut lubet[46]...

Почему он подошел к этому газетному киоску, Олег понятия не имел. Он практически никогда не читал прессу, удовлетворяясь тем, что все последние новости узнавал по Интернету.

Его не сильно волновали городские дела. Олега больше интересовал глобальный масштаб, различные мировые проблемы, а также необычные явления в природе и исторические загадки.

Олег купил местную газету-«толстушку» под странным названием «Кто?». Когда-то, в начале перестройки, она изобличала нерадивых хозяйственников, затем, во времена «Сухого закона», пьяниц и самогонщиков, потом переключилась на девиц легкого поведения и рэкетиров, и в конечном итоге, когда в стране завелось много денег, стала выводить на чистую воду чиновных взяточников.

Нужно сказать, что главным редактором еженедельника был человек, совершенно лишенный чувства самосохранения. Он не имел ни семьи, ни квартиры. По крайней мере, официальной.

Главный редактор газеты «Кто?» был из редкой породы принципиальных правдоискателей.

На него несколько раз покушались, его пытались посадить за якобы неправдивую информацию, но каждый раз он представлял прокуратуре и суду убийственные факты. Мало того, он еще и дублировал их, потому что в российских провинциальных судах важные документы и другие вещественные доказательства имеют странную склонность бесследно исчезать.

Обычно газеты Олег начинал читать сзади, с последнего листа, где печатаются различные интересные вещи типа анекдотов. Но на этот раз его почему-то привлекла первая страница.

Когда он расплатился с киоскером и посмотрел на газету более внимательно, то сразу понял, что именно бросилось ему в глаза, хотя он этого сразу и не осознал.

На первой странице газеты была помещена большая фотография мужчины в черной траурной рамке и обширный некролог, за который, естественно, заказчик заплатил хорошие деньги.

Лицо мужчины Олег знал в деталях. Это был приснопамятный Ильяс Максудович, который позировал ему год назад.

«После непродолжительной тяжелой болезни скончался депутат Государственной Думы, всеми нами горячо любимый...» И так далее. В некрологе группа друзей и товарищей перечислила столько достоинств и доблестей Ильяса Максудовича, что его можно было немедленно канонизировать. Не говоря уже о безотлагательной установке памятника напротив мэрии.

Художнику было наплевать на то, о чем шла речь в некрологе. Его смутило и сильно взволновало другое: а что если главная причина смерти молодого и крепкого мужчины, не страдавшего никакими хроническими заболеваниями, заключается в том портрете, что написал Олег?

Что если его таинственная и смертельно опасная сила не исчезла, как он предполагал, а продолжает воплощаться в портретной живописи?

Не находя себе места от сильного возбуждения, Олег сел в машину и поехал в редакцию газеты «Кто?». Он почему-то был уверен, что главный редактор еженедельника знает о смерти Ильяса Максудовича гораздо больше, нежели написано в некрологе.

Редакцию охраняли. Дорогу Олегу преградила вертушка, перекрывающая вход в здание. В застекленной будке сидели два охранника; один из них спросил:

– Вы к кому?

– Мне нужен главный редактор.

– Вы договаривались о встрече?

– Нет. Но мне очень нужно...

– Извините, но главный занят. Позвоните секретарю, вам назначат время.

– А если у меня есть пропуск?

С этими словами Олег достал две зеленые бумажки по двадцать долларов каждая и показал их охранникам.

Реакция парней была несколько иной, нежели предполагал художник.

– Пропустить вас в здание мы все равно не сможем – не имеем права, – сказал охранник, стараясь не глядеть на соблазнительные дензнаки, – но у вас есть шанс договориться с секретаршей, позвонив ей прямо сейчас, – отсюда, с проходной.

– Не дороговат ли будет звоночек? – с иронией поинтересовался Олег. – Я могу это сделать и по своей мобилке. Причем почти бесплатно.

– Можете... – Охранник ехидно ухмыльнулся. – Только вряд ли у вас что-нибудь получится. По крайней мере, сегодня. Дня через два-три – возможно.

– Намек понял. А как насчет гарантии?

– Не волнуйтесь, за это мы отвечаем.

– Тогда держи. – Олег отдал деньги охраннику.

– Момент... – Парень поднял трубку внутреннего телефона и тихо пробубнил несколько слов. – Все, – сказал он, просяив, и вернул трубку на рычаги. – Вам даже звонить не надо. Проходите. Только надо бы какой-нибудь документик...

– Этот подойдет? – Олег просунул в окошко членский билет Союза художников.

– Вполне, – ответил охранник. – Кабинет главного на втором этаже. По коридору прямо, затем налево. Четвертая дверь за поворотом.

Олег поднимался по лестнице и с горьким скепсисом думал: «Даже в этом храме праведников от журналистики существует коррупция. Куда мы катимся? Это же надо, до чего дошло – взятки приходится давать даже охранникам. Скоро и дворник не махнет лишний раз метлой, если жильцы дома не скинуться ему на бутылку».

Секретаршей главного редактора оказалась плоская рыжая девица с большими глазищами, которые раздели Олега догола, едва он появился на пороге приемной. Особенно ее интересовало все, что ниже пояса.

«Сексуальная маньячка, право слово», – подумал художник, который не привык к таким откровенно цинично-оценивающим взглядам.

– Присаживайтесь. Сюда... Подождите, пожалуйста, минут пять, пока шеф не освободится, – сказала она, и уселась на свой стул-вертушку так, что Олегу стали видны не только ее ноги выше колен, но и прозрачные трусики.

А, чтоб тебя! – думал рассерженный художник, пытаясь принять в кресле такую позу, чтобы перед его глазами не маячила соблазнительная картинка. (Но себе он все же вынужден был признаться, что ножки у этой рыжей девахи очень даже ничего; в отличие от груди, которая возвышалась двумя едва приметными бугорками).

Наконец из кабинета главного редактора пробкой вылетел взлохмаченный тип в очках, показал в «голливудской» улыбке все свои зубы секретарше – они были у него желтые и большие, как у лошади, – и, включив форсаж, буквально растворился на фоне дверного проема.

– Одну минуту, – сказала секретарша, вскакивая со своего места. – Я сейчас доложу... Как вас представить?

– Моя фамилия Радлов, – сухо ответил Олег и дал ей свою визитку. – Там все написано.

Девица пробыла в кабинете главного редактора минуты две. Появившись в приемной, она широко распахнула дверь кабинета и сказала, глядя на Олега каким-то другим взглядом:

– Проходите, Верлен Аркадиевич вас ждет, – сказала секретарша необычайно нежным и томным голоском.

Недоумевающий Олег вошел в кабинет и закрыл за собой дверь. К нему уже шел с протянутой рукой главный редактор, улыбаясь до ушей.

– Здравствуй, здравствуйте, Олег Ильич! – с чувством потряс он руку Олега в неожиданно крепком рукопожатии. – Наслышан о вас, наслышан. Как-то так вышло, что мы до сих пор не

встретились...

– Отчасти это хорошо.

– Почему? – удивился главный редактор.

– Почему ты, Петенька, в гости меня не зовешь, в свой курятник? – спросила лиса петуха.

Верлен Аркадиевич громко и раскатисто расхохотался.

– Вон оно что... – Главный редактор указал Олегу на одно из кресел, сам сел в другое. – Похоже, с юмором у вас все в порядке. Кстати, недавно я и впрямь хотел напроситься к вам в гости.

– Зачем?

– Только не для того, чтобы вы написали мой портрет. Это мне не по карману. Мыслил взять у вас интервью. Вы личность известная, я бы даже сказал, знаменитость, людей вашего уровня у нас в городе можно на пальцах пересчитать. Если они вообще есть. Поэтому посылать к вам простого журналиста как-то не по чину.

– Будем считать, что мы поменялись ролями. Я пришел к вам с той же целью – выступить в качестве интервьюера.

– Да ну? Это что-то новое... Или вы решили стать издателем какой-нибудь газеты?

– Что вы... У меня не тот профиль.

– И что же вы хотите узнать?

– Я вас долго не задержу...

– Будет вам. Не нужно извинений и не делайте виноватый вид. Мне, например, очень приятно с вами общаться. Можете мною располагать сколь угодно долго. Как вы насчет кофе? Или вы предпочитаете чай?

– Лучше кофе. И покрепче. Без сахара.

– Организуем... Ара, два кофе! – повысил он голос.

Секретарша появилась с двумя чашками кофе буквально через две-три секунды. Наверное, подслушивала под дверь, подумал Олег. И похоже, главный редактор знал эту ее не совсем приятную привычку.

– Странное имя, – сказал Олег, посмотрев вслед девушке. – Никогда не слышал...

– Сокращенное. Ее зовут Ариадна. Оно хорошо звучит только в сочетании с отчеством. Но пока Аре не настолько много лет, чтобы величать ее по имени-отчеству. Та о чем вы хотели спросить?

Олегу все больше и больше начинал нравиться этот неугомонный правдоискатель. Странно, подумал художник, почему он в советские времена не примкнул к диссидентам?

Наверное, потому, что в нем было гораздо больше ума и рассудительности, нежели в записных избалованных советского строя. Который, как оказалось после, был не совсем уж и плох. Но разрушать, конечно, легче, чем строить...

Верлену Аркадиевичу было где-то около пятидесяти. В его поджаром теле угадывалась,

несмотря на годы, стремительность борзой, а глаза, казалось, проникали не только в душу, но и дальше. На левой щеке у главного редактора виднелся шрам – результат стычки с недоброжелателями.

Верлен... Олег невольно улыбнулся. Имечко из серии «мама не балуй». Скорее всего, состоит из двух слов – ВЕРный ЛЕНИнец. Похоже, родители Верлена Аркадиевича были твердокаменными большевиками.

– Сегодня в вашей газете я прочел некролог...

– Да-да, это большая утрата для города. Илья Максимович был нашим защитником перед центром. Кредиты выбивал... ну и все такое прочее. А почему вас он заинтересовал?

Зеленые глаза-буравчики главного редактора ввинтились в лоб Олега до самого мозга. Похоже, этот опытный охотник-добытчик почуял запах дичи.

– Я с ним знаком. Правда, не накоротке. Мне довелось писать его портрет. – Олег решил не врать, а отделаться полуправдой, которая гораздо лучше выглядит, нежели правда, и совсем уж отлично – на фоне лжи.

– Понятно, – не очень уверенно ответил Верлен Аркадиевич. – Так что вы хотели узнать?

– В общем, ничего такого... Единственное, что мне непонятно, так это его внезапная болезнь. В некрологе нет никаких объяснений. Да в принципе их и не должно там быть.

– А почему вы обращаетесь ко мне?

– Верлен Аркадиевич, в городе все знают, что вы человек сведущий в тайнах сильных мира сего, хорошо знаете городское закулисье. Или люди не правы?

– Скажем точнее: я не то, чтобы наиболее сведущий, но один из самых компетентных представителей журналистской братии нашего региона. Однако, прежде чем ответить на ваш вопрос, я все же хочу уточнить: с какой стати вас так сильно заинтересовала смерть Ильи Максимовича? Только не нужно мне рассказывать о вашем большом человеколюбии и сострадании... ну, вы понимаете, о чем я говорю. Такие вещи нужны, чтобы налить в репортаж «воды», а значит, увеличить количество строк.

– Его звали Ильяс Максудович, – уточнил Олег.

– А! Так вы и это знаете. Настоящее имя нашего бывшего вице-мэра мало кому известно.

– Что лишь подтверждает мои слова о моих добрых с ним отношениях.

– В какой-то мере, да. Но все равно вы так и не ответили на мой вопрос.

– Если вас это так интересует... – Олег пожал плечами. – Просто я не верю в его внезапную смертельную болезнь. Я работал над его портретом год назад, и он выглядел, как говорится, дай Бог каждому.

– Все равно вы что-то не договариваете. Мы же с вами не кумушки на завалинке, которые готовы перемывать косточки кому угодно в любое время дня и ночи. И вы не частный детектив. Ладно, я тоже не следователь прокуратуры... хотя и мне хотелось бы проникнуть в ваши мысли. Да, вы правы, его болезнь очень подозрительна.

– Может, его отравили? – высказал предположение Олег.

– Если и отравили, то каким-то неизвестным науке ядом. Вскрытие было произведено весьма

тщательно и очень квалифицированными врачами. Там собрался целый консилиум, три известных профессора. Все-таки, Ильяс Максудович – депутат Думы. У него были влиятельные друзья-товарищи, которым, как и вам, не очень верится в версию лечащего врача.

– И что?

– А ничего. Человек сгорел на работе. Раньше это так называлось. Правда, нынешние депутаты не шибко утруждают себя государственными заботами. Больше думают о собственном кармане. Поэтому представить нашего заместителя мэра в виде факела я не могу.

– Но ведь какая-то причина смерти все равно должна быть.

– Должна. И думаю, что она лежит в несколько иной плоскости, нежели чистая физиология.

– Вы на что намекаете?

– Это не намек, а констатация фактов. Дело в том, что Ильяс Максудович в последнее время разругался с однопартийцами и перешел в другую фракцию – скажем так, проправительственную. Не захотел быть оппозиционером. И то верно – зачем ему это? У него, насколько я знаю, есть ликероводочный заводик, несколько крупных магазинов, интересы в сфере нефтянки... А ведь весь его бизнес властные структуры при желании могут изничтожить на корню. Несколько проверок – и пишете письма мелким почерком. У нас ведь можно посадить любого. Тем более, представителя бизнеса, пусть и с депутатским мандатом в кармане. Вот наш бывший вице-мэр и выбрал сторону сильного.

– Думаете, ему не простили?

– Прощать, не прощать... Это наивное видение проблемы. В политике работают совсем другие законы и понятия. Там нет привязанностей и друзей, а есть лишь целесообразность, иногда – сиюминутная, иногда – перспективная. Предательство в политике – это все лишь осознание бесперспективности программы партии, в которую входит отступник. Не более того.

– Но если ему поспособствовали отправиться в мир иной, то почему даже медицинские светила оказались бессильны определить препарат, которым, возможно, отравили Ильяса Максудовича?

– Кто знает... Может, это всего лишь официальная версия, для прессы и обывателей. Но говорят, – это строго между нами! – что его сглазили. (Просто мне не хочется выглядеть старым суеверным дураком). Или заколдовали. Вы верите в такие штуки?

– Как вам сказать...

– Не надо ничего говорить. Все мы немножко верим в чудеса и в потусторонние силы. Нам хочется в это верить. Иногда мы даже пишем об этом – чтобы привлечь читателей и поднять тиражи. Я имею ввиду людей моей профессии. Но на самом деле очень сомневаюсь, что депутата Государственной Думы так просто можно извести. наших чиновников никакая нечистая сила не берет. Они ни в воде не тонут, ни в огне не горят.

– Что да, то да...

– Вот и я об этом. Странная смерть, чтобы не сказать больше...

Они еще немного поговорили о том, о сем, потом Олег начал прощаться, потому что в кабинет уже несколько раз заглядывала рыжая секретарша, которая подавала главному

редактору какие-то тайные знаки.

– И все-таки, как говорится, возвращаясь к нашим баранам, не могу не спросить еще раз: чем вызван ваш повышенный интерес к персоне безвременно усопшего вице-мэра? – спросил Верлен Аркадиевич, задержав руку Олега. – Хотя бы намекните. Я ведь газетчик. Меня хлебом не корми, а подавай сенсацию.

Олег был сумрачен. Нехорошие подозрения постепенно превращались в уверенность.

– Ответ должен быть честным? – Он не отвел взгляд, а смотрел прямо в глаза собеседнику.

– Насколько это возможно. Вы ведь не на исповеди...

– Верно, не на исповеди. Вот потому и говорю – лучше вам ничего не знать. Поверьте мне. Это пока только мои предположения... но я уже вижу в ваших глазах журналистский азарт, поэтому просто обязан вас предупредить. Вы, конечно же, предпримите свое расследование, чтобы я там ни говорил. А может, уже его ведете. Могу вас огорчить – сенсаций не ждите. Почему? Вы их просто не дождетесь.

– Неужели все так серьезно?

– Думаю, что да. Хотя... не факт. Пока не факт. Скажу откровенно – вы мне симпатичны. И мне очень не хотелось бы прочитать в вашей газете еще один некролог. Притом очень скоро.

– Ух ты! – Главный редактор попытался улыбнуться, но улыбка вышла вымученной и кривой.

– Вы меня здорово напугали. Но обещаю – я подумаю.

– Думайте... если, конечно, вам еще не совсем надоела жизнь. Я пошел. Спасибо за информацию и всего доброго...

С этими словами Олег покинул кабинет Верлена Аркадиевича. Рыжая девица напоминала рассерженную кошку; она никак не могла утихомирить нескольких сотрудников редакции, которые рвались в кабинет шефа, и, судя по ее решительному настрою, уже готова была пустить в ход свои длинные ногти.

Вежливо кивнув ей на прощанье, художник поторопился покинуть здание. На душе у него скребли кошки.

Глава 22

«Не надо было, ничего не надо было говорить Верлену! – думал Олег, вырываясь со стоянки возле здания редакции на проезжую часть. – Глупый язык... точно без костей. Как бы этот рыцарь пера не начал сражаться с ветряными мельницами. Глаза у него загорелись... И вообще – не стоило даже ходить в редакцию. То, о чем рассказал мне главный редактор, я знал заранее. Может, не столь детально, но вполне достаточно для определенных выводов...»

Достаточно ли?

А что если это всего лишь его повышенная мнительность?

Просто сказывается большое напряжение – все-таки, последнее время он работал, как одержимый. А как не работать, если заказов собралось года на два вперед?

Неожиданная мысль проникла в мозг и заставила круто переложить руль. Олег свернул в переулок и выехал на улицу, которая вела к дому старого архитектора. Ему почему-то сильно захотелось увидеть старика.

По дороге художник зашел в магазин, где купил торт и дорогое французское шампанское. От предвкушения встречи с Леонидом Константиновичем у него даже настроение улучшилось.

Олегу снова захотелось окунуться в мир воспоминаний старого архитектора, в другую жизнь, которая начала казаться художнику такой пасторальной, такой сермяжно-идиллической, что была похожа на добрую сказку.

Возле дома старика он застал кучу зевак, которые что-то горячо обсуждали. Собственно говоря, дома не было. На его месте лежала груда обгоревших бревен, мусора и высилась, как надгробие из черного камня, закопченная при пожаре труба камина.

– Что произошло?! – вскричал Олег, подбежав к людям.

– Не видишь, что ли? – угрюмо ответил мужик средних лет с испытанным лицом. – Сгорело все.

– Как, когда?

– Третьего дня, – ответила женщина в платочке.

Наверное, она шла из церкви, которая находилась неподалеку.

– Мы тут все могли сгореть, – встрял в разговор сухощавый дедок на костылях. – Вот, бежал пожар тушить... – Он показал на свою загипсованную ногу. – Огонь до неба был. Искры в окна залетали. Хорошо догадались послать людей с ведрами на чердак, иначе нашему дому точно была бы хана.

– Поджог, – авторитетно заявил молодой мужчина в спецовке; наверное, слесарь-сантехник. – На это место братва давно глазом накинула. Центр города. Хотели построить казино. А тут этот... музей. Ни обойти, ни подвинуть. Вот и пустили красного петуха.

– Твоя правда, – отозвалась толстуха в годах. – На моих глазах было. Ночью поднялась воды попить, а тут как пыхнет... Сразу крыша загорелась. Мне хорошо было видно. Вон окна моей квартиры, совсем рядом.

– Там... в музее... жил старик. Он... живой? – спросил Олег, с трудом ворочая вдруг занемевшим языком.

Он почувствовал, как какой-то скользкий холодный гад обвился вокруг его сердца, сбивая сердечный ритм и затрудняя дыхание.

– Старик? – Женщина в платочке перекрестилась. – Царствие ему небесное... Сгорел он, вместе с домом. Доброй души был человек. Все церковные службы посещал. Теперь с Господом беседует.

Леонид Константинович погиб... Олег больше не стал слушать разговоры. Он медленно побрел по тротуару, с трудом, как столетний дед, переставляя ноги. Так шел он минут десять, пребывая в ступоре, пока не вспомнил, что ехал к старому архитектору на машине.

Возвратившись, он забрался в салон и покатил, куда глаза глядят. В конечном итоге его остановил автоинспектор, и не за быструю езду, а за то, что машина Олега едва ползла, мешая движению.

Художник с трудом соображал, что ему втолковывал молоденький лейтенант; Олег даже

беспрекословно подышал в трубку, потому как автоинспектор заподозрил, что он выпивши. В конечном итоге лейтенант отпустил его, но еще долго смотрел вслед машине со странным водителем, мучаясь сомнениями, правильно он поступил или нет.

Олег пришел в себя только за городом, когда остановился в тени высокого дерева на обочине. Ему почему-то вовсе не хотелось задать себе вопрос: с какой стати его так поразила смерть старика, совсем чужого ему человека? И тем более он не хотел искать на него ответ.

Олег открыл бутылку шампанского и выпил ее до дна за несколько приемов – помянул старого архитектора. Голова была как погремушка из бычьего пузыря, наполненная горохом, а все его действия напоминали движения робота.

Когда бутылка показала дно, художник выбросил ее и торт в кусты и повернул обратно.

Несмотря на выпитое шампанское, прояснение в голове не наступило, а мысли по-прежнему были мелки и беспорядочны. Но главное Олег для себя уже уяснил. Он должен – нет, обязан! – прояснить ситуацию до конца.

В мастерскую Олег заходить не стал, а поехал прямо домой и завалился в постель. Его бессмысленные сны состояли из шорохов и дробного стука, словно погремушка продолжала действовать и в сонном состоянии.

Художника разбудил телефонный звонок. Он так долго и настойчиво звенел, что Олег, который накрыл голову подушкой, не выдержал и встал – раздражающие звуки пробились и сквозь толстый слой лебяжьего пуха.

– Да, слушаю! – хрипло и с ненавистью сказал он в микрофон.

– Радлов, занимайся своим делом, гребни деньги лопатой, но не лезь, куда тебя не просят, – раздался в трубке грубый мужской голос. – Иначе пожалеешь. Надеюсь, ты понял, о чем я говорю.

– Кто... Кто это?!

– Неважно. И заруби себе на носу – шутки кончились.

Прозвучали гудки отбоя. Остолбеневший Олег смотрел на телефонную трубку как на ядовитую гадину. В конце концов, опомнившись, он с отвращением бросил ее на рычаги и сел – скорее, упал – в кресло.

Что творится, черт возьми?! – вскричал он мысленно. Конечно же, художник понял то, что имел ввиду незнакомец. Но как этот неизвестный сукин сын смог проникнуть в его мысли? Нет, не он, сам себе возразил Олег. ОНИ.

Или за ним следят? А он, убаюканный большими доходами, славой и золотым дождем заказов, ничего не замечает. Возможно.

И все равно не совсем понятно. Ведь мысль, которая сформировалась у него в голове из разрозненных фактов, пока еще не обрела реального воплощения. А мысли человеческие пока еще никто не в состоянии подслушать.

Или он заблуждается? Нынче техника пошла такая, что от нее можно всего ждать. А что спрятано в лабораториях... Или действует, но в интересах спецслужб, скрытно и тайно. Голова идет кругом...

Нет, не могут они знать, что он задумал, не могут! Скорее всего, телефонный звонок – это результат анализа. Догадка. Дедуктивный метод. Он дал им нить для рассуждений, посетив

сначала Леонида Константиновича, а затем главного редактора газеты «Кто?».

И вот результат – старый архитектор погиб... Случай? Возможно. Но тогда почему дом-музей простоял столетия без единого ЧП, а тут вдруг вспыхнул, как факел? А ведь он был еще вполне добротным.

Подожгли бандиты... Не исключено. Но кто направил руку поджигателя?

Олег вскочил на ноги, словно его подбросило вверх пружиной. Надо предупредить Верлена Аркадиевича! Пусть поостережется.

Нехорошее предчувствие всецело завладело художников, и он принялся набирать телефон редакции, хотя на часах уже было полшестого.

– Редакция газеты «Кто?». Слушаю вас, – раздался на другом конце провода голос рыжей секретарши.

– Это вас беспокоит Радлов, художник. Я сегодня к вам приходил. Помните?

– Как же, как же... Что вы хотели?

– Соедините меня с Верленом Аркадиевичем. Мне нужно сказать ему пару слов.

– Ничем не могу помочь. Он уехал.

– Куда? – глупо брякнул Олег.

– Начальник не обязан докладывать подчиненным о своих планах.

– Тогда дайте мне номер его мобильного телефона.

– Запрещено, – сухо ответила девица.

– Ну пожалуйста. Это очень важно!

– Нет. В нашей редакции это закон.

– Тогда подскажите мне домашний адрес Верлена Аркадиевича. Надеюсь, хоть это не тайна.

– И напрасно надеетесь. Его домашний адрес даже мне неизвестен.

– Да что у вас там, антифашистское подполье?!

– Если вы забыли, то это приемная еженедельника «Кто?», – неприязненно ответила рыжая лахудра, как мысленно прозвал ее Олег.

Он уже хотел сказать со зла ей пару «ласковых» слов, но следующая фраза секретарши сразила его, что называется, наповал:

– Радлов, тебе же говорили – не лезь не в свое дело. А то будет тебе очень плохо.

Голос девицы сильно изменился, стал хриплым и наглым, и тем не менее, это была она.

В трубке давно звучали короткие гудки, а Олег, в очередной раз испытавший потрясение, бессмысленно шевелил губами, словно продолжая диалог. Наконец он немного пришел в себя, подошел к бару, достал бутылку коньяка и бокал, наполнил его доверху, и выпил до дна.

В мире что-то творилось. И это «что-то» вращалось вокруг Олега, хотя он и не считал себя

пупом земли.

«Я схожу с ума, – думал он отрешенно. – Это точно. Или уже сошел. И сейчас сижу в дурдоме, а все события происходят в моей бедной голове».

Он подошел к зеркалу – и отшатнулся.

На него смотрел незнакомый человек. Он был взъерошен, до синевы бледен, с черными кругами под глазами и перекошенным лицом.

Дабы убедиться, что это все-таки он, а не какое-то потустороннее существо, Олег отвесил себе две сильные затрешины, после чего бледность резко сменилась на нездоровый румянец, зато лихорадочный, почти безумный блеск в глазах сменился привычной ясной лазурью.

Поставив бокал на стол, Олег пошел в ванную, где добрых полчаса истязал себя контрастным душем. В конечном итоге его кожа покрылась пупырышками, и он начал лязгать от холода зубами – питьевая вода в краны подавалась из артезианских скважин, поэтому в любое время года была ледяной.

Вода словно унесла все его заботы и треволения. Из-под душа Олег вышел здоровым и уравновешенным человеком, уверенным в собственных силах. Он хотел позвонить Маргарите, да вовремя вспомнил, что она уехала к отцу и матери, которые жили где-то близ Москвы.

Своих родителей Марго почему-то не жаловала. Она никогда не рассказывала о них Олегу, и только однажды – случайно и на подпитии – проговорила, что отец у нее какая-то важная шишка государственного масштаба.

Видимо, Маргарита была с родителями в ссоре, поэтому Олег раздумал звонить ей по мобильному телефону, так как знал, что присутствие других людей при разговоре она не может терпеть и обычно отделяется односложными «да» и «нет». А ему хотелось поговорить с Маргаритой обстоятельно.

Поехала она в Москву потому, что ее вызвали телеграммой. (У родителей даже не было телефонных номеров дочери). Марго объяснила Олегу, что сильно заболела мать, и ее положили в реанимацию.

«Пойду в «Олимп», – решил Олег. – Иначе я тут точно с ума сойду в одиночестве...»

Бар, как всегда, полнился людьми. Свободных мест не было, но Олегу повезло – на своем уже привычном месте сидела теплая компания все в том же «боевом» составе – Вавочкин, Прусман, Шуршиков и Хрестюк. Они что-то оживленно обсуждали, поэтому не заметили Олега.

– Господа, у вас найдется для меня стул? – спросил художник с преувеличенной вежливостью.

– Олешка! – радостно возопил Хрестюк. – Легко на помине. Конечно, найдется. Эй, пацан! – подозвал он молоденького официанта. – Тащи сюда еще одно кресло. Да смотри, чтобы оно было не поломанное!

– Мои косточки перемываете? – спросил Олег.

– А ты что, до сих пор ничего не знаешь? – недоверчиво воззрился на него Прусман. – Или решил притемнить, чтобы не накрывать поляну?

– Что я должен знать?

– Да, брат, заелся ты... – Шуршиков полез карман и достал оттуда газету. – Вот, читай, – ткнул он толстым узловатым пальцем в порядком измятый лист. – Тебе звание заслуженного художника присвоили, а ты ни сном, ни духом. Понятное дело – когда много бабок в кармане, награды и звания всего лишь мишура, малосущественное прилагательное возле большого существительного. А тут хотя бы какую-нибудь дешевенькую медальку дали.

Олег быстро пробежал глазами сообщение и сказал не без смущения:

– Что ж, тогда гудим. Это дело надо обмыть. С меня стол и все остальное, вплоть до такси, чтобы развезти всех по домам.

– Во! – поднял вверх указательный палец воодушевленный предстоящим банкетом Вавочкин. – Слова не мальчика, но мужа. А то тут некоторые, – он перевел взгляд на Прусмана, – начали сомневаться. Заелся, друзей в упор не видит... Твои слова? Твои!

– Прошу пARDону, – покаянно ответил Прусман. – Виноват. Это говорил не я, а моя еврейская сущность. Всегда сомневайся, и тебя никогда не обманут. Сомнение является фундаментом еврейских капиталов.

– А вот я никогда не сомневался в порядочности Олега, – добродушно пробасил Шуршиков. – Это не тот человек.

Олег критическим взглядом окинул стол, на котором присутствовали лишь набор специй, хлебница, какие-то салатки и пустая бутылка из-под водки, и сделал заказ. Пока он занимался с официантом, Хрестюк лихорадочно шарил по своим многочисленным карманам.

Наконец он извлек крохотный блокнотик и торжественно провозгласил:

– Други! Послушайте. По такому случаю дарю тебе, Олежа, свой новый стих.

– Побереги свой запал, – бесцеремонно оборвал его Шуршиков. – Вот когда мы дойдем до кондиции, тогда давай, грузи... классик. А то твоя поэзия плохо усваивается на голодный желудок.

– Ты подлый негодяй и графоман! – обозлился поэт, оскорбленный в своих лучших чувствах.

– Кто бы спорил... – Шуршиков добродушно хохотнул. – Все мы графоманы – и великие, и такие, как я и ты. Сидеть сутками напролет за письменным столом и кропать разную ахинею, а потом долго и терпеливо ждать, когда тебе за нее заплатят (и заплатят ли вообще), может только человек, сдвинутый по фазу. Сиречь, графоман. Что и следовало доказать. Так что этим словом ты не можешь меня оскорбить. Что касается негодяя, то и здесь у меня нет возражений. Есть хорошее выражение: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Смекаешь, невольник чести?

– Дать бы тебе... по морде!

– А ты дай, дай. Что, кишка тонка? Да-а, измельчали нынче поэты... и прозаики тоже. А были когда-то, были люди... Сережка Есенин, Маяковский... и многие другие. Какие раньше мы кутежи закатывали! Бокалы и зеркала били в лучших ресторанах города... и что? Ничего. Менты под козырек брали и под белы руки домой провожали. Потому что так приказал сам...

– Тут Шуршиков с многозначительным видом ткнул пальцем в потолок. – Сам секретарь обкома партии.

– Ты пещерный троглодит, динозавр! – огрызнулся Хрестюк. – Комуняка.

– Ну, был я секретарем партбюро, не скрываю. Так ведь народ доверил. Тебя вот тоже принимали.

– Но не приняли!

– Верно. Не приняли. Аморальным типам в компартии не место. Но заявление ты подавал? Подавал.

– Ой-ой, ты на себя посмотри! – Возмущенный Хрестюк даже подскочил, будто его шилом ткнули в мягкое место. – Моралист... Да у тебя баб было столько, что пальцев на руках и ногах не хватит, дабы их пересчитать.

– Были, не скрываю, теперь об этом уже можно говорить. Но тогда я о своих зазнобах и под пыткой не сознался бы. А почему? Потому что был умным. Ты же, дурачина, на каждом перекресте бахвалился своими победами, да стишки дамам сердца кропал с дарственными подписями.

– Хватит вам пикироваться, – недовольно сказал Прусман. – Вон уже заказ несут. А то еще и впрямь подеретесь, и вместо праздничного застолья нас потащат в кутузку. С вас станет.

Олег не очень внимательно выслушивал тосты приятелей, он думал о том, с какой стати ему дали заслуженного. Ведь он даже не заикался на эту тему перед руководством Союза художников. А ведь без благословения большого начальства такие дела не делаются, пусть даже ты будешь трижды известным и всеми уважаемым мастером.

– ... Взломали дверь в кабинет, а он сидит, голову запрокинув, но ровно – так, будто в кресло врос. И глаза страшные, не закрытые. Словно сильно чего-то испугался перед смертью. – Вавочкин затряс головой и страдальчески поморщился. – Хоть и сволочью покойник был при жизни изрядной, но иногда помогал. Детям моим перед новогодними праздниками всегда пакеты с конфетами и цитрусовыми присылал, а однажды я семейную путевку в дом отдыха у него выпросил.

– Да, все верно... – Прусман закончил обгладывать куриную косточку и аккуратно положил ее на тарелку. – О покойниках или ничего не говорят, или только хорошее.

– Вы это о ком? – спросил Олег, стряхнув с себя отрешенность.

– Проснулся... – Прусман иронично покривил толстые красные губы. – Это мы о твоём благодетеле.

– Не понял... И кто этот добрый человек, почему я не знаю?

– Так уж и не знаешь... Лев Ефимович.

– Злотник умер?!

– Неделю назад, – ответил уже Вавочкин. – На боевом посту, в собственном кабинете. Говорят, что сердце отказало. – Он нагнулся к столу и доверительно прошептал, словно его могли подслушать: – А на столе перед ним лежали деньги. Много денег. Доллары и евро. И все не оприходованные. Значит, левые. Вот такая петрушка.

– Это новость... – Олег повернул голову к Прусману. – А почему ты считаешь, что Злотник – мой благодетель?

– Ну как же... – Прусман кисло осклабился. – Когда у тебя была большая задолженность перед коммунальщиками за мастерскую, он самолично в ЖЭУ прискакал и деньги внес, чтобы закрыть дело.

– Не знал... – Олег сумрачно посмотрел на Прусмана, который тут же с невинным видом отвел глаза в сторону.

Все понятно, подумал Олег. Так вот, значит, кто претендовал на его мастерскую... Когда Прусман уезжал в Израиль, то свою ему пришлось сдать, а когда возвратился, то другое помещение ему не дали. Поэтому Прусман снимал где-то комнату, за которую платил большие деньги.

– А еще мне рассказали, что в тот день к Злотнику приходил какой-то иностранец, – сказал Вавочкин и потянулся за кусочком семги. – Вахтерше он не понравился. Весь в черном, как пастор. А в руках трость. И лицо высокомерное, неприятное.

– Иностранец? – Олег невольно вздрогнул.

– Ну... Как Союз развалился, так эти иностранцы поперли к нам словно саранча. Что они тут забыли? – Вавочкин вытер салфеткой жирные губы.

– Приезжают нас учить, – меланхолично сказал Шуршиков. – Мы ведь для них дикие люди, которые совсем недавно с дерева на землю упали и пообломали себе хвосты.

– Уж лучше считаться первобытным, нежели быть участником гей-парада, – наконец встрял в разговор и Хрестюк, который до этого сидел молча и дулся на Шуршикова. – У них там на Западе одни «голубые», лесбиянки и проститутки. Толерантные сверхчеловеки... япона мать!

Олег не стал долго рассиживаться, сославшись на то, что его ждет любимая женщина. В противном случае художника просто не отпустили бы. Заказав еще кое-что, в том числе и водку, – чтобы приятели не сочли его жмотом – и оплатив счет, Олег вызвал такси и уехал домой.

В голове у него царил сумбур. А на сердце лежал камень. Предчувствие чего-то нехорошего не покинуло Олега даже в постели, когда он засыпал.

Глава 23

Утром он первым делом позвонил в редакцию газеты «Кто?». Но телефон в приемной почему-то не отвечал.

Тогда Олег узнал в справочном бюро еще два телефонных номера редакции, однако и они оказались немymi, хотя гудки вызова были слышны. Немного поколебавшись, весь в дурных предчувствиях, он быстро плеснул в лицо холодной водой, чтобы освежиться, натянул на себя мятую одежду и, даже не позавтракав, поехал по уже знакомому адресу.

Под окнами редакции толпились люди. Там же стоял милицейский «газик» и люди в форме что-то деловито измеряли рулеткой и строчили в блокнотах.

Повинуясь какому-то безотчетному чувству, Олег не стал входить в здание, а сразу направился к толпе.

– ... Смотрю вверх – бат-тюшки-и! – Дородная тетка с румянцем на всю щеку рассказывала свою историю, наверное, в сотый раз; видимо, ей нравилось быть в центре внимания. – Стоит на крыше, руки раскинул, и в небо смотрит. А затем что-то как крикнет – и полетел вниз. Ударился об асфальт – и кровяца как брызнет! А я рядом, не могу с места сдвинуться...

– Что тут случилось? – спросил Олег у хмурого мужичка, который курил дешевую сигарету, судя по запаху дыма, и все время сплевывал.

– Птц... Самоубица... птц... С крыши прыгнул... птц...

– Главный редактор газеты «Кто?», – уточнил другой мужчина, постарше и в очках. – И что это ему вздумалось с крыши сигать?

– Довели человека, – авторитетно заявила тетка. – Уж я-то знаю. Каждый месяц проверки. Из судов не вылезал. Кто такое выдержит?

– Убили его, – авторитетно заявил третий мужчина, одетый в приличный костюм, с виду интеллигент. – У нас всех убивают, кто за правду стоит горой.

– Он сам прыгнул! – взвилась тетка, как ошпаренная. – Я что, вру?!

– Нет, мы вам верим, но...

– Своими глазами видела! Один он был на крыше. Никто его не подталкивал. И нечего сплетничать.

– Я знал его, – угрюмо сказал мужчина в очках. – Лично. Не такой это человек, чтобы кончить жизнь самоубийством. Он был настоящий боец. Сломать его было невозможно. Таких людей природа штампует в единичных экземплярах. Нет, здесь что-то другое...

Олег больше не стал слушать их версии и домыслы. Он увидел стоявшего немного в стороне сотрудника редакции – взлохмаченного молодого человека в очках, которые он время от времени снимал и промокал слезы на глазах не очень свежим носовым платком.

– Здравствуйте, – негромко сказал Олег, подходя к нему вплотную.

Лохматый журналист, занятый своими невеселыми мыслями, испуганно отшатнулся, но потом опомнился и ответил:

– Здрл... ствуйте...

«Так он еще и косноязычен», – огорчился Олег. С таким много не поговоришь.

– Почему Верлен Аркадиевич так поступил? – спросил он прямо, без обиняков.

– Вы журналист?

– Нет. Я художник. Но с вашим шефом был знаком.

– А, вспомнил... Я вас видел... вчера. Ничего не могу понять... не знаю... – Очкарик ужимками изобразил крайнюю степень недоумения и растерянности; мимика у него была потрясающая. – Пришли на работу, секретарши нет на месте, кабинет главного замкнут... Я был в приемной, когда это случилось. Что-то пролетело мимо окна – и хрясь! А потом женщина закричала... так страшно и пронзительно... бр-р! – Его речь была очень невнятной – может, от большого волнения – но Олег все же понимал, что он говорит.

– Секретарша так и не появилась?

– Не-а. Следователь уже искал ее. На квартиру звонили – нету... Это на нее непохоже. Она даже больной на работу приходила. Очень ответственная.

– Посоветуйте сотрудникам милиции съездить к секретарше домой. Может, и с нею что-то случилось, – сказал Олег и быстро отошел от очкарика, чтобы избежать расспросов.

Сев в машину, он некоторое время бездумно смотрел прямо перед собой. Потом включил мотор и направился в сторону своей мастерской. По дороге Олег заехал на рынок, купил парной свинины и зелени.

В мастерской он разжег камин, подсыпал туда древесных углей, порезал мясо на куски, посолил, поперчил и положил на сильно разогретую решетку. Спустя полчаса Олег уже сидел за столом и закусывал водку хорошо прожаренной свининой.

Он пил, не ощущая вкуса – машинально, рюмка за рюмкой. Горячий жир стекал по подбородку на рубаху, но художник этого не замечал. Осушив одну бутылку, он достал из холодильника вторую, но желанное опьянение все не наступало.

Чувство полнейшей опустошенности и безысходности пригибало его к столу совершенно осязаемо. Черепная коробка была гулкой, темной, пустой, и в то же время, словно свинцом налитой.

В голове звучала лишь одна-единственная въедливая мелодия, которая пришла на память неизвестно откуда и почему: «Эх, загу-загу-загулял, загулял! Парень, парнишка молодой, эх, да молодой! В красной рубашоночке, хоро-ошенький такой...»

Наконец водка шибанула по мозгам так, как он этого и ждал. Просветление случилось, когда Олег допивал вторую бутылку. Просветление в прямом смысле слова.

Ему вдруг показалось, что посреди мастерской зажегся огромный светильник. Его голубоватый неземной свет пробивал потолок, словно и не было бетонных плит перекрытия, и уходил вверх, в космические выси.

А внутри светового шара... стоял маленький человечек и тянул к нему руки!

Присмотревшись, Олег узнал его – это был он сам! Только в младенческом возрасте. Такая фотография находилась в его семейном альбоме. Но мальчик внутри огненного шара был живым, он даже улыбался и что-то пытался сказать, однако слов Олег так и не услышал.

Но вот огонь стал еще ярче и, наверное, мальчику стало горячо. Он прижал свои пухлые ручки к груди и горько заплакал. Шар потускнел, стал молочного цвета, и фигурка мальчика уже не просматривалась так отчетливо, как прежде.

Глядя на муки малыша, на котором уже начала гореть одежда, Олег тоже зарыдал – от сострадания.

Но тут по шару пошли огненные трещины ярко-желтого цвета, он в последний раз вспыхнул с яркостью молнии, и когда художник невольно зажмурил глаза, раздался грохот взрыва, потрясший, как показалось Олегу, все здание.

От невыносимого грохота, который доносился со всех сторон, он вскрикнул и потерял сознание. Наверное, потерял. А может, просто мгновенно уснул, сраженный наповал большой дозой спиртного.

Этот вопрос начал мучить художника, едва он проснулся (или все-таки очнулся?). Олег лежал на полу, в темноте, и только по тлеющим уголькам в камине сообразил, что находится в мастерской. На удивление, голова работала вполне удовлетворительно, только очень хотелось пить.

Поднявшись, Олег включил свет, и выпил литровую бутылку минералки, ни разу не оторвавшись от горлышка. Что это было? – думал он, осматривая то место, над которым висел светящийся шар.

Ничего там не было, подсказал ему внутренний голос. Это всего лишь видение. Не нужно нажираться до потери пульса, парень. Некоторым ханурикам и не такое кажется с пьяных глаз.

Так что тебе еще повезло, дружище.

Допив остатки водки, Олег заварил большую чашку крепкого чая, выпил ее, и вышел на ночную улицу с твердым намерением что-то предпринять. Но что именно, он пока еще не знал.

Блуждание по ночным улицам облегчения не принесло. Хмель, который во время сна как будто выветрился, вдруг напомнил о себе нетвердой походкой и пьяными мыслями. Наверное, те сто грамм, что Олег залил в себя перед выходом как лекарство – для опохмелки, упали на старые дрожжи, и в организме началась новая революция.

Мысли, одна неприятнее другой, были гораздо темнее ночи – наступило полнолуние. Идти по ночному городу было легко и совсем не страшно, несмотря на редкие уличные фонари, потому что в безоблачном небе во всю горел вечный светильник, заливая город призрачным голубоватым светом.

«Я проклят, – думал Олег. – Теперь уже мне точно об этом известно. Я приношу несчастье, и даже гибель тем, кто со мной контактирует. Все эти происшествия со смертельным исходом, начиная от Фитиалова и заканчивая главным редактором газеты, трудно назвать явлением обычным, рядовым. Но зачем, кому это все нужно?! Что касается «зачем, то ответ лежит на поверхности – чтобы напугать меня и заставить делать свое дело без лишних сантиментов. А «кто» – тут и гадать нечего... Господи, в какую авантюру я влип!»

Он стоял перед витриной дорогого супермаркета и бессмысленно пялился на ярко освещенную витрину. Улица была практически безлюдна, лишь редкие машины, тихо шурша шинами по асфальту, быстро, как бы украдкой, проскакивали мимо Олега и исчезали за поворотом.

«Деньги... У меня теперь очень много денег. Так много, что я не знаю, как их потратить. Не на что. Да и некогда. И что, дружок, ты теперь стал счастливей? Все тебе завидуют черной завистью, даже никого не празднующий Хрестюк и тот начал вести себя со мной как-то неестественно – словно лакей с баринном. Моих коллег и приятелей больше интересует не мое творчество, а мой кошелек. Дожил...»

Что делать?! Художника охватило отчаяние. На память снова пришел черный иностранец.

«Нет, хватит! Больше никаких заказов. Уйду... уеду в какую-нибудь дыру и буду там работать, писать пейзажи и натюрморты. Начну жить тихой, спокойной жизнью, по утрам пить парное молоко и встречать рассветы над речкой или над озером. Да, уеду! Подальше от всех... и от этого Карлы... чтоб он провалился со своим покровительством и масонами!»

«Я больше не буду покорным – клянусь!...» Строки когда-то популярной песни сами сложились из хаотических звуков, переполнявших черепную коробку. Олег поначалу даже воспрянул духом, но приступ эйфории длился недолго.

«Марго со мной не поедет... Это точно. Она человек городской, привычный к комфорту. А без нее я уже не мыслю своего существования. Замкнутый круг... Ладно, допустим, с Маргаритой на некоторое время я расстанусь. В конце концов, существует мобильная связь, можно общаться и по телефону. Поживу в глуши, пока этот немец обо мне забудет, потеряет мой след. А потом вернусь... и начну новую жизнь».

Олег вдруг засмеялся каким-то деревянным смехом. Как же, Карла забудет... Найдет и

вернет. Средств и возможностей у него хватает. Не для того этот иностранец старался, чтобы такая большая ценность от него ускользнула. Художник масонской ложи, доверенное и проверенное лицо, потомок самого Готфрида Кнеллера...

Знает ли иностранец о моем родстве с Годфри? Какие могут быть сомнения! Конечно, знает. Не зря он на меня глаз положил. И, наверное, давно. Искал и нашел. Как? Это другой вопрос.

Нет, мне от этого Карлы не отвязаться, обречено подумал Олег. Но и работать на него я больше не хочу. Не хочу, не буду!

«Найти выход... Но где, где этот выход?! И куда он ведет? Какая разница! Лишь бы подальше от немца, чтобы даже его длинные руки туда не дотянулись. Надо бежать. Бежать! Лучше в Москву. Там сейчас Марго. В Москве легко затеряться. Снимем квартиру, будем жить в столице. Москва – это не провинция. Тем более, что в Москве живут родители Маргариты. Может, она уже помирилась с ними...»

– Эй, мужик! Ты что здесь делаешь?

От неожиданности Олег вздрогнул и пошатнулся. Он повернул голову и увидел парня в камуфляже, который держал в руках помповое ружье. Это был ночной сторож супермаркета.

Наверное, собственники магазина не очень надеялись на сигнализацию.

– Да ты пьян... – Парень подошел поближе. – Вали отсюда, пока трамваи ходят! Нечего тут околачиваться. Ты слышишь меня?

– Не груби. Ты мне не указ.

– Он еще и хамит... Уходи, иначе в глаз получишь! Здесь стоять не положено. Ну, кому говорю! Топай...

Выстрел в ночной тишине грянул как гром. Олег с испугу вознамерился отпрыгнуть в сторону, но лишь нелепо дернулся; он не мог двинуться с места, будто прирос к асфальту. Широко открыв глаза, художник смотрел на сторожа.

Парень, резко откинувшись назад, упал на землю так, будто он был деревом, и его срубили. А на лбу сторожа появилась небольшая отметина, откуда хлынула кровь, похожая при неярком ночном освещении на чернила.

Остолбеневший Олег перестал что-либо соображать. Несмотря на то, что хмель из него мгновенно испарился, художник был беспомощен словно ребенок.

Поэтому он и не заметил, как к нему сзади подошел коренастый тип, в котором Олег легко узнал бы вора-карманника с кошачьей физиономией и жидкими усиками под носом, и с виду небрежно ткнул его рукоятку пистолета по темечку. Свет перед глазами художника померк, и он рухнул рядом с убитым сторожем.

Не торопясь, кошкомордый негодяй тщательно протер рукоятку пистолета носовым платком и вложил оружие в правую руку обеспамятевшего Олега. Выпрямившись, он критическим взглядом осмотрел два неподвижных тела и с удовлетворением ухмыльнулся; затем поднял с земли камень и запустил его в сторону супермаркета.

Затрещало разбитое стекло, на землю посыпались крупнее и мелкие осколки, загудела сирена сигнализации, и супермаркет превратился в новогоднюю елку от многочисленных мигающих ламп охранной системы.

Но этим хулиганским поступком кошкомордый не удовлетворился; засунув пальцы в рот, он

так сильно засвистел, что возле близлежащих домов сработала сигнализация припаркованных на ночь машин.

Провожаемый шумным «концертом» охранно-сигнальных систем, бандит покинул освещенную зону и словно растворился в воздухе, хотя луна по-прежнему светила ярко и без помех в виде туч. Однако вдалеке слышались тихие раскаты грома, и западный ветер дохнул предгрозовой сыростью. Но она не была насыщена озоном, а несла в себе запахи болота, насыщенные сероводородными испарениями.

Спустя считанные минуты к магазину подъехала милицейская машина с «мигалками».

Глава 24

Первыми словами, которые услышал Олег, когда пришел в себя, были следующие:

– Ну ты даешь, паря! Это у тебя масть такая – попадать в ментовку после удара по кумполу?

С усилием повернув голову, Олег увидел улыбающуюся физиономию Щегла.

– Привет, – сказал он и сел.

– Здорово, Художник. Давно не виделись... гы-гы...

Прозвище Художник Щегол дал ему в «обезьяннике». Когда Олег назвал свою профессию, бомж стал с ним вежливым и предупредительным. Позже, покопавшись в словаре тюремного жаргона, он понял, за кого принял его Щегол.

Художником или писакой на блатном языке именовался вор-карманник высокой квалификации. А карманники всегда считались элитой воровского мира.

Олег не стал разубеждать Щегла, что к сообществу блатных не имеет никакого отношения. Да и времени у них тогда не было, чтобы поговорить более обстоятельно.

– И куда теперь нас запихнули? – спросил Олег.

– Не врубаешься?

– Я был в полном ауте. Случались временами какие-то проблески сознания... – Он пощупал голову и нашел там марлевую повязку. – Медсестру помню, в белом халате, кудрявая, помню, как она делала укол... Потом машина, два милиционера, куда-то меня везут... теперь понятно, куда. Но все как в тумане. Мы в тюрьме?

Художник уже успел разглядеть давно не беленые бетонные стены помещения и окрашенную половой краской дверь их темницы. Это точно был не «обезьянник».

– Угадал, – ответил Щегол. – Мы в городском СИЗО. Тут такие волки... Ты не очень кочевряжься. Иначе выйдешь отсюда с отбитыми внутренностями. Здешние вертухаи[47] любят порядок, и терпеть не могут правдоискателей.

– Понял, учту. А ты как сюда попал? Или зиму хочешь в тепле пересидеть? Так ведь до холодов еще далековато.

– Несчастный случай на производстве... гы-гы... – Щегол ловким движением выудил откуда-то мятую пачку сигарет и спички. – Курить будешь?

– С превеликим удовольствием. В голове такой гул, будто меня в церковный колокол засунули, когда он звонит. Может, в мозгах наступит просветление.

Они закурили. Щегол взял многозначительную паузу, – на три затяжки – а затем рассказал свою криминальную историю:

– Тетке одной, шибко мохнатой[48], подписался старую рухлядь разобрать и на помойку вынести. Она капитальный ремонт собралась сделать, и заодно мебели поменять. Сделал все, как договаривались, чин-чинарем, она заплатила, – все честно, без обмана – и я ушел от нее. Но недалеко. Вскоре меня догнали менты и вывернули все карманы. А в них часики старинные, серебряные, с боем. Говорят, что дорогие. Раритет. Как они в карман мне прыгнули, до сих пор не пойму.

– Прискорбный случай...

– Ага, еще как прискорбный. Теперь мне светит минимум три года. Не пойму я богатых... У нее бабла полная сумка. Сам видел, когда она расплачивалась. Что ей эти часы? Они даже не золотые. А мне теперь сидеть. Дурью помаялся... Но кому виниться и кто мне поверит? Я ведь уже попадал на зону... по малолетке. Пацаны киоск брали, а я на шухере стоял. Потому что глупый был. Все равно по этапу погнали. Так что мне теперь светит рецидив. А это уже совсем другая статья. Теперь ты звони. Как тебя угораздило спикировать прямо в СИЗО?

– Помню все очень смутно. Знаю, что гулял ночью по городу...

– Гулял... гы-гы... Шутник ты, Художник. Знаем мы эти гулянки...

Олег не стал спорить со Щеголом и убеждать его в том, что по поводу ночных прогулок взгляды у них диаметрально противоположные. Он продолжил:

– Подошел к какому-то магазину... название не припоминаю. Там яркая, красиво оформленная витрина. Подошел, остановился. А тут сторож с ружьем. Мы с ним о чем-то говорили, может, спорили, а дальше... Дальше провал памяти. Вот и весь мой сказ. Полностью очнулся только здесь.

– За разговоры с ночными сторожами в СИЗО не сажают, – рассудительно сказал Щегол. – Темнишь ты, паря.

– Честное слово! Почему я должен тебе врать?

– Мало ли почему... А может, я подсадка? Человеку в душу не заглянешь. Знаешь про такие штуки?

– Слыхал... – буркнул Олег.

– Да ты не обижайся. Я ведь по-доброму предупреждаю. Не верь в крытке[49] никому. Сдадут хозяину[50], не успеешь опомниться. И мне тоже не верь. Я человек слабый, прижмут – расколуюсь.

– И все равно я понятия не имею, за что меня повязали.

– Не переживай. Скоро расскажут... гы-гы... Доложатся по всей форме. Только смотри зорче, да успевай уворачиваться...

Щегол оказался прав. Утром, сразу после завтрака, дверь камеры отворилась, вошел надзиратель и, больно ткнув резиновой дубинкой под бок Олегу, сказал приказным тоном:

– Поднялся! Руки за спину! Пошел к выходу! Шевелись...

Они вышли в коридор, и снова последовала команда:

– Лицом к стене! Стоять, не двигаться!

Надзиратель привел Олега в кабинет, очень похожий на камеру, только в нем не было коек. Меблировка кабинета была воистину спартанской – стол и два стула; тот, на который усадили художника, был привинчен к полу. Единственное окно было забрано решеткой.

Почти сразу в кабинет (или комнату для допросов) вошел человек в гражданской одежде, сел за стол напротив Олега, и будничным тоном сказал:

– Как это вас угораздило, Олег Ильич? Честно признаюсь, не ожидал от вас такого, не ожидал...

Олег присмотрелся и узнал майора, с которым познакомился в «обезьяннике». На душе стало немного легче. Этому человеку Олег имел полное право задавать вопросы. Но почему майор оказался в городском СИЗО? Или его перевели, повысив в должности, в ГорУВД?

– За что меня?... – спросил Олег.

– Бросьте притворяться. Вам бы сейчас сесть и написать чистосердечное признание. Гляди, суд скостит два-три года. Игры в несознанку не для вас. В вашем деле почти все ясно. За исключением нескольких моментов. И первый из них – где вы взяли пистолет?

– Какой пистолет? О чем вы говорите?

– Вы застрелили ночного сторожа. И были очень пьяны. Так определили медики, сотрудники «Скорой помощи». Анализ крови скоро будет у меня на столе, думаю, он подтвердит предварительные выводы.

– Я... убил... сторожа?! – На последнем слове Олег едва не задохнулся от неожиданного отчаяния.

Нет, такого просто не может быть! У него не было никакого пистолета! Зачем убивать незнакомого парня, который не сделал ему ничего плохого? Да он курицы никогда в жизни не зарезал! А тут – застрелил человека... Бред! Или я сплю?

Олегу захотелось ущипнуть себя, чтобы проснуться, но здравый смысл, которым он всегда выделялся среди сокурсников, а затем и коллег, вовремя подсказал ему, что майор переел ним настоящий, а не плод воображения, и что обвинения против него не выдуманные.

– Да, Олег Ильич, да. Очень неприятная история. Поверьте, я к вам хорошо отношусь, тем более, что уже знаю, кто вы. Такой талантливый, известный человек – и это непонятное убийство... И главное – все факты налицо.

– Я не убивал, – глухо ответил художник. – У меня никогда не было оружия. Я даже не знаю, как им пользоваться. Не убивал я, клянусь!

– Не впадайте в истерику. Я почему-то уверен, что у вас будут хорошие адвокаты... – При этих словах майор хищно сощурился. – Убийство в состоянии аффекта. А может, самозащита. Это вы и должны мне рассказать – как там у вас все случилось.

– Я не помню... Ничего не помню. Остановился возле витрины магазина, потом подошел сторож, мы с ним о чем-то говорили... И все, провал памяти. Я не мог стрелять, потому что у меня не было пистолета!

– Хорошо, хорошо, сделаем тест на наличие пороха на руках. Следы выстрела остаются

почти всегда... если, конечно, вы были не в перчатках.

– Летом?

– Ну, с пьяных глаз и валенки можно обуть в летнюю пору. В милицейской практике и не такие штуки случаются. Недавно одного господина с нетрадиционной ориентацией вечером на центральной площади выловили. Так у него на голое тело была надета норковая шуба, на ногах – туфли на шпильках, а на главной мужской принадлежности, которая ему нужна только для отправления естественных надобностей, был завязан большой яркий бант. К мальчикам приставал. Вот так-то. А вы говорите – лето...

– Вас нельзя переубедить, – с отчаянием сказал Олег. – Вы не верите мне!

– Не нужно меня переубеждать. А верить я обязан только фактам. При всем уважении к вам. Ладно, нам нужен результат. Писать чистосердечное вы отказываетесь... Так? Так. Значит, будем составлять протокол допроса. Чтобы все было по форме. Фамилия, имя, отчество, год рождения, адрес, где и кем работаете... и так далее. Не возражаете?

– Нет.

– Может, вы хотите говорить в присутствии адвоката?

Это был намек. Майор не так прост, как кажется. И совсем не факт, что он воспытал благосклонностью к Олегу. Потребовать в данной ситуации адвоката, значит, признать свою вину в убийстве, пусть и не преднамеренном.

Олег уже немного успокоился и начал размышлять более здраво.

– Зачем? – Олег пожал плечами. – Я и при адвокате скажу то же самое. Не убивал я сторожа. У меня нет агрессивности, когда выпью. Это могут подтвердить многие.

– А может, вас подставили?

Олег с недоумением посмотрел на майора и ответил:

– Кто? С какой стати? Я не политик и не большой чиновник, которого хотят подсадить.

– Но вас нашли в бессознательном состоянии рядом с трупом. Тут есть два варианта: или сторож вас вырубил и вы, теряя сознание, машинально нажали на спусковой крючок, или был еще кто-то. Специалист по инсценировкам. И возможно, истинный убийца. Вот это меня как раз и интересует больше всего.

– Но у меня нет врагов!

– А как насчет завистников и недоброжелателей?

– Не поручусь...

– То-то же. Зависть – страшная штука. Инсценировщика могли нанять.

– И все равно, я не могу представить человека, который так сильно ненавидел бы меня. У меня узкий круг общения, я ни с кем не ссорился...

Тут ему на ум пришла стычка с двумя парнями возле «Олимпа», когда он выручал Маргариту. Может, это их рук дело?

Нет и еще раз нет! Парни, конечно, придурки, но на такую интригу вряд ли способны. Ума не хватит. Да и зачем? Они запросто могли его подстеречь и размазать по асфальту. Такая

месть для них была бы вполне логична.

– М-да, странная история, – задумчиво сказал майор и начал готовить письменные принадлежности.

Когда Олег возвратился в камеру, Щегол оживленно беседовал с новеньким (вернее, он болтал без умолку, а новый сокамерник слушал). Это был крепкий малый с наколками и волчьим взглядом, который он постоянно прятал под мохнатыми бровями.

– А, Художник! – Щегол широко улыбнулся своим щербатым ртом. – Знакомься. Это Акела.

Малый с наколками без особых эмоций кивнул. Похоже, он не отличался большой разговорчивостью.

– Ну, и что тебе шьют? – спросил Щегол.

– Говорят, я убил человека...

– Иди ты! Ну менты, ну позорники! Это им не на кого «глухаря» повесить. Вот они и выбрали подходящую кандидатуру. Да, Художник, попал ты... Нужен толковый адвокат, чтобы отмазаться. И бабло. Много «зелени» нужно...

Олег не ответил. Он лег на свою койку и отвернулся к стене. Художник был выжат допросом как лимон.

А потом к нему совершенно неожиданно пришел сон. Олег проспал почти до вечера, а проснулся от того, что кто-то теребил его за плечо. Открыв глаза, он увидел Щегла.

– Ну ты силен покемарить. Поднимайся, – сказал Щегол. – Тебя вызывают. Вон, стоит... архангел.

Он кивнул в сторону двери, где нетерпеливо топтался давешний надзиратель. На этот раз он не решился войти в камеру. Его глаза беспокойно посматривали на Акелу. Но тот не обращал на него никакого внимания.

Олега привели все в тот же кабинет. Его встретил майор.

– Еще не соскучились по мне? – спросил он, улыбаясь.

Улыбка у майора вышла немного натянутой. Олег сразу подметил, что майор сильно волнуется. С чего бы?

– Давайте ваши ручки, – сказал майор. – Наденем на них «браслеты».

– Зачем?

– Так положено. Я забираю вас из СИЗО.

– Куда?

– Потом узнаете.

Олег покорно подставил руки, и майор ловко защелкнул на запястьях симпатичные с виду никелированные наручники. «Наверное, их делали майору по спецзаказу», – вяло подумал художник, и пошел по коридору к выходу.

Во дворе СИЗО стояла черная «волга» с мигалкой на крыше. Майор усадил Олега на переднее сидение, сам сел за руль, и они выехали из ворот следственного изолятора.

Ехали примерно полчаса. Майор был угрюм и молчалив, и Олег не решался обратиться к нему с расспросами. Куда его везут, на ночь глядя? В новую тюрьму? Зачем? И почему этим делом занимается сам майор, а не конвой со спецмашиной? (О правилах перевозки заключенных ему рассказал все тот же Щегол).

Треволнения Олега закончились на окраине города. «Волга» остановилась возле «меседеса», который помигал ей фарами, и майор молвил, снимая наручники:

– Выходите, вас уже ждут.

Художник не стал спрашивать, кто его ждет. Он это понял сразу.

– Добрый вечер, милейший Олег Ильич! Рад видеть вас в полном здравии.

Иностранец улыбался так фальшиво, что Олегу захотелось плюнуть ему в физиономию. Сдержав себя большим усилием воли, – не хватало еще! ко всем неприятностям... – он коротко и сухо ответил:

– Здравствуйте.

– Это вам, – сказал майор, отдавая Карлу Францевичу какую-то папку. – Как договаривались...

– Именно – как договаривались. Примите... от чистого сердца. С лучшими пожеланиями. Премного благодарны... – С этими словами немец всучил майору пухлый конверт.

– До свидания, – робко молвил майор, быстро пряча конверт в брючный карман.

– Да, да... – рассеянно ответил немец. – Ауф видэрзеен...

Олег промолчал. На душе было так мерзко, что он хотел немедленно выпить до белой горячки. Его выкупили, дав взятку. Заплатили деньги, словно за какую-то вещь. Прикупили из-под полы, как дефицитный товар.

И этот майор... честняга. Пахарь на ниве законности. Наверное, увидев фамилию Олега в оперативной сводке, сам напросился вести его дело. Потому как знал, что может сорвать приличный куш.

«Народный защитник... – унижительно подумал Олег про майора. – Хорош, гусь... Продажная сволочь. Я что, всего лишь эпизод. За державу обидно...»

Майор уехал. Иностранец некоторое время внимательно изучал хмурое лицо Олега, а затем сказал:

– Приглашаю вас к себе в гости. Нет, нет, никаких отговорок! Мы обязательно должны отметить ваше освобождение. Не скрою, это даже для меня было нелегко вытащить вас из тюрьмы. У российских чиновников аппетиты растут просто так в геометрической прогрессии. Еще год назад мне такой трюк обошелся бы вдвое дешевле.

– Я возмещу ваши затраты.

– Что вы, что вы, милейший Олег Ильич! Ни о каком возмещении не может быть и речи. Мы с вами добрые друзья, – не так ли? – а какие расчеты могут быть между друзьями?

Олег промолчал. Ему все было безразлично. Огромная опустошенность вымела из души все порывы и желания. Он хотел лишь одного – чтобы его оставили в покое.

Но ехать к этому Карле все равно придется...

На удивление, иностранец жил не в гостинице, а в большом загородном доме с высоким забором, железными воротами и башней, на которой вертелся флюгер в виде пуделя.

– Приобрел, знаете ли, – объяснил немец. – Это теперь в вашей стране не проблема. В своем доме жить гораздо приятней и уютней, нежели в номерах.

Дом и снаружи выглядел великолепно, но внутри просто потрясал дорогой отделкой и хорошо продуманным интерьером. «Наверное, у Карлы и унитаза золотые, – с иронией подумал Олег. – Надо будет проверить...»

Накрытый стол уже ждал их. Разнообразные напитки, преимущественно в пузатых запыленных бутылках (наверное, из коллекции вин, которую немец купил на аукционе, подумал Олег) лед в серебряной вазочке, икра черная и красная, разные сорта рыбы, овощи и экзотические фрукты... и непрменный камин, – очень большой камин – где горел огонь, над которым запекалась целая косуля.

Ее готовил повар, совершеннейший замухрышка, низкорослый и кривоногий, в высоком белом колпаке и красной бархатной курточке. Он с сосредоточенным видом вращал вертел, представляющий собой механизм с рукояткой и червячной передачей, и поливал мясо какой-то остро пахнущей жидкостью.

Увидев хозяина, повар изогнулся в подобострастном поклоне, и сказала с иностранным акцентом:

– Ужын хотов, мессир...

– Прекрасно, – ответил Карл Францевич. – В самый раз. Мы здорово проголодались. Не так ли, Олег Ильич? Конечно, так. Во всех пенитенциарных заведениях отвратительно кормят. И знаете, так было во все времена. Никакого сочувствия к людям, которые совершили преступления, возможно даже не преднамеренно, а по воле глупого случая. А ведь беда может случиться с каждым.

В последней фразе явственно прозвучал намек на Олега, но художник смотрел на иностранца отморозенными глазами и не проявил никакой ответной реакции.

– Прошу за стол, – сказал немец. – У нас сегодня отменный выбор вин...

Олег плюнул на все свои размышления, опасения и переживания, и приналег на еду. Она была восхитительно вкусная. Особенно был хорош подрумяненный бочок косули, который гостеприимный хозяин лично положил на серебряную тарелку художника.

Что касается вина, то Олег не очень вникал в объяснения иностранца. Художник пил один кубок за другим, хотя они и были весьма вместительны. Вина оказались даже получше того фалерно, которым когда-то потчевал его Карл Францевич.

Густые, с незнакомым запахом, они гоняли кровь по жилам с бешеной скоростью. Олег оживал просто на глазах. Вскоре весь мир казался ему лазурным, а сам иностранец – милым дядюшкой, который приехал навестить дорогого племянника.

Насытившись, Олег, не стесняясь немца, отрыгнул и откинулся на спинку кресла. Сейчас ему очень хотелось как можно быстрее оказаться в собственной постели. Но он понимал, что ему еще предстоит разговор с немцем, а потому до конца не расслаблялся.

Олег не ошибся. Помыв жирные руки в большой серебряной чаше с водой, в которой плавали лепестки роз, и которую предупредительно подал ему все тот же тщедушный повар, выполнявший по совместительству и роль официанта, Карл Францевич сказал:

– А теперь, милейший Олег Ильич, пройдемте в мой кабинет. Это на втором этаже...

Кабинет, как и гостиная с камином, оказался огромным. Все мебель была из мореного дуба и кожи, на полу лежал толстый персидский ковер с какими-то каббалистическими знаками (Олег, когда-то интересовавшийся эзотерикой, узнал их), а письменный стол на резных львиных ножках поражал своей внушительной массивностью и большими размерами.

– Это, – сказал иностранец, показав Олегу ту папку, которую отдал ему майор, – ваше уголовное дело. Но оно уже никуда не уйдет дальше этого кабинета.

– Но мне сказали, что факты...

– Бросьте. Какие факты? Все это глупости. – Немец покривил губы в снисходительной улыбке. – Есть только один весомый факт – свидетель. Да, да, объявился свидетель, который, можно сказать, под присягой готов свидетельствовать, что вы ни в чем не виноваты, что сторожа убил какой-то бандит, потом он оглушил вас, а пистолет всунул вам в руку. Свидетель живет как раз напротив магазина, где произошло убийство. Он, знаете ли, страдает бессонницей...

– Это неправда! Нет никакого свидетеля.

– Как это – нет? Показания его есть, вот они, а свидетеля нет? Что вы, любезнейший Олег Ильич, так не бывает. У русских есть поговорка «Что написано пером, того не вырубишь и топором». Здесь все написано. И собственноручная подпись свидетеля. Все чин чинном.

– Не верю... Не верю!

– И правильно делаете, Олег Ильич. Никому и ничему верить нельзя... – Тут Олег поймал себя на мысли, что Карла повторяет слова Щегла. – Человек – существо слабое, часто беспринципное. Надавят на свидетеля, он и возьмет свои слова обратно. Скажет, что ошибался. Ему что? С него взятки гладки. Он неподсуден. Но вам тогда придется несладко. Ох, несладко... И главное, вы ни в чем не виноваты. В отличие от майора, проходимца и взяточника, я верю, что вы не убивали сторожа.

– Я понял ваш намек. – Олег подобрался, как перед прыжком. – Дело вы положите в свой сейф...

– Именно так, милейший Олег Ильич. Это чтобы вас не посещали разные глупые мысли. Что вам не нравится в нашем сотрудничестве? Вы теперь при деньгах, у вас появилось международное признание, надеюсь, скоро будет персональная выставка в Нью-Йорке... Слава, почет, уважение, затем пойдут правительственные награды – все это будет у ваших ног. Вы победитель. Какие горизонты раскрываются перед вами! Кстати, я забыл поздравить вас со званием заслуженного художника России. Примите мои самые искренние поздравления.

– Это тоже... вы?

– Опять говорите не то... – Иностранец страдальчески поморщился. – Моя роль тут минимальная. Главная заслуга ваша, ваши талантливейшие произведения. Это такой труд... Мне оставалось всего лишь передвинуть фишки. Вернее, подействовать, чтобы их передвинули в нужную позицию. Я так понимаю, вам уже известно, что вы потомок гениального Готфрида Кнеллера. А еще он был одним из посвященных ложи... ее название опустим, оно вам ничего не скажет. И прапрадед ваш тоже был масоном. А масоны всегда поддерживают своих братьев.

– Так я уже и ваш брат...

– Нет, пока нет. Это дело времени. Только по вашему желанию. Так что на этот счет будьте спокойны.

– Я больше не хочу писать портреты, – глухо сказал Олег. – Не хочу, не буду!

Он понимал, что сейчас его затягивает в омут. И ничего не мог с этим поделать. Дедко его уже не спасет, не вытащит за шиворот из трясины, он чересчур далеко. А ведь Ожега предупреждала...

– Не нужно быть таким категоричным. Я уверен, что уже завтра вы передумаете. Это все нервы. Понятное дело: тюрьма – не санаторий. И вообще – вам нужно немного отдохнуть, переменить обстановку. Вот билет на поезд до Москвы и адрес отеля, где вы поживете пару недель, а может, и больше – как получится. За номер в отеле уже заплачено, это не ваша проблема. Живите в нем, сколько нужно. Командировочные заберете из ячейки гостиничного сейфа. Это ключ от нее.

«Москва! Там как раз Маргарита. А что, отличная идея», – воодушевился художник. Эту мысль словно кто-то нашептал ему. Она тихо и незаметно, как ночной квартирный вор, забралась в мозги, за считанные доли секунды освоилась, и стала вести себя по-хозяйски.

– Чем я буду заниматься в Москве? – спросил Олег. – Мне не очень верится, что вы предлагаете мне просто прогулку по столице, да еще и с оплатой командировочных.

– Как плохо вы обо мне думаете... – Иностранец вперил в Олега свои страшные бездонные глаза и изобразил доброжелательную улыбку. – Только отдых и больше ничего. Ну разве что сделаете в Москве небольшой заказ для очень влиятельного человека... но потом время, потраченное на него, вам будет компенсировано! Это я гарантирую.

– Полную гарантию дает только страховой полис, – обречено прошептал Олег, совершенно некстати вспомнив юмористическое высказывание одного книжного персонажа.

– Что вы сказали?

– Я согласен, – почти так же тихо ответил художник.

«И пусть хоть земля летит в тартарары! – подумал он в страшном отчаянии. – Я проклят – и этим все сказано...»

Глава 25

Олег не любил новую капиталистическую Москву. Она буквально сбивала с ног своим бешеным ритмом и многолюдьем. От одной мысли, что ему придется бегать по столице в таком же темпе, как и все остальные, он мгновенно начинал потеть.

А когда включался в эту безумную гонку, пот лился с него ручьями, несмотря на то, что художник не страдал большой упитанностью; скорее, наоборот.

Его любимые места, где раньше можно было просто посидеть на скамейке и поглазеть на пронзительно голубое небо, на беспечных голубей, клюющих крошки, на старинную архитектуру, теперь стали какими-то казенными и неудобными; даже при минимальном присутствии людей. А вальяжный московский воздух, располагающий к созерцанию и сибаритству, стал нервным, тревожным и тугим, будто его сжали под давлением.

Перед отъездом он снова попытался связаться с Марго. Но ее телефон по-прежнему не отвечал. А сама она почему-то не звонила. Наверное, с ее матерью очень плохо, решил художник. Ей не до телефонных звонков и уж тем более не до пустых, пусть и любовных, разговоров.

Утешившись этим предположением, Олег быстро собрался и уже в обед следующего дня осваивался в своем гостиничном номере-«люкс». Нужно сказать, что он был просто шикарным. Осматривая обставленные по высшему разряду комнаты, по которым можно было кататься на велосипеде, потрясенный Олег думал: «На кой мне это палаццо?! Я же не эстрадная дива, и даже не президент какой-нибудь банановой республики».

Но делать было нечего, номер и впрямь оплатили на две недели вперед, поэтому Олег первым делом открыл холодильник и был приятно удивлен большим ассортиментом прохладительных напитков и дорогих вин, которые предстали перед его глазами. Там же находились фрукты, швейцарский сыр, сырокопченая колбаса, икра, какие-то консервы...

В общем, о нем позаботились фундаментально. Неужели все это гастрономическое изобилие входит в стоимость проживания? – подумал озадаченный художник.

Он не поленился и, спустившись на лифте вниз, на первый этаж, задал этот вопрос портье. Ему ответили утвердительно и присовокупили, что номер для него забронирован Администрацией президента.

«Круто, – растерянно подумал Олег. – Это кто же такой, мой будущий натурщик? Уж не сам ли?...»

От этой мысли ему едва не стало дурно. Если это так – откажусь! Пусть меня потом хоть в тюрьму сажают.

Эти мысли обуревали Олега весь остаток дня, но когда он утром проснулся, то в нем уже присутствовала уверенность, что его предположение – глупость. Президент слишком занятой человек, чтобы тратить время на такие мелочи, как позирование. Его портретов и так расплодилось чересчур много.

Почти каждый мазила считает своим долгом проявить верноподданнические чувства, намалевав парсуну президента по фотографии или используя видеоизображение. Его не рисовали разве что в облике архангела с крыльями.

Съев в кафе при гостинице завтрак с круассанами, Олег поднялся в номер и принялся за бритье, как тут зазвонил телефон. Он поднял трубку.

– Алло! – сказал художник. – Слушаю.

– Доброе утро, Олег Ильич!

Олег поморщился от неприятного чувства и резким движением оторвал трубку от уха. Но голос иностранца, казалось, не утратил своей силы и звучал так, словно немец был рядом:

– Как вам на новом месте?

– Нормально, – вынужден был ответить Олег.

– Я рад. А как погода в Москве?

– Превосходная.

– Вот и чудесно. А то с погодой, знаете ли, всегда проблемы. Например, в это время, триста

лет назад, в Москве приключилась форменная зима. В один момент. Представляете? Бр-р-р! Идешь по городу, в одной рубашке, душа нараспашку, а тут тебе на голову начинает внезапно сыпать снег. Неприятно. Если по научному, то сие явление называется погодной аномалией. Но простому народу от этого не легче. Не так ли?

«Да говори, говори же, что тебе нужно! – мысленно возопил Олег. – Как ты меня достал, проклятый Карла...»

Иностранец словно подслушал мысли художника, потому что в следующее мгновение его тон стал деловитым, а фразы – краткими и сухими, без лишних эмоций:

– Вы в шкаф смотрели?

– Не успел.

– Там стоит ящик с нужными для работы материалами.

– Понял.

– Вам скоро позвонят, никуда не выходите из номера. За вами пришлют машину. Только еще раз прошу вас, милейший Олег Ильич, – не натворите глупостей. Заказчик имеет в России большую власть. Надеюсь, вам не нужно объяснять, что это значит.

– Постараюсь не натворить, – буркнул Олег и с ненавистью бросил трубку на рычаги.

Позвонили спустя час после разговора с Карлом Францевичем. Официальный мужской голос сказал, что машина будет возле гостиницы через двадцать минут и что водитель поднимется в номер.

Водитель был предельно вежлив и предупредителен. Он с поразительной легкостью и непринужденностью донес достаточно тяжелый ящик с материалами (который Олег так и не удосужился распечатать) до машины, – это был «мерседес» с правительственными номерами – и вскоре они уже ехали по загородному шоссе.

Несмотря на все грозные указы и распоряжения, частных машин с запрещенными мигалками на улицах Москвы было хоть пруд пруди. Олег очень сомневался, что козырные холеные мужики в дорогих костюмах и расфуфыренные дамочки (раскрашенные как индейцы сиу), сидевшие за рулем импортных тачек с проблесковыми маячками, находятся на государственной службе.

Но он не мог не отдать должное высокому статусу транспортного средства, в котором его везли. «Мерседес» пронизывал скопища машин на улицах и перекрестках с такой легкостью и скоростью, будто был раскаленным прутком, воткнутым в блок мягкого сливочного масла.

Дача явно была государственной. Куда конкретно Олега привезли, он не знал (хотя примерно догадывался), а водитель словоохотливостью не отличался. Прежде, чем они доехали по огражденной территории до дачи (точнее – коттеджа) заказчика, им пришлось миновать два КПП. Последняя проверка – третья по счету – уже была на входе в здание.

Художник оказался в украшенном живыми цветами громадном холле с мраморным полом, фонтаном из резного камня, изразцовым камином и шикарной мягкой мебелью. Наверное, холл был совмещен с гостиной; так удобней для больших приемов.

Выпил лишку – и сразу на улицу, чтобы подышать свежим воздухом. Или чтобы очистить желудок от перегруза. А то пока найдешь нужное место при другой планировке дома, можешь по дороге все растерять. Позору потом не оберешься.

Ждать пришлось долго – где-то около часа. А может, Олегу просто показалось, что время не бежит, а каплет, как в клепсидре – водяных часах. Он был очень напряжен и вздрагивал от малейшего шороха.

Наконец раздались звуки мужских голосов, и по широкой лестнице со второго этажа в холл спустились двое мужчин весьма солидной и симпатичной наружности; один был в годах, а второй почти ровесник Олега. Молодой был и вовсе красавчиком, и художник сразу же его невзлюбил – неизвестно, почему.

Мало того, Олег узнал обоих. И внутренне еще сильнее зажался. Эти двое были настолько влиятельны, что могли его вмиг стереть в порошок, как мелкую букашку.

– А, вот и наш художник! – воскликнул старший. – Наслышаны, наслышаны... Ну, здравствуйте...

Он прикоснулся к руке Олегу каким-то быстрым, едва осязаемым, рукопожатием. Молодой приветствовал художника более сердечно, но его рука была какая-то вялая и потная. Олег незаметно вытер ладонь о штанину; ему вдруг стало неприятно.

– Не будем терять время, – сказал старший. – Георгий проводит вас в подготовленное для работы помещение. Это в здании, где находится оранжерея. Там очень светло и вам никто не будет мешать.

– Это хорошо, что светло, – смущаясь, сказал Олег. – Мне нужно несколько дней, чтобы подготовиться... краски там, холст, и все такое прочее...

– Ничего, ничего, я вас не тороплю. Где вы будете обедать – в нашей столовой или... – Тут хозяин дачи запнулся – Или на рабочем месте?

– Лучше на рабочем месте, – поторопился с ответом художник. – Чтобы не прерывать процесс, – соврал он, не мигнув глазом. – Это вредно для картины.

Ему не очень улыбалась перспектива в течение двух-трех недель мозолить глаза столь сиятельным персонам.

Он был уверен, что на него будут смотреть как на таракана в супе. А сходить с домочадцами хозяина поближе, чтобы казаться душкой, Олегу не хотелось; он почему-то сразу, даже не видя их, проникся к ним неприязнью.

Будущая мастерская оказалась выше всяких похвал. Это была натуральная мастерская живописца, почти павильон. Он был застеклен с трех сторон и даже имел стеклянную крышу. Света было больше, чем нужно.

– Вас будут привозить сюда, и отвозить в любое время дня и ночи, – сказал Георгий. – Машина и водитель в вашем распоряжении. – Он дал Олегу визитку. – Здесь указан номер телефона механика гаража. закажите машину, и через час она будет по указанному вами адресу.

– Что ж, это прекрасно...

Стараясь не смотреть на молодого человека, Олег начал разбирать содержимое картонного ящика.

Там находился обычный «джентльменский» набор, к которому художник уже привык. Он лишь иногда диву давался, где иностранец достает пигменты, которые давным-давно не употребляются в живописи и которые, как говорили знающие люди, теперь днем с огнем не сыщешь.

То же самое можно было сказать про масла и лаки. Работая с ними, Олег все больше и больше убеждался, что они к современности не имеют никакого отношения.

В свое время его дед тоже занимался сизифовым трудом, собственноручно приготавливая материалы для живописи и грунтуя холсты. И внука научил, дал ему много разных рецептов, хотя юный Радлов считал эти занятия старческой блажью.

Зачем мучиться, обливаться потом, занимаясь поистине каторжным трудом, когда все это добро можно без проблем приобрести в художественном салоне?

Но то, чем сейчас приходилось работать Олегу, мало напоминало даже те составы, которые умел готовить дед. А он иногда варил такое варево, что его внук только диву давался.

Правда, лаки не всегда получались такими, как нужно (это была большая загадка; при одной и той же рецептуре и тепловых режимах они почти всегда имели разные свойства). Но если уж дедова алхимия удавалась, картина, покрытая таким лаком, оживала на глазах.

Это было потрясающее зрелище...

То, что масло для живописи, которое привозили Олегу в высоких стеклянных флаконах без этикеток, было высочайшей степени очистки, не казалось ему большой тайной. Современная химия может сделать прочнейшую проволоку из одной бесконечно длинной молекулы.

Но вот лаки для живописи, и в особенности покровные лаки, поставляемые иностранцем, химия двадцать первого века, при всей своей мощи, приготовить не могла. Многие старинные рецепты до сих пор не поддаются расшифровке.

После написания портрета у Олега всегда оставалось немного лака. И однажды он покрыл им уже готовое полотно – пейзаж.

Между делом, он по памяти написал то озеро, где они с Беляем ловили рыбу и где его поманили затопленные сокровища. Картина удалась на славу. Как-то так получилось, что Олег выписал на ней каждую былинку, хотя обычно лишней детализации на своих полотнах он избегал. Даже водное зеркало получилось живым; казалось, еще чуть-чуть, и по озеру пойдет мелкая волна.

И все равно он долго мучился, считая, что картине чего-то не хватает – какого-то последнего штриха, мазка или еще чего. Но когда Олег покрыл холст остатками лака, то был потрясен до глубины души. Картина ожила!

Ему даже почудилось, что шелестит камыш и где-то далеко – как тогда – поет иволга.

Этот пейзаж он не показывал никому. Даже Маргарите. Уж неизвестно, почему. Иногда Олег доставал его, ставил перед собой, и оказывался словно в нирване. Он поминутно переживал снова и снова все события, что произошли с ним в деревне Зеньки, на болотах и в жилище Ожеги.

Это было мучительно-сладостное состояние...

Три дня художник работал как одержимый. Иногда он с такой силой тер курантом по каменной плите, доводя до кондиции очередную пигмент, что казалось еще немного, и пест раскрошится.

Он хотел как можно быстрее справиться с работой и уехать восвояси. Тем более, что мобилка Маргариты по-прежнему молчала. Возможно, она уже уехала из Москвы.

Даже красоты обновленной столицы, и уж тем более, посещение значных мест его не

радовали. На третий день он не выдержал гостиничного заточения и вечером пошел в элитный бар. Но долго там не выдержал.

Общество потасканных шлюх, изображавших из себя приличных дам, и регулярно посещающих пластического хирурга молодящихся мужчин, единственным достоинством которых был тугий кошелек, ему претило. Общение завсегдаев бара было даже не продажной любовью. Это был какой-то садомазохизм, возведенный в ранг светскости.

В баре все было ненатуральным, начиная от фальшивой позолоты на якобы резных барельефах, штампованных из пластмассы, и кончая жеманными ужимками крашенных девиц. За исключением спиртных напитков. Но выпить столько, чтобы не замечать вокруг циничной фальши, Олег был просто не в состоянии.

На четвертый день, как и договаривались, в импровизированную мастерскую Олега к десяти часам утра намеревался прийти тот человек, портрет которого заказали художнику. Об этом его предупредил Георгий.

Олег сидел спиной к двери и задумчиво смотрел на сосны, растущие неподалеку от оранжереи. Солнце ярко высветило их стволы, и она казались золотыми. День обещался быть превосходным – светлым, ясным. В такие дни портреты пишутся быстро и легко.

Звуки шагов позади заставили его вздрогнуть. Задумавшись, он не услышал, как отворилась входная дверь.

Заранее изобразив приятную улыбку, Олег встал, обернулся – и в глазах у него неожиданно потемнело. Он невольно взмахнул рукой, будто отгоняя призрака, но видение не исчезло.

Перед ним стояла Маргарита!

– Олег?! – Девушка, испуганно прижав кулачки к груди, отступила назад.

Он молчал. Ему отказал язык. На глазах Олега происходило что-то невероятное, страшное. Масоны заставляют его писать портрет любимой! Неужели и она с ними?! Нет, нет и еще раз нет! Здесь что-то не то...

Не верю! – мысленно воскликнул художник и, сделав над собой страшное усилие, сказал, едва ворочая языком:

– Как ты... здесь... оказалась?

– Олег... – Маргарита умоляющим жестом протянула к нему руки, но они тут же безвольно опустились. – Не может быть, – сказала она шепотом. – Так не бывает...

– Это... дом твоих родителей? – наконец осенило Олега.

Он начал постепенно приходить в себя.

– Да. Папа... это госдача...

– Понятно. Значит, ты моя натура... – Олег глубоко втянул в себя воздух, с шумом выдохнул и потянулся за сигаретами. – Нет, мне пока ничего непонятно! Почему ты не звонила мне и не отвечала на мои звонки?

Маргарита потупилась.

– Ну говори же, отвечай!

– Олег... Нам нужно расстаться...

- Что? Что ты такое говоришь?! Почему расстаться, с какой стати?! Или ты меня уже не любишь? Ты нашла другого?
- Другой у меня давно есть. Ты о нем знаешь.
- Ты имеешь ввиду бывшего мужа? – догадался Олег.
- Он не бывший. Мы с ним официально не развелись. Он ушел от меня, но развода не дал.
- Господи, чего проще... И это все твои проблемы?
- Если бы... Мама больна.
- Думаю, что твой отец в состоянии направить ее в самую дорогую клинику Европы. Своим присутствием ты ей не поможешь.
- Не в этом дело...
- А в чем?
- Мама спит и видит меня женой Георгия.
- Георгий? – Художника вдруг осенило; он понял, с кем был хозяин дачи при первой их встрече. – Твой муж – это тот смазливый малый, которого почти каждый день показывают по телевидению? Он что, и живет уже здесь?
- Пока не живет... Приезжает.
- Ну что же, как приедет, так и уедет. Я с ним поговорю... по-мужски. И мне плевать, что за ним ходит толпа телохранителей.
- Это не поможет. Я приняла решение...
- Олег вдруг почувствовал, что он совершенно успокоился и его начала охватывать холодная ярость.
- Значит, ты меня не любишь, – сказал он с нажимом.
- Олег!
- Ну да, я Олег. Простой художник. Таких, как я, тысячи. А твой Георгий – один в своем роде. Большой политик, доктор околосвященных наук. Ему светит блестящая карьера. Эдак, лет через десять, гляди, станешь первой леди страны. Похоже, его на эту синекуру и мылят. Молодой, перспективный, очень правильный, говорун, записной патриот... Где уж нам, с нашей подозрительной биографией и еще более темной родословной. Как это говорит народная мудрость: руби дерево по себе?
- Причем тут биография, родословная?! Ты ведь не знаешь всего.
- Расскажи.

Маргарита некоторое время колебалась, но потом все-таки решилась.

- Из-за того, что я не хотела сойтись с Георгием, мама отравилась, – сказала она глухим, прерывистым голосом. – Ее едва спасли.
- Но ведь уже все позади! У женщин иногда бывают такие срывы. Женщины – народ чересчур

эмоциональный. И потом, познакомь меня с ней, думаю, мы найдем общий язык. Я ведь тоже, если по большому счету, не из последних, не стою на паперти с протянутой рукой.

– Ты не понимаешь... Георгий у нее идея-фикс. Это она в свое время настояла, чтобы я вышла за него замуж. И теперь мама даже не может представить себе, что наша с Георгием семья окончательно развалится. Оно столько сил приложила, чтобы вернуть его...

– Элементарная история, сплошная проза... – Олег пожал плечами. – Мужик нагулялся, набегался, как кобель, теперь можно и к теплой гавани вернуться. Тем более, что тесть занял важный пост. А это значит, что дорога к сияющим вершинам власти для зятя открыта. Тебя используют, разве непонятно?

– Наверное... Но что-либо изменить я не могу. – В голосе Маргариты прозвучало отчаяние. – Можешь мне не поверить, но я люблю тебя. Люблю!

– Странная у тебя любовь...

– Да, странная. Как и вся жизнь. Но самое страшное другое: мама заявила, что если я пойду против ее воли, она покончит жизнь самоубийством. Доведет начатое до конца. И она сделает это! Она волевой человек и всегда держит свое слово.

– Пугает. И я не думаю, что отравление было таким уж страшным. Не обижайся, но проделки твоей мамы пахивают шизофренией.

– Не смей так говорить о моей маме! Она добрая... хорошая. Мама желает мне только добра.

– Верю. Родители всегда желают своим детям добра... – Олег едва сдерживал себя; ему казалось, что еще секунда, и из его глаз брызнут слезы безысходности и отчаяния; а это для мужчины непозволительно. – Но зачем тебе портрет? Притом написанный моей рукой?

– Прости... Я не знала имя художника. Портрет – это не моя прихоть. Так захотел папа. А ты ведь один из лучших, о тебе все газеты пишут... Кто-то ему посоветовал. Папа сказал, что повесит мой портрет в своем кабинете рядом с портретом президента. Это у него такое хобби – иметь живописные изображения всех родственников едва не до седьмого колена.

– Хобби... – Олег мрачно улыбнулся. – Лучше бы он собирал марки или спичечные этикетки. А это хобби может выйти ему боком.

– Олег... Я понимаю, тебе больно. А мне, ты думаешь, легко? Но что, что можно сделать?!

– Ничего не нужно делать. От судьбы не сбежишь. Но попытаться можно... – Художник скрипнул зубами. – И нужно!

– Я не знаю, как мне быть... С одной стороны мне не хочется травмировать в очередной раз своих родителей, а с другой...

Слушать ее было невыносимо. По каплям копившаяся неприязнь к этому дому и его обитателям наконец переполнила сосуд терпения и пролилась, вызвав в Олеге взрыв неконтролируемых эмоций.

– А не пошли бы вы все!... – грубо прервал художник Маргариту, в сердцах пнул ногой мольберт, который оказался у него на пути, и выскочил из помещения.

– Олег, куда ты?! погоди!

Но он уже не слушал. Почти бегом преодолев расстояние от оранжереи до «мерседеса» –

машина, которая привезла его на госдачу, еще не уехала; наверное, водитель ждал распоряжений кого-то из домочадцев Маргариты – Олег быстро влез на заднее сидение и сказал:

– Погоняй!

– Простите, но...

– Заводи мотор и поехали!

– Слушаюсь...

Дикая ярость мутила разум. Олег ненавидел всех: и Георгия, и Маргариту, и ее родителей, и себя.

Он жаждал каких-то действий, но на ум приходило только одно – пойти в кабак и напиться там до свинского образа. Воздушные замки, которые он строил в мечтах весь последний год, в одно мгновение рассыпались в прах.

И он снова на мели. Нет, даже не на мели, а на камнях. Вокруг море, а в нем бушует шторм. Олег был словно в трансе. Перед ним в очередной раз предстала картина из его кошмарного сна.

Вот только помочь ему некому. Он лежит один на скалистом берегу, совершенно обессиленный, волны бьют его израненное тело, швыряют на острые камни, а вдалеке виднеется одинокая женская фигурка.

Это фея. Она не замечает капитана, потерпевшего кораблекрушение. Склонив задумчиво голову, фея уходит все дальше и дальше...

Глава 26

Иностранец позвонил на вторые сутки.

Все это время Олег безбожно пил. Едва протрезвившись, он снова спускался в бар или в ресторан гостиницы – дальше идти было лень, да и ноги не тянули – и глотал спиртное в огромных количествах. Ему хотелось умереть от водки, умереть во сне, внезапно, чтобы долго не мучиться.

Но в это утро художник проснулся с единой мыслью – надо уезжать. Прямо сейчас. Все остальное, в том числе и мысли о смерти, – глупости. Жизнь прекрасна, даже если в ней нет места настоящей любви.

И пошел этот Карла куда подальше...

Карл Францевич словно подслушал мысли Олега. Художник уже собрал свою дорожную сумку, когда раздался зуммер телефона. «Не буду подходить», – решил про себя Олег, и начал чистить туфли. Судя по их внешнему виду, по ним кто-то потоптался – скорее всего, слон.

Телефон звонил, не переставая. Его настырность выводила из себя. «А чтоб тебя!...» – выругался Олег, бросил сапожную щетку и поднял трубку.

– Здравствуйте, милейший Олег Ильич!

От слащавого голоса немца художника даже передернуло. Он хотел бросить трубку, но что-то его удержало от этого необдуманного шага.

– Наше вам, – ответил художник не очень приветливо.

– Как ваше драгоценное здоровье?

– Здоровье в порядке, спасибо зарядке, – ответил Олег штампованной фразой.

Иностранец его не понял.

– О-о, вы даже в спортзал ходите? Это хорошо, это правильно. Как у вас в России говорят – в здоровом теле, здоровый дух. Чтобы тело и душа были молоды.

– Именно так. Закаляюсь, как сталь, – мрачно ухмыльнулся художник.

– Простите за нескромный вопрос, но что там у вас случилось?

– Вы о чем? – прикинулся непонятливым Олег. – Лично у меня все в порядке.

– Речь идет о заказе. Заказчик нервничает, торопит. А вы не являетесь на свое рабочее место.

– Мы с заказчиком не сошлись характерами, – дерзко сказал художник.

– Этого не может быть. Никак не может. Заказчик очень воспитанный человек. Возможно, вас смущает то, что вам еще не выплатили аванс? Так за этим дело не станет. Сегодня вы деньги получите. Это уже мой вопрос.

– Деньги мне не нужны. Я не хочу иметь дела с этим человеком. И баста.

– Но позвольте, Олег Ильич, а как же наш уговор? Вы не можете подставить меня. Это, по меньшей мере, неэтично. Я не могу выглядеть перед заказчиком записным болтуном. Вы уже знаете, кто этот человек, и, наверное, понимаете, что с такими людьми шутки плохи.

– Я не буду писать портрет! Не хочу... не могу! Я устал. Я смертельно устал... от всего.

– Смертельно? Ну, это проясняет картину. Это, знаете ли, все ставит на свои места. Что ж, если смертельно... Интересная мысль... До свидания, Олег Ильич. И все же, я надеюсь, вы измените свое решение. Очень надеюсь.

С этим «очень надеюсь» иностранец и пропал из эфира. Что касается Олега, то он долго и бессмысленно тарасился на телефонную трубку, словно продолжая мысленный диалог с Карлом Францевичем.

Прощальные слова иностранца почему-то неприятно поразили художника. Несмотря на любезный тон Карла Францевича, в его последних фразах прозвучала скрытая угроза. Но Олег пока еще не понял, в чем она заключалась.

«Надо уезжать отсюда, – думал он, наполняясь решимостью. – Надо! Я не марионетка, которой можно управлять одним пальцем. Лучше существовать впроголодь, на копейки, и в полной безвестности, чем чувствовать себя лакеем, которым может помыкать кто угодно. Я мастер – и этим все сказано. Как-нибудь проживу и без высоких покровителей...»

Такси, которое он вызвал, не опоздало. Бросив сумку на заднее сидение, Олег сел рядом с водителем и сказал:

– В аэропорт... – Билет на самолет Олег уже заказал через гостиничного администратора.

– Нет проблем...

Они уже выехали на кольцевую дорогу, когда таксист вдруг притормозил.

– Что-то случилось? – с тревогой спросил Олег. – Я не опоздаю на рейс?

– Все нормально, ничего такого... – ответил водитель. – Мелочи...

Он открыл капот, поковырялся в движке минуты две, и возвратился в салон.

– Ну, что там? – Олег нетерпеливо ерзал по сидению.

– Уже едем, – загадочно улыбнулся таксист.

С этими словами он поднял руку и распылил в лицо Олегу содержимое баллончика, который был спрятан у него в рукаве.

Художник резко отпрянул назад, ударившись головой о дверь, хотел крикнуть, позвать на помощь (кого?), но его дыхание сбилось, в глазах сначала заискрило, а потом помутилось, и он начал терять сознание. И как будто в насмешку в его голове прозвучал вопрос «Кто наступает дважды на одни и те же грабли?», за которым тут же последовал ответ «Иванушка-дурачок».

Его взяли таким же способом, как и в первый раз, когда он едва не был погребен под горами мусора на свалке...

Очнулся Олег от гула моторов. Открыв глаза, он увидел, что лежит на гофрированном полу небольшого транспортного самолета, а на скамейках по бортам сидят четверо парней в камуфляже и в черных масках. Оружия у них не было.

Это обстоятельство почему-то немного приободрило Олега. Он хотел спросить парней, куда они летят, но тут обнаружил, что руки и ноги у него связаны, рот заклеен скотчем, а талию обхватывал широкий пояс монтажника со скобами для крепления карабинов.

«Меня похитили!» – это была первая связная мысль, которая посетила его голову спустя пять-шесть минут после пробуждения. До этого там царил туман и полный разброд. Видимо, та гадость, которой он надышался по милости таксиста, напрочь отшибла способность здраво размышлять.

Но кто и зачем его похитил? Террористы? Смешно... Кому нужен художник? Разве что в Ираке. Там теперь по милости американцев воруют все подряд. Сначала разворовали музейные ценности, а теперь перешли на иностранцев – для получения большого выкупа.

И неизвестно, кто этим занимается: или оккупационные войска, действуя через подставных лиц из местного населения, или сами иракцы, по собственной инициативе, – чтобы прокормить семьи.

Но я ведь в России, подумал Олег. Хотя это еще ничего не значит, вспомнил он Чечню. Художник попытался переменить позу, но его без особых церемоний прижали грубым армейским ботинком к полу. А затем Олегу многозначительно продемонстрировали десантный нож.

Он тяжело вздохнул и закрыл глаза. Все понятно – лежи и не трепыхайся. И все-таки, куда летит самолет?

Объяснение пришло раньше, чем он думал. В какой-то момент его подняли, отклеили рот, и поставили перед открытой дверью самолета. Далеко внизу голубела узкая лента реки,

зеленели рощи и радовали глаз четкой геометрией разноцветные поля.

– Полетаем? – услышал он над ухом веселый звонкий голос.

Олег обомлел. Он всегда боялся высоты, хотя и старался себя превозмочь. Но сейчас, глядя на далекую землю внизу, художник почувствовал внезапную слабость и тошноту. И потом – у него ведь нет парашюта!

– Полетаем, – ответил звонкоголосому чей-то бас.

И художник не успел опомниться, как оказался за бортом самолета.

Дикий ужас охватил все его естество. Он дико заорал, чувствуя, как его охватывает безумие. Страх пожирал Олега изнутри, словно червь яблоко. Глаза вылезали из орбит, ветер хлестал его, бил по лицу, ворочал в воздухе, как тряпичную куклу... а земля все приближалась, и приближалась.

Когда он почувствовал, что еще немного и у него разорвется сердце, чьи-то сильные руки обхватили его поперек туловища, раздался щелчок карабина, замыкающегося на скобе монтажного пояса, затем послышался хлопок вытяжного парашюта, и Олег, подвешенный к парашютисту на прочном фале, плавно приземлился.

Чтобы тут же потерять сознание...

Его привели в себя достаточно быстро и бесцеремонно, с силой отхлестав по щекам.

– Очнись, тетеря! – раздался знакомый бас. – Да живой ты, живой. Приедешь домой, трусы поменяй. Штаны, вроде, не мокрые, но проверять не будем.

Послышался чей-то смех.

Олегу помогли встать (путы уже были сняты). Перед ним стоял обладатель баса, худощавый мужчина с удивительно широкими для его небольшого роста плечами. Он так и не снял маску.

– Просили передать тебе всего три слова – больше не шали, – пробасил он внушительно. – От себя добавлю – в следующий раз при десантировании тебя могут и не поймать. Очень неприятное зрелище, когда человек разбивается о землю, если у него не раскрывается парашют. Это даже не человек, а окровавленный мешок с костями. Бывай... счастливчик.

Парашютисты быстро запрыгнули в УАЗ цвета «хаки» без номеров, мотор микроавтобуса взревел, и Олег остался один среди чистого поля.

Жив... Жив! Чувствуя, что подкашиваются ноги, Олег сел. Над головой жужжали пчелы, занимаясь своим повседневным трудом, в рощице неподалеку щебетали какие-то птички, солнце каталось по небу колобком, уворачиваясь от мелких тучек, дел легкий низовой ветерок...

Жизнь передвигалась по наезженной колее, как прежде. Она казалась простой, ясной и радостной. И в то же время что-то было не так.

Это сомнение словно заноза больно кололо под сердце; Олег пытался понять, что его смущает, но голова стала пустой и звонкой, и мысли никак не могли нащупать верную тропинку среди только что испытанных переживаний и убийственно неприятных эмоций.

Наконец в воздухе раздалось что-то наподобие «бамц!», и художник вдруг начал мыслить вполне логично и содержательно. Правда, от этого ему легче не стало.

Олег вдруг понял, что ему никуда не спрыгнуть с той телеги, в которую запряжены взбесившиеся кони и которая несется неизвестно куда, скорее всего, в пропасть. И что если он и дальше будет упрямиться, то его ждут страдания, которые трудно представить.

Кто мог заказать это «десантирование» без парашюта? Папаша Маргариты, Георгий? Вряд ли. Столь изощренный способ привести в чувство зарвавшегося слугу им бы и в голову не пришел.

Максимум, на что способны эти господа, это послать двух-трех крепких парней из личной охраны, чтобы они хорошо намяли ему ребра. Очень убедительный аргумент, и чаще всего срабатывает безотказно.

Нет, полет в бездну придумал кто-то поумней, настоящий садист. Карлуха, сволочь, фриц недобитый! Как он сказал: «Смертельно?... Это, знаете ли, все ставит на свои места... Интересная мысль...»

Немец уже тогда знал, как и чем укоротить строптивца. Ожидание близкой смерти, страшнее самой смерти.

Что ж, поживем – увидим. Как писал один поэт – когда помрешь, тогда поймешь. А пока...

Олег с трудом поднялся на ноги, которые стали какими-то чужими и ватными. За перелеском, куда вела проселочная дорога, по идее, должно быть шоссе.

А пока нужно добраться до города, закончил свою мысль художник. Это сейчас главное. Переставляя дрожащие ноги, как ножки большого циркуля, Олег медленно поплелся туда, где начиналась цивилизация.

Он еще не видел ее, но чуял – запах выхлопных газов машин вперемешку с дымом горящих мусорных свалок...

Таким пьяным Олег еще никогда не был. Сначала он пил в баре при гостинице. Потом вышел на улицы ночной Москвы и начал отмечаться во всех питейных заведениях, которые попадались ему по пути.

На Тверской к нему начали приставать проститутки, и он уже было повелся, но тут налетел милицейский наряд, путан захихнули в микроавтобус, а ему дали пинка под зад, но почему-то даже не спросили документы и – что самое удивительное – не обшарили карманы.

В конечном итоге Олег оказался на какой-то незнакомой улице, где гудел шалман с цыганами, притом до самого утра. Здесь он и окопался, швыряя деньгами направо и налево.

А потом его, пьяного вдрызг и совсем беспамятного, привезли к гостинице и даже занесли в номер. Кто? Это было тайной. На следующий день художник не только не узнал бы своих благодетелей, но и себя опознал с трудом, когда посмотрел в зеркало.

На него тарацила глаза похмельная физиономия блудливого сатира; только не хватало волосатых козлиных ног. Олег даже с испугу отпрянул от зеркала.

Потом он долго приводил себя в чувство под контрастным душем, но все равно, даже будучи тщательно выбритым, его лицо казалось постаревшим лет на десять.

После косметических процедур Олег полез в холодильник, достал оттуда бутылку холодного шампанского и вылакал ее до дна как заправский пьянчужка. «Шампанское по утрам пьют только аристократы и дегенераты», – вспомнилась ему фраза одного киношного героя.

Буду считать себя аристократом, решил Олег. Все-таки, имею дворянское звание, почти

принц. Он горько улыбнулся. И наконец вскрыл запечатанный конверт, в котором находился ключ от ячейки бронированного гостиничного сейфа, где лежала большая сумма в долларах – аванс, как и обещал Карл Францевич.

И в это время в дверь номера постучали.

«Если это Карла, – мстительно подумал художник, – я выскажу ему все, что думаю о нем, о его родителях и вообще о всей родне этого сукиного сына. А может?... – Он посмотрел на пустую бутылку из-под шампанского. – Дать ему по башке, чтобы забыл, как меня и звать... Стоп! Этого еще не хватало. Пить надо меньше, чтобы в голову дурь разная не лезла. Не все так просто, парень...»

В дверь стучался водитель «мерседеса». Олег уже знал, что его зовут Никита.

– Вас внизу подождать? – будничным голосом спросил водитель.

– Да... подожди.

«Вот гад! – бушевал Олег. – Сволочь немецкая! Все просчитал, выродок. Все мои реакции. Был на сто процентов уверен, что я больше не буду брыкаться. Что ж это он лично не позвонил или не зашел? Душевед гребаный... Как поживаете, милейший Олег Ильич? Хорошо ли идет шампанское под опохмелку? Прекрасно, майн либер хэр[51]! Не хотите ли за компанию?...»

Пока ехали, Олег весь кипел. Он унял эмоции лишь в своей импровизированной мастерской. Наверное, на него успокаивающе подействовал знакомый запах красок и лаков.

Едва он приготовил все необходимое для рисунка, как в павильон стремительно вошла – нет, влетела – Маргарита. Она с тревогой начала всматриваться в бледное лицо художника.

– Что с тобой?! – воскликнула она встревожено.

– Со мной все нормально, – с деланным спокойствием ответил Олег. – Голова немного побаливает.

– Ты пил... – Она не спросила, а констатировала.

– Расслаблялся, – ответил художник, криво ухмыляясь. – Не переживай – ты здесь ни при чем.

– Ты как с креста снятый. Таким я еще тебя не видела. Зачем ты так много пьешь?

– Вопрос, как я понимаю, чисто риторический... – Олег снова выдавил из себя улыбку: но тут же нахмурился. – Прошу извинить, но мне некогда болтать. Нужно работать. Время идет, солнце скоро скроется за деревьями, значит, освещенность будет плохой, что скажется на качестве эскиза.

– Почему... почему ты так говоришь со мной?! – На глазах Маргариты вдруг появились слезы.

– Отлично! – воскликнул Олег. – Вот так и сидите. – Он демонстративно перешел на «вы». – Эмоциональное состояние натуры для художника чрезвычайно важно.

Удивительно, но Маргарита на его «вежливость» никак не отреагировала. Она промолчала, закусила губу и села так, как ей подсказал художник.

Олег работал как одержимый. Он полностью отключился от действительности. Иногда

казалось, что его рукой водит кто-то другой – настолько стремительными и точными были штрихи, которые он наносил на холст тонкими угольными палочками.

Художник мог бы запросто нарисовать Маргариту по памяти, даже с закрытыми глазами. Он помнил мельчайшие черты ее лица. Но было еще ЧТО-ТО, неуловимое, не относящееся к материальному миру, которое он даже не должен, а обязан был поймать и изобразить только при наличии живой натуры.

Про это «ЧТО-ТО» не было написано ни в одном учебнике, о нем не говорили преподаватели (а если и вспоминали, то вскользь, потому как сами не знали, откуда оно происходит), но Олегу его истинная суть приходила сама, непонятно откуда. Стоило лишь немного напрячься...

Больше Маргарита не позировала. Хватило одного сеанса. Олег даже запретил и ей, и всем остальным заинтересованным лицам входить в павильон, когда он работал.

Художник изобразил Маргариту в мехах на фоне зимнего пейзажа. Ей очень шли меха. А что касалось самого пейзажа, то он все время стоял перед глазами художника (как и Маргарита), наравне с видами деревни Зеньки.

Это была та самая зеркальная речушка среди леса, где они жарили сосиски. Только костра на картине не было; не стал Олег писать и мохнатые ели.

Маргарита получилась похожей на Снегурочку – вся белоснежно-розово-голубоватая. В ее немного испуганных глазах, где-то на дне глазных яблок, таились хрустальные слезинки. Она смотрела куда-то в сторону с трепетным ожиданием.

Казалось, вот-вот, и из лесу выйдет Лель...

Закончив работать маслом, Олег готов был дуть с утра до вечера на полотно, лишь бы оно быстрее высохло и он смог бы покрыть его лаком. Художник старался не встречаться с Маргаритой, сидел в мастерской под замком и не откликался, когда его звали.

Олег даже отказался от обеда, приносил с собой бутерброды и уже ставшую привычной бутылку коньяка. В полном одиночестве он наливался спиртным и желчью.

Смотрины портрета прошли под восторженные «охи» и «ахи». Понаехали какие-то дамы и господа – наверное, друзья хозяина дачи – и Олегу все-таки пришлось посидеть за общим столом. Там он увидел, наконец, и мать Маргариты. По ее лицу совсем не было заметно, что она недавно лежала в больнице после отравления.

Он шел к столу как на Голгофу. Непонятная ненависть к вальяжным господам сжигала его изнутри, вызывая неистовое желание перевернуть стол и побить посуду. Лишь невероятным усилием воли он сумел утихомирить свои разбушевавшиеся страсти, и даже что-то отвечал на вопросы любопытных мамзелей.

Маргарита была холодна, молчалива и отрешенна. Она лишь несколько раз взглянула в сторону Олега. Когда пошло веселье и мужчины распустили пояса, чтобы влезло побольше еды и напитков, Олег потихоньку смылся. Здесь ему уже было делать нечего.

В гостинице он снова напился. Правда, не до положения риз, а только для того, чтобы уснуть, забыть все и вся.

Проснувшись, художник снова начал собирать свою сумку. Когда он возвратился после «десантирования» в отель, сумка уже стояла в номере. Укладывая вещи, Олег наткнулся на визитки московских знакомых. Он так никого и не посетил, даже не позвонил.

Визитка Алекса, которому он написал портрет по указанию иностранца, словно сама прыгнула ему в руки. Немного поколебавшись, он набрал номер его офиса. Голос секретарши был почему-то не очень приветливым, каким-то мрачным.

«Наверное, Алекс обанкротился и закрывает свою контору», – подумал художник.

– Его нет, – ответила секретарша.

– А когда будет?

За этим вопросом последовала длинная пауза. Потом в трубке раздались всхлипывания, и секретарша ответила, шмыгнув носом:

– Никогда...

– То есть?...

– Он умер.

– Как умер, почему?!

– После непродолжительной болезни. Что за болезнь, врачи так и не смогли определить. Вчера похоронили...

Олег уронил трубку и тупо уставился на телефонный аппарат, выполненный в стиле «ретро» с позолотой.

Алекс умер... После непродолжительной болезни. Не смогли определить... Как это знакомо. Неужели снова сработал его окаянный талант?!

Художник вдруг ужаснулся – что будет с Марго?! Несмотря на то, что он был не в себе от злости на нее, Олег принял все необходимые меры, чтобы ни в коем случае не навредить ей. Он нацепил на шею не только дедов оберег, но и золотой фамильный крест.

Правда, иногда ему казалось, что крест с оберегом не очень ладят, потому что временами кожа под ними разогревалась едва не до ожогов. Но все же, все же...

Зачем, зачем он поддался на уговоры и написал портрет своей любимой?! Дал слабину... Смерти испугался.

Испугался! Это правда. Но останься их отношения прежними, он скорее сам, без понуканий, выпрыгнул бы из самолета без парашюта, нежели сел за мольберт. А так в нем говорили лишь ревность и злость, затмившие все остальные чувства.

Нужно немедленно уничтожить портрет Маргариты! Олег заметался по гостиничному номеру, разыскивая разбросанную одежду, но этот порыв длился недолго. Его вдруг поразило безволие, которое пришло вместе с мыслью: «А кто тебе его отдаст? Тебя даже на территорию, где находится дача, теперь не пустят».

Что я наделал, что я наделал?! – думал он в полном отчаянии. Господи, прости меня, окаянного, и помоги... Помоги! Что делать?

Надо позвонить Марго и предупредить ее! Пусть она сама избавится от портрета.

Олег набирал ее номер добрых полчаса, но телефон не отвечал. Наверное, у нее уже другой аппарат, обречено решил художник. Богачи меняют мобилки и телефонные номера несколько раз в год.

А Маргарита, скорее всего, сменила свой номер, чтобы он не беспокоил ее своими глупыми речами и теперь уже никому не нужными признаниями в вечной любви...

Обхватив голову руками, Олег упал на кровать и уткнулся лицом в подушку. В номере раздалось тихое, сдавленное рыдание, постепенно переросшее в тоскливый звериный вой.

Глава 27

Маргарита позвонила Олегу спустя четыре месяца. Все это время он только то и делал, что пьянствовал. Но его даже спирт не брал. Он вдруг перестал напиваться – так, легкое опьянение, не более того.

А если перебирал лишку, то тут же возвращал ее обратно – в унитаз.

Заказчики словно взбесились. Они просто штурмовали его мастерскую, присылали многочисленные факсы и беспрестанно звонили. Телефон в мастерской не умолкал ни днем, ни ночью. В конце концов, Олег отключил его, а у дверного колокольчика выдрал на подплатии язычок.

Карла куда-то пропал. Иногда Олегу казалось, что иностранца и вовсе не было. А все, что его связывало с немцем, – всего лишь дурной сон.

Звонок по мобильнику застал художника в редкие минуты просветленного сознания. Он как раз пришел домой, чтобы надеть чистую одежду. Обычно Олег почти не покидал мастерскую, разве что за тем, чтобы пополнить запасы спиртного и еды.

Наступили холода, и он часто зажигал камин. Ветер, залетая в трубу, свистел и выл на разные голоса. И Олег, с какой-то жадной тоской глядя на языки пламени, начинал подвывать ему.

Нет, он не плакал. Глаза художника были сухи. Это он так пел. Его «пение» напоминало псалмы без слов. Иногда он начинал разговаривать сам с собой, и его охрипший голос был каким-то чужим и незнакомым.

Мобилка начала звонить, едва он зарядил ее аккумулятор. Зачем он это сделал, Олег вряд ли смог бы объяснить. Наверное, по устоявшейся привычке. Он ни с кем не собирался связываться по телефону.

Какое-то время художник тупо смотрел на изящную вещицу, испускающую трели, – музыкальные рингтоны он не любил и никогда не записывал – а затем осторожно, будто телефон был раскаленным, взял его в руки и включил.

– Олег, это я...

Художника будто током ударило. Сначала ударило, а потом замкнуло. Он попытался что-то ответить, но язык его не слушался.

– Не молчи, я знаю, это ты... – Опять голос Маргариты.

– Кгм!... Сл... Слушаю.

– Здравствуй, Олег...

– Здравствуй.

– Как живешь?

– Спасибо... не жалуюсь.

– Я звонила, но ты не подходишь к телефону...

– Возможно, – неопределенно ответил Олег.

«Глупо... – думал он. – Все глупо... И мои ответы в том числе. Но у меня почему-то нет для нее других слов. Я ждал, что она позвонит. Был в этом уверен. Вот и дождался. Ну и что? Не знаю...»

– Я по тебе соскучилась.

Олег промолчал.

– Ты меня слышишь?

– Слышу...

– Не хочешь со мной говорить... Ну и правильно. Лучшего я не заслужила. – В голосе Маргарите послышалась горечь.

– Глупости. Я ни в чем тебя не виню. Судьба...

– При чем тут судьба? Мы сами ее строим. И только наш выбор, по какой дорожке шагать. А мне так захотелось идти по широкому, ярко освещенному проспекту...

– Естественный выбор. Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше.

– Ты не понял. Проспектом были наши с тобой отношения. И до них, и после я брела и бреду по болоту. Я очень устала... и я больше не могу...

– Он что, обижает тебя?

– Нет, что ты. Георгий чересчур благовоспитанный человек. Не в этом дело.

– А в чем?

– Я просто устала от жизни.

Она что-то не договаривает, встревожился Олег. У нее голос больного человека. Неужели?... О нет, нет!

– Ты заболела? – спросил он прямо.

– Телом – нет. Душой – да. Из меня по капле выцеживаются остатки жизнерадостности и желания что-то делать, как-то шевелиться. Я валяюсь часами на диване, и мне ничего не хочется. Я кажусь себе столетней старухой. Вот, позвонила тебе, и стало немного легче.

– Скажи, где твой портрет, что я написал?

– Портрет? А... Кажется, отец отдал его на какую-то выставку. Георгий говорит, что портрет произвел там фурор. Народ смотрит и восхищается твоим талантом.

– Я прошу тебя... – От волнения голос у Олега пресекался. – Прошу тебя – верните портрет домой. Никому не показывайте. Слышишь – никому!

– Почему?

– А еще лучше было бы совсем его уничтожить. Я верну деньги, которые мне заплатили за работу. Пусть твой отец не сомневается.

– Не понимаю... Портрет действительно великолепен, я вышла на нем гораздо лучше, чем на самом деле. Мне он очень нравится. А ты говоришь – уничтожить. Да что я! Отец никогда не согласится это сделать. Он теперь с гордостью всем показывает, какая у него дочь.

– Твое болезненное состояние происходит от портрета. Он убьет тебя. Избавься от него, умоляю! Сожги его в камине. Тебе этот поступок проститься.

– Глупости. Не вижу никакой связи между моей хандрой и портретом.

– Ну хотя бы закройте его в темной комнате! – с отчаянием сказал Олег. – И не водите к нему экскурсий. Неужели тебе неизвестно, что человеческая зависть страшнее многих болезней? Люди смотрят на портрет, восхищаются, а думают совершенно другое. Послушай меня.

– Вздор. Ты говоришь вздор. Завидуют? Ну и пусть. От зависти за ширмой не спрячешься. И темная комната тоже не поможет. Я не виновата, что мой отец занимает такое высокое положение.

– Понятно... – Олег вдруг почувствовал себя совершенно разбитым. – Ладно, как говорится, хозяин – барин. Мое дело предупредить. Я сделал ошибку, подписавшись нарисовать твой портрет. Правда, я не знал, кто будет моей натурой. Это меня не очень оправдывает, но все же... К глубокому сожалению, я не могу исправить свою ошибку. А ты не хочешь мне в этом помочь. Еще раз говорю тебе – портрет опасен.

«Рассказать ей о моем окаянном таланте или нет? – думал он во время разговора. – А что изменится? Она все равно мне не поверит. Маргарита стала совсем чужой... Остается уповать только на высшие силы. Господи пронеси...»

– Все, заканчиваем разговор, – торопливо сказала Маргарита. – К нам пришли... До свидания, Олег... – Она как будто заколебалась, но все же продолжила скороговоркой: – И запомни – чтобы там ни было, чтобы ты обо мне не думал, а я все равно тебя люблю.

Телефон отключился. Олег бросил его на диван и начал бесцельно ходить по комнате из угла в угол. В нем вдруг проснулась жажда полноценной жизни и его душа взбунтовалась.

Надо что-то делать! Что-то делать... Что?

Взгляд художника упал на ключи от автомобиля, которые лежали на журнальном столике. Есть! Придумал! Олег начал в лихорадочном темпе собираться. Да, верно, он должен съездить в гости к Беляю. Обещал ведь. И долг он так ему и не отдал. А как отдашь? Почты в Зеньках нет, а искать оказию – артель напрасный труд.

Спустя час художник уже мчался по не очень загруженному автомобилями шоссе на своей «тойоте», и с острым интересом, будто первый раз видел, рассматривал деревья по обочинам, покрытые пушистым инеем, нарядно сверкающим под солнечными лучами. На фоне лазурного неба они казались невестами, томящимися в длинной, бесконечной очереди за женихами.

На станцию заезжать он не стал. Только взглянул на коновязь – не стоит ли там Желтопуз в ожидании пассажиров. К удивлению Олега, коновязи уже не было. На ее месте высился большой – размером с легковушку – ящик с песком для противопожарных нужд. Там же находился и пожарный щит.

Ехать по лесной дороге, а затем и по болотистой низменности, где летом могла пройти только двуколка Беляя, было легко и приятно. Конечно, дорога еще больше заросла, но Олег

совершенно не берег машину и не обращал внимания на ветки, царапающие лакокрасочное покрытие кузова.

Что касается болота, то оно уже замерзло, а дорога – тем более, и только изредка из-под колес вырывались фонтанчики грязной воды, марая тонкую белую шубку, уже прикрывшую унылый болотный пейзаж...

Ошеломленный Олег едва успел нажать на тормоз, иначе въехал бы в овражек, откуда «тойоту» не выковыряли бы и бульдозером.

Деревни не было. Она испарилась. Место было то самое – в этом художник мог бы поклясться. Со своей фотографической памятью он запоминал мельчайшие детали рельефа и мог потом рассказать, где и на каком месте лежит каждый камешек.

А деревня пропала. Будто ее и не было здесь отродясь. Только на том месте, где стоял идол, высился бугорок. Что это такое, Олег определить не мог, его прикрывал снег; возможно, кучка камней, придававших идолу большую устойчивость.

Выбравшись из машины, художник пошел по сгнувшей деревеньке. Его ноги сами находили исчезнувшие улицы, и хотя они даже не просматривались, ступни их ощущали.

Мистика, подумал Олег, совсем сбитый с толку. Невероятно. Или я уже допился до белой горячки и сейчас лежу на полу мастерской и вижу сон, или все-таки топчусь на том месте, где когда-то находилась деревня Зеньки.

Может, ее просто снесли? Стариков и старух забрали родственники, а избы сожгли какие-нибудь придурки. Теперь много таких «туристов» шляется по лесам и выморочным деревням в поисках приключений. Для них пустить красного петуха – первая забава.

Но нет, после пожара хоть что-нибудь, да осталось бы. А тут – чистое плато, и везде сухостой, выглядывает из-под снега...

Олег дошел да самого озера. Оно еще не замерзло, было темным и загадочным. Художник, вспомнив кое-что, полез в кусты, но его поиски оказались напрасными – котелка, в котором они с Беляем варили уху, не было. Олег нашел лишь бесформенный кусок ржавого железа.

Воспоминания вдруг нахлынули на него как волна цунами. От них можно было захлебнуться. Он вдруг с небывалой ясностью восстановил в памяти гадание Ожеги, о котором все это время старался забыть.

Но Олегу припомнились не те кошмарные видения, что исходили от котла, а слова ведуньи:

«... Ваш род когда-то был проклят до седьмого колена. Это не суеверные измышления, это правда. Ты – седьмой в роду».

«И что мне делать?»

«Бросить свое занятие, переменить профессию».

«Но я не могу!...»

«Я знаю. Тогда смирись, и пусть тебя рассудят Старцы».

«Кто такие Старцы?»

«Отцы мироздания. Они творцы человеческой судьбы. Старцев трудно узнать, они могут выступать в разных обличьях, в том числе и женских. Ты узнаешь их, когда придет время...»

«Но что, что во мне не так?!»

«Человек странное существо... Он непостоянен в своих привязанностях, мыслях и желаниях. Двудличен, так говорят. Но это в больше степени метафора, нежели истинная его сущность. А вот ты и в самом деле раздвоен. В этом все твои беды».

«Но я ведь почти никогда не лгу, стараюсь не делать людям зла, никого не подсизиваю, никому не завидую!»

«Твоя раздвоенность заключается в чем-то другом. Даже я не могу понять, в чем именно. Тот, кто наложил проклятие, обладал чудовищной энергией. Она разрушила часть течения мирового потока. Ничего поделать нельзя. Скажу только одно, хотя и не имею на это права – ты умрешь в тот момент, когда две твои половины воссоединятся. Так говорит Мара. Но она ничего не объясняет...»

Олег тряхнул головой, прогоняя видение, и быстро пошел обратно. Его вдруг стали тяготить окрестные пейзажи.

До станции он доехал очень быстро, гораздо быстрее, чем до деревни. Казалось, длина дороги сократилась наполовину.

Пустынный перрон оживляла всего одна фигура. Это была тетка в полушубке, которая шоркала метлой. Знакомая картина, почему-то обрадовался Олег. Она стояла к нему спиной, и ее лица он не видел.

– Здравствуйте! – сказал Олег.

Тетка обернулась. Олег не сумел сдержать вздох разочарования – это была не Танюха.

– Здоровы будете, – ответила тетка, с любопытством осматривая художника с головы до ног.

– А где ваша сменщица?

– Олёна? Дома, на полатях... хи-хи... с новым мужичком милуется. Нашла себе... хахаля. Ентот Гринька ни одну юбку не пропустит. Сукин кот...

– Я говорю о другой. Ее зовут Танюха.

– Танюха? – Тетка наморщила лоб. – Что ты, мил человек. Обшибся ты. Нетути у нас такой и никогда не было.

– То есть... как это не было?! – опешил Олег. – Год назад я лично с нею разговаривал. Здесь, на этом перроне.

– Ой, парнишка, ты чевой-то путаешь. Грю тебе, не было, значитца, не было.

– Чудеса...

– Хотя... – Тетка опять изобразила большую задумчивость. – Твоя правда. Служила тут такая. Тока ишшо до войны. Ага, точно, ее Танюхой звали... – Она вдруг замялась, но потом все-таки язык не сдержала: – Плохо о ней говорили...

– Что так? – Олег все еще был в состоянии полного изумления.

– Ведьма она... – Тетка перешла на шепот. – Мамка моя рассказывала, что пришли за ней из НКВД, а она обернулась птицей и улетела. Опосля во всех деревнях обыски были... и батю мово на допрос таскали.

– Понятно... – Олег неуверенно улыбнулся.

Действительно, от НКВД только птицей и можно было улететь. Все это народный сказки, подумал он. Мечтания о несбыточном.

– Скажите, а что случилось с деревней Зеньки? – спросил он, закуривая.

– Чаво? – Тетка удивленно подняла неровно выщипанные брови.

– Куда девались Зеньки, говорю.

– Нетути такой деревни поблизости. И никогда не было.

– Да, уже нет. Но год назад точно была. Я сюда приезжал. И дед Беляй был... на двуколке ездил, пассажиров развозил.

Тетка воззрилась на него как на помешанного. Она даже отступила назад.

– Знаешь что, мил человек, катись дальше на своей чертопхайке! – сказала она сердито. – Мне работать надо, а не разные глупости слушать. Зеньки... Дед на двуколке... – Она фыркнула. – Последнюю кобылу десять лет назад сдали на убой. Колбасу чтобы делать. А дед Беляй в тридцать втором годе Богу душу отдал. Он приходился каким-то родственником ентотой твоей Танюхи...

«Все, – думал совсем сбитый с толку Олег. – Приплыли... Или я уже в больнице для умалишенных, и все события мне только кажутся, или...» Второе «или» было настолько невероятным, что художник постарался тут же выбросить его из головы...

И снова потянулись тоскливые, однообразные дни. Как это ни удивительно, но Олег почти бросил пить. Будто его вылечила поездка в выморочную деревеньку, которая на поверку оказалась миражом.

Водка, которую он пытался влить в свое горло, тут же возвращалась обратно. Единственным спиртным напитком, который еще принимала его душа, осталось пиво. Вскоре вся мастерская была забита пивными бутылками и банками.

Иногда он ради развлечения ездил по городу и бездумно пялился на прохожих. Однажды Олег увидел иностранца. Он стоял на тротуаре и беседовал с каким-то низкорослым человеком, который показался художнику очень знакомым, хотя и был повернут к Олегу спиной.

Пока Олег нашел место, где можно было припарковаться, пока вышел из машины, иностранца и след простыл. Тогда художник побежал в один из переулков (почему-то он решил, что немец направился именно туда).

И действительно в конце переулка Олег увидел быстро – неестественно быстро – удаляющегося Карла Францевича. Но он был не один. Вместе с ним торопливо шагали еще три типа. Теперь не узнать их было просто невозможно.

Переулок, несмотря на дневное время, был пустынен. Даже прохожих не было. Трое иностранцев, – Карл Францевич, жизнерадостный толстяк, с которым Олег познакомился в «Олимпе», и жердяй с хорошо поставленным ударом – а также кошкомордый вор-карманник шли по проезжей части как по аллее парка. По мере удаления их фигуры становились расплывчатыми, пока и вовсе не пропали, оставив после себя бесформенное темное облачко.

Олег тоскливо сказал «Сволочь, сволочь!» и повернул обратно. Он вдруг все понял. Но

страшное открытие почему-то его не сильно взволновало. «До седьмого колена, до седьмого колена...», – бормотал художник, скалясь в полубезумной улыбке.

Возвратившись в мастерскую, Олег упал на диван и забылся в тяжелой полудреме. Ему хотелось вычистить из головы все мысли, – и хорошие, и плохие – будто его черепная коробка была конюшной, а он конюхом.

Из дремотного полубредового состояния художника вырвал настойчивый стук в дверь. «Кто бы это мог быть?» – вяло подумал он, не делая никаких попыток проверить. Постучат и уйдут, решил он, закрывая глаза. Но человек по другую сторону двери был настойчив. Он барабанил, не переставая.

«Вот паразиты! Когда они оставят меня в покое?! Что им от меня нужно?!» Задав этот риторический вопрос самому себе, Олег пошел открывать дверь.

На лестничной площадке стоял молодой человек с сумкой почтальона, только немного меньших размеров. Он спросил:

– Вы Олег Ильич Радлов?

– Да. Что вам угодно?

– На ваше имя пришла срочная телеграмма. Распишитесь... – Почтальон (вернее, работник недавно организованной службы спецдоставки) подsunул Олегу толстый гроссбух.

Олег расписался. Парень отдал художнику телеграмму, вежливо улыбнулся, не без шика козырнул («Наверное, из военных. Сейчас многие молодые офицеры уходят из армии», – подумал Олег), и был таков.

Возвратившись на свой любимый диван, он распечатал конверт с телеграммой и прочитал несколько скупых строк. Сообщение было убийственным, но оно не удивило и не потрясло Олега, как можно было ожидать. Упустив телеграмму на пол, Олег поднялся, и как сомнамбула пошел к зеркалу.

Вот и случилось... Маргарита внезапно умерла. Телеграмму прислал Георгий. Об этом она действительно попросила его на смертном одре. Марго даже не мучилась.

Счастливая, подумал Олег. Она уже ТАМ...

Он всмотрелся в свое отображение. И неожиданно перед ним открылось то, о чем ему не сказала Ожега.

Господи, какой он идиот! Не мог сразу догадаться. Это же так просто. Женщины, которые явились ему во сне, это славянские мойры[52] – Макошь[53], Доля и Недоля[54]. А обрезок нити, вспорхнувший в небеса из рук Недоли, это его судьба. И она уже определена. Определена!

Засмеявшись зловещим смехом, Олег, снял из себя дедов оберег и положил его в шкатулку, затем подтащил к зеркалу мольберт, приготовил все необходимое, – благо после заказов иностранца у него для ТАКОЙ живописи остались краски и лаки – и начал писать свой автопортрет.

Он забыл про все на свете. Его кисть парила над полотном, порхала, касаясь холста именно в тех местах, где нужно. Олег лишь скалил зубы в диком упоении процессом творчества – он знал, КТО водит его рукой.

Художник чувствовал, как его энергия мощным потоком вливается в портрет, который

впитывает ее как губка. Это было странное чувство. Но оно приносило облегчение. Тело стало воздушным и почти невесомым, а мысли были прозрачны и светлы.

Иногда Олег отрывался от работы и вглядывался в свое отображение. Казалось, что оно стало живее и ближе, словно стеклянная перегородка, разделяющая копию и оригинал, начала истончаться, потому что зеркальная поверхность начала сбрасывать, как шелуху, тончайшие стеклянные слои.

Мало того, иногда ему чудилось, что отображение сильно изменилось, стало старше, чем он, что оно изо всех сил стремится покинуть Зазеркалье и слиться с ним в единое целое. Как раз этого Мара и не поведала Ожеге. А может, ведунья не захотела сказать, только намекнула...

Сделав последний мазок, Олег встал, отошел на три метра, и с удовлетворением посмотрел на свою работу. Да, верно говорила Марго, люблю я приукрашивать, – подумал он не без бахвальства. Не портрет, а загляденье. Во мне точно пропадает гений.

Нет, не пропадает, а уже пропал...

Сухо рассмеявшись, художник принял душ, переоделся во все чистое, зажег свечу перед картонной иконкой, которую купил по случаю в церкви, подошел к дивану и лег, сложив руки на груди.

«Пора, брат, пора...» – сказал он мысленно и закрыл глаза.

Портрет смотрел на него настороженно и загадочно. В очень живых глазах молодого человека, изображенного на портрете, таилась печаль. И у него почему-то были седые волосы. Такие же, как и у лежавшего на диване художника, лицо которого медленно покрывалось восковой бледностью. ОТ АВТОРА

Не имею морального права затрагивать в этом кратком послесловии известных современных художников. Некоторые из них, к глубокому сожалению, уже заплатили за свой талант непомерно большую цену. Кое у кого талант и впрямь окаянный, хотя от человека это, в принципе, и не зависит. Хочу всего лишь обратиться к истории вопроса.

Исследователи аномальных явлений обнаружили странную закономерность: многие модели знаменитых живописцев умирали во время или после написания их портрета. Супруга Рембрандта, Саския, которая позировала для картин «Диана» и «Флора», умерла в 30 лет. Рембрандт нарисовал и портреты своих детей. В итоге трое умерли в младенчестве, четвертый – в 27 лет. Вторая жена художника – Хендрике Стоффельдс, запечатленная на многих картинах, тоже прожила недолго. Мона Лиза, позировавшая Леонардо да Винчи, в итоге умерла в возрасте 28 лет. Герцогиня Альба – модель испанского живописца Гойи, изобразившего ее на картинах «Маха обнаженная» и «Маха одетая», – через три года после завершения полотен отошла в мир иной, хотя и отличалась отменным здоровьем.

М. И. Лопухина, позировавшая Владимиру Боровиковскому, умерла через три года после написания портрета. Та же участь постигла мальчика Васю из картины Василия Перова «Тройка». Его мать была мудрой женщиной, она не разрешала, чтобы сын позировать художнику, боясь, что он умрет. Так и случилось. Илье Репину для картины, на которой Иван Грозный убивает сына, позировал писатель Всеволод Гаршин. По окончании полотна Гаршин бросился с площадки четвертого этажа в лестничный пролет.

Французский скульптор Огюст Роден свою жену никогда не рисовал, не лепил и прожил с ней долгую и счастливую жизнь. Зато свою любовницу Камиллу Кладель он запечатлел в композициях «Поцелуй» и «Вечная весна», после чего несчастная женщина сошла с ума и 20 лет провела в сумасшедшем доме, мучимая страшными припадками. Какая-то связь между

написанным «двойником» и человеком явно есть. Недаром при поступлении в масонскую ложу у нового члена брали его портрет, чтобы он там хранился как залог его души.

Феномен «судьбоносных картин» пытаются объяснить ученые разных стран. Например, с помощью термографии зафиксировано, что в состоянии творческого экстаза в мозг художника поступает огромное количество энергии и у него развивается измененное состояние сознания. При этом отмечено, что когда у художника энергетика повышается, у натурщика резко снижаются биопотенциалы мозга. Ученые исследовали силу человеческого взгляда и обнаружили, что он сопровождается излучением так называемой теллурической энергии. Причем это излучение удается фиксировать на расстоянии до 10 метров от глаз.

Почему лики святых на иконах как будто одинаковые? Оказывается, канонизированных людей по законам православия нельзя изображать зеркально правдиво. Портрет на иконах можно создать только после смерти, когда определенно можно сказать, правильно ли он прожил свой век и хорошо ли умер. Вдруг будущий святой поддастся искушению в последний момент.

Существует суеверие, что если при жизни изобразишь человека, когда он хороший, то потом с ним приключится несчастье. Как сглаз. Поэтому портрет святого пишется через несколько лет после смерти – по воспоминаниям очевидцев. И изображение образа, конечно, получается обобщенным. Это хорошо видно по иконам Сергия Радонежского. Иконописцы рисуют одинаковые формы ушей и бороды, но лицо у каждого из них получается разное.

Есть предположение, что портрет – это биоэнергоинформационный фантом человека. И чем талантливее портрет, тем ранимее оригинал.

Примечания

1

Мальвазия – белое ликерное вино (или сладкая мадера), получающееся из винограда того же названия, изготавливается на острове Мадейра; свои высоко ценимые качества приобретает лишь после довольно продолжительной выдержки (5-6 лет). В средние века мальвазия поставлялась исключительно к королевским дворам.

2

Аннушка – Анна Ивановна Монс, дочь немецкого уроженца, золотых дел мастера (по другим известиям – виноторговца) в Немецкой слободе под Москвой; в течение более 10 лет (с 1691 года) фаворитка Петра Великого.

3

Лакоста – Ян д`Акоста, еврей-маран, бежавший от преследования португальской инквизиции, придворный шут Петра I; наряду с шутом Балакиревым занимал при дворе видное место.

4

Ихор – божественная бесцветная жидкость, кровь богов; жизненная сила.

5

In Deo fiducia vinces – верю в Бога победишь (лат.)

6

Imperium terrae finitur ubi finitur armorum potestas – власть над землей кончается там, где кончается мощь оружия (лат.)

7

Марина – картина, изображающая морской вид.

8

Детинец – укрепленная часть поселения-города в Древней Руси; располагался на возвышенности, часто – на высоком берегу реки, окружался деревянными или, позднее, каменными стенами с башнями; с XIV века термин «детинец» был заменен термином «кремль».

9

Облоухий – ушастый (слав.)

10

Медовуха – алкогольный напиток, приготовленный путем брожения фруктовых соков или кваса с добавлением пчелиного мёда и спирта.

11

Смашной – вкусный.

12

Ерофеич – водка, настоянная на травах.

13

Быличка – рассказ о нечистой силе, в достоверности которой не сомневаются (слав.)

14

Ратафия – сладкая водка; может быть мятной, вишневой, смородинной, клюквенной, абрикосовой и т.д.

15

Луда – мель, камни в озере, выступающие из воды (слав.)

16

Голландчики – золотые червонцы, битые на Санкт-Петербургском Монетном дворе.

17

Аид – бог подземного царства мертвых в древнегреческой мифологии.

18

Петроглифы, писаницы – древние изображения, высеченные на камне; в большинстве своем носили магический характер.

19

Мара, Мора – воплощение смерти (слав. миф.)

20

Нави – бесы (слав. миф.)

21

Бюргер – горожанин.

22

Ям – почтовая станция, на которой проезжающие меняли лошадей (XVIII-XIX вв.)

23

Берегини – нимфы, феи.

24

Гамаюн – вещая птица, посланница славянских богов, их глашатай, поющая людям

божественные гимны и провещающая будущее тем, кто умеет слышать тайное; Гамаюн знает все о происхождении земли и неба, богов и героев, людей и чудовищ, птиц и зверей.

25

Зеньки – происходит от старославянского слова «зень» – земля; земляца.

26

Анахорет – отшельник.

27

Харон – в греческой мифологии перевозчик мертвых по водам подземных рек в Аиде; изображался старцем в рубище.

28

Лессировать – нанести тонкий слой прозрачной краски на высохшие места картины с целью усилить или видоизменить тон.

29

Приап – в античной мифологии божество производительных сил природы; жители Лампсаки считали Приапа основателем их города. Он был изгнан из города за небывалый по размерам фаллос. До конца 4 в. до н э. Приап почитался в виде древесного сучка и осла, о чем свидетельствуют мифы о Приапе и осле у Овидия.

30

Иксъюз май дистебинн ю – простите за беспокойство (англ.)

31

Муттер – мать, фатер – отец (нем.)

32

Найн – нет (нем.)

33

Итс э пити – жаль (англ.)

34

Каури – раковины морских моллюсков размером 2-3 см.; встречаются в теплых морях, особенно в Индийском океане и в южной части Тихого океана. Каури в качестве денег были широко распространены по всей западной и отчасти центральной Африке.

35

Ауф видэрзезн – до свидания (нем.)

36

Орднунг – порядок (нем.)

37

Обсидиан – вулканическое стекло, чаще всего темно-серого цвета; выделяет энергии, гармонизирующие разум и эмоции, поглощает дурные намерения, часто используется как амулет.

38

Щипач – вор-карманник (жарг.)

39

Курант – (франц. *courant*), конусообразной формы инструмент (пест) для растирания ручным способом на каменной плите красящих веществ в процессе приготовления красок для живописи и типографских красок. Крупные куранты делают из твёрдого камня (лабрадор, порфир и др.)

40

Sommelier – сомелье (фр.); основной вопрос, которым занимается сомелье в ресторане – это рекомендации по выбору напитков и обеспечение их грамотной подачи гостям; также в его обязанности входит составление винной карты и поддержание, в соответствии с ней, запаса вин в ресторане; он часто бывает ответственным по закупке вин или, как минимум, участвует в обсуждении заказываемых партий.

41

Калита – старинное народное название денежной сумки или мешка; делалась преимущественно из кожи или из сафьяна с вышитыми изображениями зверей и птиц.

42

Бонвиван – человек, любящий жить богато, беспечно и в свое удовольствие.

43

Grand Cru – так классифицируются самые лучшие французские вина; эта надпись чаще всего наносится после названия виноградаря (фр.).

44

Гойя – Франсиско Хосе Гойя (Francisco Jose Goya y Lucientes) (1746—1828), или Гойя-и-Лусьентес, великий испанский художник и гравёр.

45

Мёд – крепкий алкогольный напиток, основным сырьем для которого является пчелиный мед; изготовлялся почти всеми древнейшими народами Европы. До конца XVII в. был лучшим и наиболее почитаемым русским хмельным напитком. Мёды были вареные и ставленные, по способу приготовления и по разным приправам назывались простой мёд, пресный, белый, красный, боярский, ягодный и т. п.

46

Fortuna fingit latratque, ut lubet – судьба лепит и мнет, как ей заблагорассудится (Плавт Тит Макций).

47

Вертухай – надзиратель (жарг.)

48

Мохнатая – богатая (жарг.)

49

Крытка – тюрьма (жарг.)

50

Хозяин – начальник (жарг.)

51

Майн либер хэр – мой дорогой господин (нем.)

52

Мойры – в греческой мифологии богини судьбы; их имена: Лахесис (дающая жребий), Клото (пряduщая) и Атропос (неотвратимая).

53

Макошь, Мокошь, Мокуша – старшая из трех богинь-прых судьбы в славянской мифологии, древнейшая богиня, мать богов; в православии образ Макоши слился с образом Параскевы Пятницы.

54

Доля и Недоля – в славянской мифологии две сестры-прых, прядущие нити судеб людских (одна – Доля – прядет длинную ровную нить счастья, удачи, вторая – неровную, непрочную, сулящую тяжёлую или короткую жизнь).108